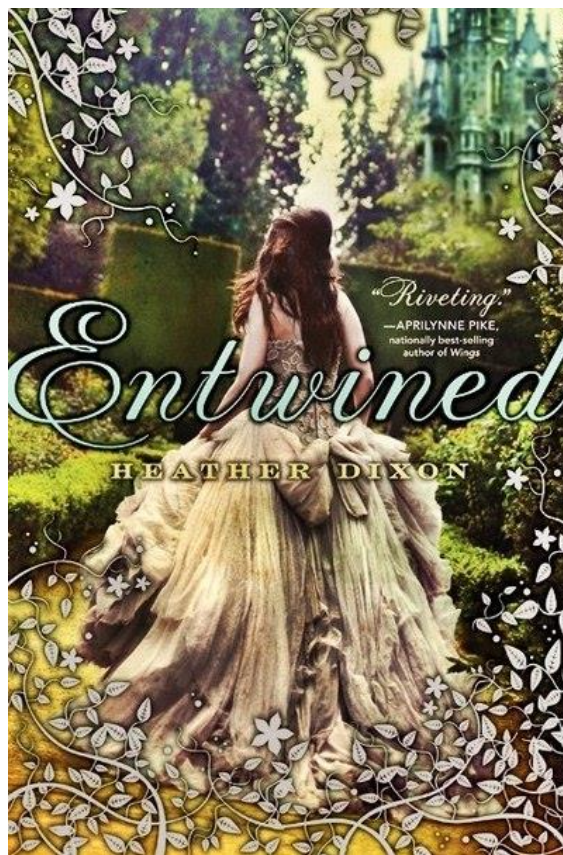

«Сплетение»

Хизер Диксон

Автор: Хизер Диксон

Оригинальное название: Entwined

Название на русском: Сплетение

Серия: нет

Перевод: Алёна Лещенко

Редактор: Алёна Лещенко

Переведено специально для группы <http://vk.com/club43447162>

Любое копирование без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Придите и излечите свои разбитые сердца здесь.

Когда Азалия чувствует что у нее есть все: красивые платья, лихие женихи и залы наполненные танцами и шарами, у нее все это забирают. И Азалия оказывается в ловушке. Хранитель это знает. Он также находится в ловушке дворцовых стен на протяжении веков. Поэтому и приглашает ее.

Каждую ночь Азалия и ее одиннадцать сестер могут пройти сквозь заколдованную дверь в своей комнате и танцевать в серебряном лесу, но у всего есть своя цена. Хранителю нравится это. Но Азалия не понимает насколько запуталась в этой паутине, пока не становится слишком поздно.

ГЛАВА 1

За час до начала своего первого бала Азалия расхаживала по танцевальному залу, выводя фигуры вальса одетыми в пуанты ножками. Ей предстояло открывать бал с Королём, который... танцевал как медведь.

Однако, это её не пугало, ведь неуклюжие и плоские па Короля она может приукрасить дополнительными взмахами и поворотами. Если она в чём и преуспела, так это в искусстве танца. А в этом году, из-за болезни Матушки, хозяйкой бала выступала она, и Азалия стремилась, чтобы всё прошло безупречно.

Не так, как в прошлый раз, когда Святки обернулись скандалом. Слишком юные, чтобы присутствовать на единственном ежегодном танцевальном приеме, устраиваемым королевской семьёй, Азалия вместе с её десятью младшими сестрами собрали во дворце все одеяла, плащи и шали и спрятались за окнами бального зала. Азалия помнила ледяной воздух, как царапались розовые кусты, и как они жались друг к другу, чтобы согреться. Сквозь замерзшие стёкла лучами расходился золотой свет. Девочки прижимали свои носики к окнам и восхищались танцующими, особенно Матушкой, которая кружилась в танце как ангел.

Они уснули в тех самых кустах роз, уткнувшись друг в дружку, точно мышата. Едва обнаружив исчезновение девочек, Матушка прервала празднование и заставила всех заняться поисками, даже музыкантов. Нашел сестёр премьер-министр Фейрвеллер. Содрогаясь, Азалия проснулась и увидела, как он стоит над ними с лампой в руке и хмурится.

В ответ девочки забросали его снежками.

В наказание за тот знатный-скандал-со-снежками-в-розовых-кустах на две недели отменили танцевальные занятия, но все сёстры согласились, что оно того стоило. Тем не менее, Азалия надеялась, что в этом году Святки пройдут благополучно. Поджимая пальчики в бальных туфельках, она порхала над столом с десертами в главном зале, переставляя блюда и давая указания нанятой прислуге, которая приносила подносы с заварным лимонным кремом и сладостями с корицей.

Мистер Пудинг застал её, когда за высокими арочными окнами только начали кружиться снежинки, а недавно прибывшие музыканты настраивали скрипки в углу. Азалия стояла на коленях на мраморном полу в облаке из шелков и кринолинов, собирая разбросанные сосновые иголки. Мистер Пудинг был Королевским дворецким. А также Королевским конюхом, Королевским чистильщиком обуви и Королевским подайте-вещи-с-верхней-полки. С усилием он преклонил колени.

— Все в порядке, мистер Пудинг, — сказала Азалия. — Я справлюсь.

— Слушаюсь, мисс, как скажете, — ответил он, собирая хвою грубыми руками. — Только... ваша мать хочет видеть вас, мисс.

Азалия замерла, иголки кололи ей ладони.

— Хочет видеть? — повторила она. — А Король не будет против?

— Конечно не будет, мисс, — заверил мистер Пудинг, помогая ей подняться. — Он не сможет возражать, если ваша мама настаивает.

Болезнь Матушки не относилась к тем резким и тяжелым заболеваниям, которые внезапно обрушиваются на человека. Её недуг развивался медленно и тянулся годами, маленькими кусочками лишая здоровья. Неделями она чувствовала себя лучше, настолько, что могла позволить себе пить чай в саду с Азалией и её сестрами и учить их танцевать. Но гораздо чаще, особенно в последнее время, в ее глазах мелькали огоньки боли. И несмотря на это, она всегда говорила, что чувствует себя лучше и непременно озаряла комнату лучезарной улыбкой. В этом была вся Матушка.

Учитывая скорое появление малыша, Король запретил Азалии или ее сестрам устраивать чаепитие в покоях Матушки или даже навещать ее дольше нескольких минут в день. Тем не менее, когда через два лестничных пролета Азалия, затаив дыхание и сияя, оказалась в

комнате Матушки, повсюду виднелись следы пребывания сестер. Комод украшали заклеенные игральные карты, а вазы с засушенными розами и красной вербой наполняли комнату цветочным ароматом. В камине пылал жаркий огонь, отбрасывая желтые тени на украшенную цветочным орнаментом мебель.

Матушка сидела на вертикальной софе, ее золотисто-каштановые волосы по обыкновению выбивались из прически. На ней было ее любимое голубое платье, местами заштопанное, но опрятное. Ее руки покоились на животе.

Она спала. Улыбка Азалии исчезла.

Втайне надеясь, что шелест юбок разбудит Матушку, Азалия сложила стопкой колоду карт, но вскоре осекла себя за такую мысль. В последнее время лишь во сне Матушка чувствовала упокоение. На столике возле софы слабо позвякивал старый волшебный чайный сервиз, бесцеремонно наливая чай в чашку.

Азалия не беспокоилась из-за этого старинного посеребренного чайного сервиза. Несколько сотен лет назад, задолго до того, как на улицах Исбери появились фонари и мощеные дороги, по дворцу гуляла магия. Правящий монарх, Его Королевское Величество Повелитель Д'Ис, был помешан на ней. Он накладывал чары на портьеры, чтобы те сплетались вокруг шей слуг, заставлял мерцать лампы, если кто-то шел мимо, и заманивал неудачливых гостей в свои зеркала навечно.

Девятый прадед Азалии, Гарольд Первый, сверг его. Однако, во дворце еще остались очаги магии, одним из которых был этот старый чайный сервиз. Были даже щипцы для сахара, хватающие девочек за пальцы, если они хотели больше, чем один кубик. За это они прозвали его сахарные зубы, а Азалия полагала, что они такие же злые как и в прошлом их создатель.

— Только попробуйте разбудить ее, — угрожающе произнесла Азалия, понизив голос, поставив полную чашку на большом плоском блюде. — И клянусь, я расплаблю вас в кольцах для салфеток.

Чашка отскочила на подлокотник софы и уткнулась в руку Матушки. Азалия схватила ее и воткнула между помятой сахарницей и чайником. Сахарные зубы выпрыгнули из чаши и ухватили ее за пальцы.

— Ой! — вскрикнула Азалия. — Ах вы, маленькие...

Матушка встрепенулась.

— Вот дурашки, — произнесла она, открывая глаза и выдавливая улыбку. — Не сердись. Ты же знаешь, они всего лишь пытаются помочь.

— Они драконят тебя! — возразила Азалия, чей боевой дух усиливался, несмотря на созерцание боли в глазах Матушки. У Матушки была особая мужественная манера улыбаться, от чего у нее появлялись ямочки на щеках, и в комнате становилось светлее. — Отнесу их на кухню. Как ты себя чувствуешь?

— Ммм, лучше. Где девочки? Я их тоже хотела увидеть.

— Думаю, гуляют где-то в саду.

В суете приготовлений и снования туда и обратно, Азалия совсем потеряла их из виду. Они даже не пришли посмотреть на ее бальное платье. Миссис Грэйби и одна из служанок помогли ей на кухне одеть платье и затянуть корсет, пока она нетерпеливо вычерчивала мысками круги и линии.

— Надо же, — удивилась Матушка. — Хорошо. Если они веселятся в Рождественский сочельник, то... я рада них. Ах! Но взгляни на себя! Наследная принцесса! Ты прямо девушка с картинки! Зеленый так подчеркивает твои глаза. Я знала, он тебе пойдет.

Азалия уловила свое отражение в сердитом чайном сервизе. Каштановые локоны обрамляли лицо, а из-за туго затянутого корсета пылали щеки. До талии через плечо спускался серебряный шарф. Она выглядела по-королевски, что совсем на нее не похоже.

— Все говорят, что я — вылитая ты, — застенчиво сказала Азалия.

— Ты — везунчик! Сделай реверанс Шлезвиг.

Еще до того, как Азалия полностью осознала, что делает, ноги ее перехватили контроль, и она опустилась в глубокий реверанс. Струящиеся потоки от подушечек пальцев на ногах до кончиков пальцев на руках обернулись в одно волнообразное движение, сопровождаемое шелестом юбок. Она исчезла в воздушном облаке кринолинов.

— Мастерски! — засмеялась Матушка. — Ты гораздо лучше, чем я! Вверх, выше, выше. Очень хорошо! Дамские плащи — в библиотеку, мужские шляпы в...

— В вестибюль. Да, я помню, — Азалия разгладила свои юбки.

— Замечательно. Мужчины будут сходиться по тебе с ума. Танцуй со всеми одинокими кавалерами и выбери для себя самого лучшего. Мы не можем позволить парламенту решать все.

Азалия поджала пальцы в балетных тапочках.

Она ненавидела это тошнотворное чувство, возникающее при мысли о ее будущем мужчине. Она представляла себе это в виде бала длиною в жизнь, на котором парламент выбрал ей партнера для танцев. И она не знала, будет ли это деликатный танцор, тот, кто с легкостью поведет ее через все сложные повороты, или он будет пошатываться на каждом шагу. Или даже хуже, если он силой поведет, насмехаясь над ней, когда она будет спотыкаться в его руках. Азалия старалась подавить это чувство.

— Я очень хочу, чтобы ты смогла прийти, — сказала она.

— Твой отец придет.

— Это не одно и то же. — Азалия наклонилась и поцеловала Матушку, вдыхая сладкий запах бисквитного кекса на яичных белках и детской мази. — Мне тебя не хватает.

— Азалия, — произнесла Матушка, протягивая руку к плечу дочери, — перед тем, как ты уйдешь, присядь.

Немного удивленная Азалия встала на колени. Пышные юбки окутали ее облаком. Пуффф.

Из ящика в конце стола Матушка достала серебряный платок, сложенный квадратом. Серебряный был цветом королевской семьи. В мягком свете переливались вышитые инициалы Б.Е.В.

Матушка прижала его к рукам Азалии.

У Азалии перехватило дыхание — настолько у Матушки были ледяные руки.

— Твои сестры, — сказала Матушка. — Ты так хорошо за ними приглядываешь все эти месяцы, пока я нездорова. Ты же всегда будешь заботиться о них?

— Что-то не так?

— Обещай мне.

— Разумеется... — ответила Азалия, — ты же знаешь.

Едва слова соскочили с губ, как холодная волна мурашек пробежала по всему телу. Покалывание началось внизу спины, по венам направилось к кончикам пальцев на руках и ногах, обдавая все ее тело душем из ледяных иголок. Незнакомое ощущение заставило Азалию резко перевести дыхание.

— Мама...

— Я хочу, чтобы ты сберегла платок, — продолжала Матушка. — Он теперь твой. Леди всегда нужно носить носовой платок.

Азалия держала ее холодные руки в своих, пытаясь согреть. Матушка устало засмеялась. Ее смех переливался как ручей, несмотря на измученность. Она подалась вперед и поцеловала пальцы дочери.

К побелевшим от нажима губам медленно возвращался естественный цвет.

— Удачи, — сказала Матушка.

Король не оторвал взгляда от своих бумаг, когда Азалия ворвалась в библиотеку. От преодоления двух лестничных пролетов в объемных шелковых юбках у нее сбилось дыхание, и она ловила воздух крошечными глотками.

— Мисс Азалия, — произнес он, макая ручку в чернильницу. — У нас при дворе установлены правила, разве нет?

— Да, сударь, я знаю...

— Правило номер восемь, параграф первый, Мисс Азалия.

— Сударь...

Король посмотрел на нее. Когда он хмурился, казалось, что воздух замерзает и раскалывается словно лед.

Азалия сжала кулаки и едва удержалась от резкого ответа. Два года! Почти два года она занимается домом, пока Матушка болеет, а он все равно заставляет ее стучать! Она вышла из библиотеки, хлопнув дверью, сосчитала до двух и громко постучала.

— Да, вы можете войти, — прозвучал голос Короля.

Азалия стиснула зубы.

Король был уже одет для бала, в официальных цветах — красном и серебряном. На его военной форме был ровный ряд пуговиц и медалей, сверху одет серебряный кушак от груди до запястья, как у Азалии. Пока он перебирал бумаги, Азалия увидела несколько слов: соглашение, войска и сражение. Как генерал-капитан, он уйдет вместе с кавалерийскими полками на несколько недель помогать соседним странам в войне. Азалия не любила об этом думать.

— Теперь порядок, — сказал он, когда Азалия подошла к столу. — Невозможно управлять страной без законов; невозможно управлять хозяйством без правил. Это так.

— Сударь, — сказала Азалия, — дело в Матушке.

Услышав это, Король отложил бумаги.

— Я думаю, нужно послать за сэром Джоном, — сказала Азалия. — Я знаю, он приходил сегодня утром, но... что-то не так.

Образ матери с белыми губами, еле-еле краснеющими, всплыл в голове Азалии, она сжала пальцы. Король встал.

— Хорошо, — произнес он. — Я сам приведу его прямо сейчас. — Он взял пальто и шляпу с вешалки возле камина. — Уделите внимание гостям. Они скоро придут. И... — Король нахмурился. — Убедитесь, что ваши сестры находятся в вашей комнате. Они пообещали, что не выйдут, но... вы же их знаете.

— Вы заставили их пообещать, что они не выйдут из комнаты? — негодуя воскликнула Азалия. — Даже Брэмбл?*

(* "Bramble" в переводе с англ. "ежевика" прим. перевод.)

— Особенно Брэмбл.

— Но это же традиция — подглядывать на Святки! Даже Матушка...

— Традиция отменена, мисс Азалия. Я не допущу этого, после полного фиаско в прошлом году.

Азалия поджала губы. Разумеется, она не хотела, чтобы бал закончился как в прошлый раз, но держать сестер в комнате, как в клетке, было несправедливо.

— Вот что мы сделаем, мисс Азалия, — сказал Король. — Я послал сладости в вашу комнату и разрезал рисунок, чтобы они вместе собрали его по кусочкам. Им не будет грустно.

Король собрался уходить, и Азалия спросила вслед.

— Вы вернетесь в течение часа? К первому танцу?

— Азалия, в самом деле! — ответил Король, надевая плотную шляпу. — Неужели для тебя все сводится к танцам?

Это и в самом деле было так, но в данный момент Азалия решила не акцентировать на этом внимание.

— Так вы вернетесь вовремя? — спросила она.

Король махнул рукой на прощание.

— Как скажете, — ответил он и ушел.

ГЛАВА 2

Примерно час спустя часы на башне пробили восемь, бальная комната наполнилась гостями, напоминающими яркие цветные букеты, ароматы мускатного ореха и сосны витали в воздухе, стоящие в углу рождественские елки сверкали и мерцали стеклянными шарами, а Азалия шла под руку с премьер-министром Фейрвеллером.

— Он правда не смог прийти? — беспокоилась Азалия, пока Фейрвеллер вел ее в центр бального зала. — Что-то случилось? Или он просто хотел избежать танцев?

— Он передал, что сожалеет, — сказал Фейрвеллер, — и напомнил, чтобы вы ухаживали за гостями. Он захотел остаться с вашей матерью. Но доктор не выглядел обеспокоенным.

Азалия вытолкнула из головы образ белых губ. Вместо этого она пристально посмотрела на руку Фейрвеллера в черной перчатке. Почему Король попросил Фейрвеллера сопровождать ее? Фейрвеллер неплохо выглядел, был молод — особенно для премьер-министра. Но, Боже! Азалия помнила бывшего премьер-министра, лорда Брэдфорда, ровесника Короля. Азалия была совсем маленькой, когда лорд умер. Это был приятный джентльмен с блеском в глазах, от которого пахло мылом и кофе, а на губах играла едва заметная улыбка.

Фейрвеллер, напротив, казался грозовой тучей. Он никогда не улыбался, носил он только черное, даже черные запонки и жилет и походил на большого скользкого паука. И еще один недостаток — его нельзя было раздавить.

— Может, у Матушки начались роды? — спросила Азалия. — Но ведь еще рановато для этого, да?

— Не могу знать, — ответил Фейрвеллер.

Азалия коварно улыбнулась ему милой улыбкой.

— Я надеюсь, вы хорошо танцуете, — процедила она сквозь зубы. — Или бал будет окончательно испорчен.

Фейрвеллер встал с ней в идеальную танцевальную позицию.

Заиграла музыка, разговоры стихли. Азалия начала вальсировать с Фейрвеллером. На удивление он оказался мастерским танцором. Они скользили по танцевальной зале в такт музыке, лавируя между другими парами. На самом деле была только одна неправильная вещь в танце с Фейрвеллером ... это сам Фейрвеллер.

Вальс закончился. Премьер-министр проводил ее к краю бальной комнаты, Азалию обступили мужчины, приглашая на танец.

Веселая музыка, праздничные украшения, витиевато падающий за окнами снег, отражающийся в зеркалах комнаты, и танец превратили бальный зал в нечто почти

магическое. Танцую джигу, кадрили и вальсы, Азалия почти забыла, что помещение было старое, отовсюду сквозило, а окна протекали во время дождя.

Она каждый раз ухмылялась, когда партнер ставил ее в танцевальную позицию и его брови вздымались все выше и выше, покуда он вел ее по залу. Они проносились мимо дам в шифоне и кружеве, заставляя их кринолины колыхаться от легкого дуновения. Азалия танцевала легко, даже самому неуловимому из движений придавая совершенную форму, и не пропускала ни единого па. Когда приходила пора провожать ее к бархатному креслу у стены, кавалеры сияли и восхваляли ее грациозность. Азалия отвечала на комплименты идеальным глубоким реверансом, во время которого ее зеленые юбки укладывались на полу шелковым водопадом, и она хихикала про себя, видя их отвисшие челюсти. Наступит день, твердо решила она, когда она будет также грациозна как Матушка. Матушка не ходила, она, словно, плыла.

Пол задрожал, когда куранты пробили десять, и гости приступили к подвижной польке. Азалия не очень любила этот тяжелый изматывающий танец. Сквозь неясные очертания танцующих она незаметно пробралась в угол, где стояли елки в надежде ненадолго уединиться. До настоящего времени все шло великолепно. Если бы только Матушка и ее сестры были здесь, то было бы совсем идеально.

Азалия подумывала метнуться наверх и проверить их. Она представляла девочек, запертых в своей комнате, сквозь пол доносится музыка. Они сидят за круглым столом, стеклянными глазами вглядываясь в кусочки картинки. Азалия вздохнула и легонько ударила по одному из шаров на украшенной серебряными лентами елке.

Послышался звон шаров. Из-за веток выросла рука с платком между пальцами. Азалия отскочила.

— Вытри слезы, птенчик, — сказала дерево.

— О, Господи! — вскрикнула Азалия, принимая платок от бестелесной руки, которая, шурша, скользнула обратно в дерево. В углу платка красовались небрежно вышитые буквы Б.Е.В.

— Тем не менее, казалось, ты вот-вот разразишься слезами, — послышалось из-за дерева.

— Брэмбл!

Из-за веток, увешанных шарами из серебряными украшениями, подмигнула пара желто-зеленых глаз. Азалия подавила восторженный возглас.

— Привет, Аз!

Установленные вокруг угла в танцевальном зале елки сформировали пустое пространство, напоминающее по форме кусочек пирога, в котором сейчас разместились сестры.

— Выглядит... уютно, — произнесла Азалия.

— Ничего страшного в том, что мы уже не чувствуем ног, — криво ухмыльнулась Брэмбл.

— Здесь немного неудобно, но оно того стоит.

Азалия посмотрела сквозь ветки. Кловия* укачивала Жасмин и Кейл*, которые беспробудно спали. Ева* прижалась к ней, сжимая книгу. Ее лицо прикрывала сосновая ветка.

* ("Clover" — в переводе с англ. "клевер". прим. перевод.)("Kale" — в переводе с англ. "капуста лиловая". прим. перевод), (англ. Eve)

— Как там у вас, Ева? — спросила Азалия.

Ева перевернула страницу книги.

— Света маловато.

Азалия бросила быстрый взгляд на гостей, все еще поглощенных танцами.

— Король ужасно рассердится, — сказала она, — разве вы не пообещали ему не выходить?

— А мы и не выходим! — парировала Брэмбл. — Та-дам! В следующий раз Королю следует дважды обдумывать свои слова. Ты рада, что мы здесь?

Восторг охватил Азалию, и она не смогла сдержать смех.

— Неопишимо!

Девочки наперебой затараторили.

— В этом году бал совершенно чудесный!

— Не могу дождаться, когда вырасту!

— Еда выглядит изумительно!

— Ты покорила всех мужчин!

— Только помни, не привязывайся ни к кому из них, — сказала Дельфиния*, считающая себя экспертом в любовных делах, ведь ей было уже двенадцать. — Они танцуют с тобой не потому, что ты — это ты, а потому, что если они женятся на тебе, то получают корону.

*("Delphinium" — в переводе с англ. дельфиниум. прим. перевод.)

Улыбка Азалии погасла. Она отошла от елок, чувствуя будто невидимая рука скрутила ей живот.

— Ох!... перестань, Дельфиния! — сказала Брэмбл.

— Я всего лишь считаю, что ей не следует влюбляться и все тут, — настаивала Дельфиния. — Как только парламент выберет следующего Короля она...

— Да, спасибо. — Брэмбл оттолкнула Дельфинию назад, из-за чего хвойная масса зашелестела. Шары зазвенели. Брэмбл снова повернулась к Азалии с уже знакомой кривой ухмылкой.

— Надеюсь, ты великодушна, — сказала она. — Наш знатный ёлочный переполох занял много времени. Мы заверили Короля, что будем в нашей комнате весь день, ну, знаешь, дуться. А затем проскользнули сюда после чая.

— Вы здесь так давно? — удивилась Азалия. — Вы, должно быть, голодны!

— Голодны? Да мы умираем от голода!

— О, да! — загудели остальные девочки. — У нас нет ни крошки покушать, ни крошки, ни крошки, ни крошки!

Хвойная масса затряслась.

Азалия, смеясь, отпрянула.

— Это я могу исправить! — сказала она и невинно поплыла к столу с десертами.

Она наполнила тарелку всеми видами сладостей: засахаренной малиной, пирожными с розмарином, глазированными орехами, липкими сладкими булочками, яствами, которые они могли позволить себе лишь раз в году, поскольку бал на Рождество финансировал парламент. Их собственный довольно бедный стол состоял из каш и картофеля. По возвращении к елкам, как только заканчивалась полька и начиналась мазурка, Азалия наклонялась, будто рассматривая свои туфельки, и проталкивала тарелку между веток. Несколько пар жаждущих рук затягивали ее внутрь, и из-за деревьев раздавались восторженные визги.

Примерно каждый пятый танец, старательно наполняя тарелку во время быстрой джиги так, чтобы не быть замеченной, Азалия приносила девочкам сладости. Каждый раз тоненькими голосками они выражали свое одобрение. Пока пары танцевали варшавянку, Азалия со звоном расставляла на своем блюде этажами десять изящных хрустальных чаш с пудингом — спецзаказ от девочек. И с осторожностью пробираясь к деревьям...

...Азалия едва не столкнулась с джентльменом.

Азалия потеряла равновесие, и маленькая верхняя чаша с пудингом соскользнула с нижних. С поражающей быстротой молодой человек поймал ее большим и указательным

пальцами, отступая назад, когда юбки Азалии успокоились. Его взгляд скользнул по ней, ее каштановым локонам и шелковом платье, а затем остановился на тарелке, заставленной пудингами. На верхушке каждого из них красовался сладкий крем.

С пылающим лицом Азалия высоко подняла подбородок и холодно уставилась на него, не позволяя своим видом никаких вольных замечаний в ее адрес.

Он открыл рот, потом закрыл. Затем медленно, будто ожидая от нее удара, он осторожно с хрустальным позвякиванием поставил чашу с пудингом на вершину и отступил.

— О! Да у вас кровь! — воскликнула Азалия.

Теперь она поняла, почему он прятался между елками и портьерами. Он был ужасно растрепанный. Прядь его взъерошенных волос неопределенно цвета, между оттенками темный блондин и каштановый, спадала на глаза. Его скулы и красивый черный костюм были измазаны грязью, а платок, который он опять прижал к руке, пестрел еще и кровью.

— Все... в порядке, правда, — запинаясь, произнес он.

Но Азалия уже поставила тарелку на мраморный пол, послышался звон ложек, и извлекла из рукава чистый платок Брэмбл.

— Тихо. — она взяла его за руку и прижала его рану пальце. — Все на так уж плохо. Мы сейчас ее промоем. И о чем вы думали, используя такой грязный платок?

Рана была неглубокая, и молодой человек стоял смирно, пока Азалия рассматривала ее. На фоне его больших ладоней ее собственные казались крошечными, и ей не сразу удалось перевязать порез.

— Моя лошадь подскользнулась по пути сюда, — объяснил он. Его голос напомнил Азалии сдобные густые сливки, какие можно добавить в любое блюдо, тем самым улучшая его вкус. — Мост на Дворцовой дороге. Я только приехал.

Азалия кивнула, думая о том, как Король избегал этого ледяного моста каждую зиму. Со знанием дела она завязала концы платка в тугий изящный узел. Молодой человек коснулся его.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— Вам, вероятно, не следует здесь задерживаться, — сказала Азалия. — Вам необходима надлежащая повязка, иначе будет заражение, и рана будет пульсировать каждый раз, когда вы повернете девушку для следующего па. Вы же не хотите этого.

— Несомненно, — намек на улыбку заиграл на его губах.

Азалия снова взглянула на него, не обращая внимания на грязные и растрепанные галстук и волосы. Что-то в нем показалось очень знакомым. Как он стоял, его решительный мягкий характер, длинный нос и глаза — теплые карие глаза, которые подчеркивали черты лица. В ее семье у всех были голубые или зеленые глаза. Карие застали ее врасплох и очаровали.

— Азалия, где наша еда? — зашептало дерево позади нее.

— Мы умира-аа-аем от голода!

Азалия пнула ногой ветки, заглушая шум звоном шаров.

— Вы что ли...?

— Нет, — перебила она. — Мы раньше не встречались?

Молодой человек снова улыбнулся и дотронулся до уголка перевязанного платка, на котором были вышиты буквы Б.Е.В.

— Много лет назад, — сказал он. — Когда мы оба были младше. Вы... не помните меня?

Азалия покачала головой.

— Сожалею, — ответила она. — Как ваше имя?

Он наклонился.

— Лорд Брэдфорд.

— Брэдфорд! — воскликнула Азалия. — Как бывший премьер-министр?

— Похоже, что так, — сказал он. И Азалия заметила искорку в его глазах, мелькнувшую сквозь серьезное выражение лица. Она улыбнулась. Неудивительно, что он показался ей таким знакомым! Она рассматривала его и думала, знает ли он, что все в Исбэри ждут, что он будет баллотироваться на пост премьер-министра, как и его отец. С взъерошенными волосами и в помятом костюме он — не лучшая кандидатура.

— Вы не ... заняты на следующий танец, не так ли? — сказал он. — То есть, если вы...

Внезапно он остановился, резко закрыв рот. Он смотрел перед собой. Позади них зазвенели шары, Азалия посмотрела вниз и увидела маленькую пухлую ручку, высунувшуюся из-под дерева и схватившую его за низ брюк. Азалия съежилась.

— Не туда, Айви, ты — настоящая идиотка, — прошептал голос из-за веток. — Налево, налево, нет, левее...

Рука, высунувшаяся из-под елки, обшаривала все вокруг и нащупав край блюда, она медленно со звоном и шумом затащила тарелку под дерево. Глаза лорда Брэдфорда округлились, когда он увидел, как замок из пудингов медленно исчезает под ветками. Из-за дерева послышались восторженные пiski.

Азалия закрыла лицо руками.

— Ааа, — произнес Лорд Брэдфорд.

— Не надо, — сказала Азалия. — Просто... не надо.

— Вот вы где! О, дорогая, я вам помешала?

Азалия и Лорд Брэдфорд быстро отступили друг от друга, увидев приближающуюся Леди Кавершем с глазами полными невинности. Леди Кавершем напомнила Азалии одну из кукол в магазинах на Серебряной улице: бледную, идеальную и дорогую. Азалия выдавила из себя улыбку.

— Совсем нет, — ответила она. — Ему уже лучше.

Лорд Брэдфорд снова удивленно посмотрел на елки, и Азалия впиалась в него взглядом с самым просительным выражением, на которое только была способна, умоляя его не устраивать скандал.

— Ой! — Леди Кавершем резко вскрикнула. — Что это?

— Где? — одновременно отозвались Азалия и Лорд Брэдфорд.

— Елка! За ней что-то шевелится!

Кровь отхлынула от лица Азалии.

— Я не... видела ничего, — с запинкой произнесла она.

Леди Кавершем шагнула вперед, пытаясь заглянуть между веток, позади нее развевались тонкие оборки ее платья.

— Там что-то было... О! Вот опять!

— Леди Кавершем, — сказал Лорд Брэдфорд, вставая перед ней. Он протянул руку и поклонился. — Окажите мне честь пригласить вас на следующий танец.

Леди Кавершем отвела взгляд от деревьев и сосредоточила его на предложенной руке Лорда Брэдфорда. Она искоса посмотрела на Азалию, и на ее безупречном лице заиграла едва уловимая усмешка.

— Если вы настаиваете, — сказала она. Победоносно глядя на Азалию, и схватив протянутую руку Лорда прямо за место перевязи — отчего он и Азалия вздрогнули — Леди Кавершем тянула партнера на танцевальную площадку с таким видом будто ее пришлось долго уговаривать.

Он быстро обернулся. Азалия поборола желание потянуть его обратно и пригладить ему волосы.

Оставшийся вечер Азалия его не видела. Бал затихал подобно музыкальной шкатулке, гости постепенно расходились. Около полуночи доставив девочкам очередную порцию сладостей, Азалия закатила под елки рождественское яблоко. Оно прикатилось обратно. Сестры уснули.

Последний танец, сплетение*, был любимым у Азалии. Она надеялась, что ее пригласит лорд Брэдфорд, но к тому времени он уже ушел, и взамен она стояла в танцевальной позиции с мистером Пенбруком — молодым, довольно вспотевшим джентльменом, который, казалось, не мог поверить своей удаче. Оставшиеся гости сомкнулись кольцом, наблюдая, как Азалия и мистер Пенбрук держали концы длинного шарфа.

*('Entwine' в переводе с англ. "сплестать". прим.перевод.)

Заиграла музыка и...

Хлопнула дверь.

Двери танцевального зала рикошетом распахнулись. Гости вздрогнули, музыканты затихли.

Это был Фейрвеллер.

— Бал окончен! — заявил он, шагая к ближайшему окну.

От присутствующих послышались вежливые возражения.

— Министр, что вы делаете? — спросила Азалия, выходя из позиции.

Фейрвеллер не ответил. Он взял кочергу с каминной подставки, чтобы расцепить у потолка веревки, удерживающие портьеры в виде арок. Ткань рябью опустилась на пол, пряча за собой покрытые инеем окна.

— О нет! — произнес один из старых парламентаров. — Это что? Снова нашкодили маленькие принцессы? Хо-хо! Вы заглядывали в люстры?

Некоторые гости хихикнули. Азалия покраснела.

— Если нужно, мы поможем искать, — сказала одна из дам. — В прошлом году они едва не замерзли насмерть.

— Мне нужно, чтобы все разошлись по домам. — Фейрвеллер шагнул к другому окну, чтобы также зашторить его. — Если вы не возражаете.

Гости повернулись к Азалии, щеки ее горели.

— Министр, — начала она.

Их взгляды встретились, пересекая зал. Что-то застыло в железных серых глазах Фейрвеллера, что-то непонятное Азалии, но это поколебало ее решительность. Она отпустила конец шарфа.

— Хорошо, — сказала она. Затем обратилась к гостям, — спасибо вам всем за то, что пришли. В следующем году у нас... определенно будет бал с традиционным завершением.

Ее речь вызвала смешки и редкие аплодисменты. Пока Фейрвеллер продолжал занавешивать окна вдоль всей стены, Азалия проводила каждого присутствующего до двери, помогла музыкантам запаковать инструменты и пожелала всем веселого праздника на прощание.

Когда все ушли бальный зал показался таким пустым.

— Вам не стоило все вот так обрывать, — сказала Азалия, — вечер уже почти закончился.

Фейрвеллер задрапировал последнее окно.

— Ваши сестры, мисс Азалия.

Азалия вздохнула. Очередное фиаско. Опять Король будет сердиться, как в прошлом году, кушать придется в спальне и никаких уроков танцев, по крайней мере, целую неделю. Уставшая Азалия повела Фейрвеллера к елкам. Он отодвинул одну из них в сторону, царапая подставкой мраморный пол, и увидел девочек.

Они спали, прижавшись друг к другу, как детеныши лебедей, усыпанные пустыми чашами из-под пудинга и ложками. В качестве одеял они использовали широкие тканевые гирлянды и выглядели по-ангельски. Совсем на них не похоже.

Не двигаясь, Фейрвеллер уставился на них. Он открыл было, рот, но потом закрыл его. Он закрыл глаза, потом открыл. Затем резко развернулся и зашагал по танцполу, на ходу отбрасывая в сторону кочергу. Она со звоном покатила по мрамору. Премьер-министр ушел, захлопнув за собой двери.

Замерцали лампочки на люстре.

— Это было странно. — Азалия удивленно посмотрела ему в след.

Она повернулась к охалке спящих девочек. Повсюду были разбросаны шали, ярко окрашенная вата, шелковые елочные украшения. Она улыбнулась и вдруг поняла, что безумно хочет спать.

— Проснись! Проснись! Проснисьпроснисьпроснисьпроснись!

Азалия застонала, чувствуя, как десять пар рук пихают ее, пытаясь разбудить. Она настолько устала прошлым вечером, что даже не дошла до кровати. Вместо этого она уснула прямо в бальном зале со своими сестрами, используя елочные гирлянды как подушку.

— Остановитесь, остановитесь, стоп, — простонала она. — Вы даже не представляете, как пуговицы этого платья впиваются в позвоночник.

— Бедная малышка Азалия, — говорила Брэмбл, ярко рыжие волосы запутанным клубком лежали на ее коленях, — бедная маленькая крошечная малюсенькая малышка.

— Уже Рождество, Лия, — сказала Флора. — Рождество!

— У нас будут апельсины!

— И колбаски!

— И, и, и даже книги от Короля!

— Рождество! Рождество! Рождество!

— Я знаю! — ответила Азалия, когда девочки помогли ей подняться. Она вытащила елочное украшение, застрявшее в ее волосах. Бальное платье мешало ей двигаться — Помедленнее! — запротестовала она. — Я едва хожу!

Крича от дьявольского восторга, девочки с умопомрачительной скоростью помчались в комнату, где, как они ожидали, будут рядами расставлены на столе все их подарки и апельсины. Азалия, спотыкаясь, едва поспевала за ними через холл и створчатые стеклянные двери. Прибыв последней, она увидела сестер, они столпились вокруг стола и тарасились на него широко открытыми глазами.

На столе ничего не было.

Фейрвеллер стоял спиной к ним в другом конце комнаты, рассматривая шторы, покрывающие стеклянные стены.

— Наши апельсины, — произнесла Айви*, изумленно глаза на стол.

*("Ivy" — в переводе с англ. "плющ". прим. перевод.)

— Наши книги, — послышалось от Евы.

— Вот блин! Наш переполох! — предположила Брэмбл.

У девочек навернулись слезы. Азалия, теперь уже окончательно взбодрившаяся, скрестила на груди руки.

— Где Король? — спросила она суровым тоном наследной принцессы. — Министр!

— Он ушел, — ответил Фэйрвеллер, — покататься верхом.

— Утром в Рождество?

Фэйрвеллер не ответил.

Азалия улыбнулась и повернулась к девочкам.

— Держу пари, подарки наверху у Матушки. Вы же знаете, как она любит Рождество.

Они засопели и стали утирать слезы. Фэйрвеллер что-то пробормотал.

— Простите, министр? — переспросила Азалия.

Фэйрвеллер отвернулся от занавесок.

— Я сказал, что ваша мама умерла. — он снова посмотрел на шторы. — Она умерла прошлым вечером.

ГЛАВА 3

Азалия накинулась на Фэйрвеллера и так сильно ударила его, что ее ладонь запульсировала от боли. Она выбежала через старую кухонную дверь в укутанный снегом сад, ледяной морозец утренней зари пощипывал ей щеки.

Как он смеет! Как смеет Фэйрвеллер такое говорить! Ведь он знает, как больна Матушка! Азалия должна найти Короля. Теряя равновесие, Азалия шла по садовым тропинкам вдоль заснеженных изгородей и выстриженных разными фигурами кустов, через луг в замерзший лес, шла по следам копыт Дикенса, отмеченных на снегу зияющими пятнами грязи. Король все исправит. Он скажет ей правду и...

Но ты же не пошла в комнату Матушки, шептал тоненький голосок в ее голове, прорываясь сквозь гнев и злобу. Ты не посмела...

— Сударь! — завопила Азалия, спотыкаясь на заросшей лесной дорожке, холод проникал в ее поношенные пуанты. — Сударь!

Лес ответил леденящим молчанием.

Над ней возвышались посиневшие в лучах утреннего света деревья. Азалия кашляла, морозный воздух обжигал ей горло. Перчатки были испачканы, тяжелое бальное платье порвалось, цепляясь за голые кусты. Она прислонилась к холодному дереву, ее колотила дрожь.

Она вспомнила белые губы...

— Сударь! — крикнула она снова.

Обжигающий запутанный клубок ярости внутри нее вырвался наружу. Азалия упала на колени и зарыдала. Отрывистые всхлипывания душили ее. Не в силах совладать с собой, она закрыла лицо руками. Каждый раз, пытаясь произнести "Матушка", слова застревали в горле. Матушка, несравненная Матушка!

Взошло солнце, сквозь тени деревьев проник золотой свет, искрясь в тумане и переливаясь на снегу. По-прежнему содрогаясь от рыданий, Азалия потихоньку возвращалась к реальности. Она достала из рукава платок, заигравший серебряными бликами в утренних лучах.

Платок Матушки. Азалия смутно припомнила, как покидая комнату матери, она спрятала его в свой рукав, думая при этом, что он слишком красивый, чтобы им пользоваться. Азалия крутила в ооченелых руках серебряный кусочек ткани. Когда Матушка отдала его ей, она сказала...

Позаботься о своих сестрах.

Девочки! Азалия бросила их одних в комнатке возле кухни. Вдруг они пытались угнаться за ней следом? Как они? И наконец — Азалия закрыла глаза, чувствуя утренний мороз — что с ребенком? Какая же она была эгоистка.

Позаботься...

Ощущение странного покалывания, едва лишь напоминаящее ей оные прошлым вечером, мощной волной разлилось по ее телу к пальцам и горлу. Необъяснимым, почти волшебным, образом это немного заполнило образовавшуюся пустоту внутри нее. Азалия поднялась, сжимая серебряный платок .

Час спустя, все еще замерзшая и заляпанная грязью Азалия нашла девочек в дворцовой детской. Это была маленькая тесная комната на втором этаже, декорированная белым кружевом и множеством оборок. Няня вышла при появлении Азалии. Ее взору открылась душераздирающая картина: девочки сидели на полу среди кресел-качалок и обломков кукольного домика. Каждая обеими руками сжимала на груди апельсин и плакала. Они выглядели очень несчастными, и Азалия почувствовала себя так же.

— Ты за-замерзла, — заметила четырнадцатилетняя Кловия. Не мешкая, она подскочила к Азалии, в своих теплых ладонях сжимая ооченелые руки сестры. Ее глаза были красными от слез, а золотистые волосы сильно запутаны. Как и все девочки, она все еще не переделалась со вчерашнего дня.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Азалия. — Я не должна была вас оставлять.

Услышав это, Брэмбл резким прыжком вскочила на ноги и запустила в Азалию апельсином. Он попал Азалии в плечо и ударился об пол.

— Ты не должна была! — воскликнула она, выхватывая у Флоры апельсин и бросая его. Азалия не шелохнулась, фрукт попал ей в голову и отскочил на отделанный оборками плед.

— Как ты посмела бросить нас так?! — Брэмбл уже кидала апельсин Златы*, который опять задел плечо. Брэмбл вновь разразилась слезами.

*("Goldenrod" в переводе с англ. "золотарник", прим. перевод.)

— Ну хоть попытайся увернуться! — выдавила она.

Двумя шагами Азалия подошла к Брэмбл, притягивая ее к плечу. Брэмбл всхлипывала. Девочки столпились вокруг Азалии, самые младшие цеплялись за ее юбку, все вместе образуя покрытый складками холмик.

— Ты вся промокла, — заметила Брэмбл, икая.

— Я знаю, — сказала Азалия. С ее волос падали капли.

— Л-Лия, — позвала Кловия. У нее всегда были трудности с речью, будто каждое слово давалось ей с невероятным усилием. Она попыталась улыбнуться. — Мы... хотим тебе... что-то... что-то показать. С-смотри.

Плетеная колыбель, отделанная рюшем, стояла в центре комнаты, и Кловия подвела к ней Азалию. Внутри лежал крошечный сверток кружевного одеяльца и черных кудряшек.

Это был самый маленький младенец, которого видела Азалия, а она их повидала немало, ведь она старшая теперь уже из двенадцати детей. Казалось, он мог поместиться в ее ладонях. Снова девочка, судя по малюсенькому кружевному чепчику. Азалия стянула мокрые перчатки и дотронулась до скрученных детских пальчиков.

— Значит, она будет на "Л", — сказала Азалия. Всем ее сестрам давали имена в алфавитном порядке, поскольку Король во всем любил порядок и организованность. В отношении этого он был крайне щепетилен. Даже банки с вареньем в кладовке были пронумерованы.

— Матушка н-назвала ее, — произнесла Кловия. — Лилия*

*(англ. Lily).

— Лилия, — выдохнула Азалия.

Утонченно, изысканно. Малышка напоминала ей цветущие в снегу белые садовые лилии. Матушка всегда знала как лучше.

— М-Министр сказал, что Матушка... д-держала Лилию, — продолжала Кловия, — перед тем как...

Кловия заплакала по-новому. Опять отовсюду послышались рыдания и всхлипывания. Азалия растерялась, словно исполняя жете*, прыгая в никуда и бесконечно падая, ее выворачивало наизнанку от ожидания удара о землю, которой там вовсе не было. Она вытащила платок из рукава, серебряная ткань вспыхнула.

*(франц. jeté, от jeter — бросать)

Обещай мне...

Ее пальцы ощутили сильное покалывание.

Азалия глубоко вздохнула и встала в четвертую позицию, затем вынесла ногу вперед и согнула колено. Танец всегда успокаивал ее. Она вытерла крошечные мокрые мордашки Жасмин и Кейл и прочистила им носики

— А знаете ли вы, что мы еще не сделали? — спросила Азалия, направляясь к Айви.

Айви покачала золотистыми локонами.

— Мы до сих пор не представились Лилии, — Азалия выдавила улыбку. — Это ее первый день здесь, а мы только и делаем, что плачем перед ней. Так не пойдет.

Брэмбл скривилась.

— Ох, Аз, ну, в самом деле...

— Давайте, — продолжала Азалия. Она стояла с протянутыми руками. — Возьмитесь за руки и отведите левую ногу назад, принимая вторую позицию для реверанса.

Никто не шелохнулся.

Азалия не сдавалась. На лицах девочек отразились попеременно шок, удивление, возмущение, когда она опустилась в пятую позицию реверанса, опуская правое колено, а левую ногу выставляя перед собой так, что ее можно было видеть под испачканным подолом ее платья. Когда она выпрямилась, выражения сестер смягчились.

— Твой наклон был неустойчивым, когда ты переносила центр тяжести с одной ноги на другую, — сказала Брэмбл.

— Вводный курс в науку королевского реверанса. — Азалия протянула руку Брэмбл. — Никто не балансирует лучше тебя.

Брэмбл сжала губы тонкой красной линией, но она приняла руку сестры и встала. Взмахивая длинными рыжими волосами, она опустилась в глубокий реверанс одним гибким движением. Она взмахнула в сторону колыбели.

— Теперь назад пути нет, малышка, — сказала Брэмбл. — Добро пожаловать в королевскую семью.

Азалия взяла руку пятилетней Айви и наклонилась. Айви покружилась под ладонью Азалии и присела перед Лилией. Жасмин, держа Азалию с другой стороны, сделала реверанс одновременно с ней. После этого все девочки с опухшими от слез глазами взяли за руки. Танец струился внутри, и они кружились в едином водовороте. Кровь прилила к щекам Азалии, согревая их. Ступни вместе, шаг назад, взмах вперед, касание, наклон — всё изящными умелыми движениями.

Они подняли головы и замерли, стеснительно глядя друг на дружку, будто не совсем понимая, что это на них нашло.

Это была... магия. Но не такая, которая оживила чайный сервиз. Прошлой зимой, когда Азалия окончательно поняла, какую роль сыграет парламент в ее будущем замужестве,

Матушка причесала ей волосы, вытерла ей слезы и отвела в танцевальный зал. Там она научила ее воздушной мазурке.

— Ты чувствуешь это? — спросила Матушка, когда Азалия блестяще исполнила головокружительное па. — Это теплое трепетное чувство, мерцающую частицу внутри себя? Это самое таинственное волшебство. Оно настолько непознанное, что даже не имеет названия. Но это все равно волшебство.

И теперь, хотя их глаза были красными и опухшими, сестры Азалии больше не плакали. Это было волшебство той самой, теплой мерцающей частицы. Им даже удавалось слабо улыбаться.

— Давай сейчас, Флора, — говорила Азалия, беря сестру за руку. — Посредственный ревера...

Суматоха внизу прервала ее. Хлопнула входная дверь, зашумели слуги, послышался раздраженный голос Короля. Глаза у девочек загорелись.

— Король, — сказала Флора.

— Он вернулся!

— Не торопитесь. — Азалия задержала младших сестер и пригладила им юбки и волосы. Потом дрожащими руками она закутала Лилию в одеяло и повела за собой всех в холл. Король! Наконец-то! Он знает, что надо делать. Он был самым здравомыслящим мужчиной из всех, кого она знала. И он еще не видел Лилию, наверняка не видел.

Коридор на втором этаже вел к мезонину, откуда было видно вестибюль. Король стоял в самом конце, низким голосом разговаривая с мистером Пудингом, отряхивающим его шляпу.

Как и все, Король не переоделся со вчерашнего вечера. Его парадная форма была грязная и мокрая, а некоторые из медалей оторвались. Кровь стекала по его лицу и тщательно подстриженной бороде. И несмотря на это, вид у него был надлежащий: строгий, официальный и королевский — как всегда.

— ... в библиотеке. У меня есть дела. Проследите, чтобы меня не беспокоили, мистер Пудинг.

— Да, господин, но принцессы, они очень хотели видеть вас, господин...

— Я их не вынесу, — резко сказал Король таким громким шепотом, что эхо раздалось по всему холлу. — Не смогу! Держите их от меня подальше, мистер Пудинг!

Азалия быстро перевела взгляд с Короля на запачканных испуганных девочек рядом с ней. Кловия прижала ладони к губам.

Азалия быстро справилась с потрясением, поджала губы, оборачивая одеяльце Лилии вокруг ее крошечной шеи, и плавно спустилась по ступенькам в вестибюль.

— Э-э-э... нет... мисс, я бы не делал этого, — предостерег мистер Пудинг, когда она уверено прошла мимо него к двери библиотеки.

Азалия постучала, но не стала ждать ответа. Она проскользнула в приоткрытую дверь. Король стоял возле стола, перебирая вещи в верхнем ящике. Он достал ключ.

— Сударь, мы ждали вас!

Король направился к двери, Азалия побежала навстречу.

— Взгляните, — сказала она, убирая одеяло с лица Лилии и показывая ему крохотный сверток в чепчике.

Он даже не остановился.

— Матушка дала ей имя, — продолжала Азалия. — Лилия. Мы подумали, вы...

Король схватил Азалию за плечи, развернул ее и немного резко направил ее к двери. Азалия попыталась смахнуть его железные руки.

— Сударь... вы же не... сударь...

Король вытолкнул ее в фойе.

Азалия развернулась и увидела как закрывается тяжелая деревянная дверь библиотеки. Слабый звук поворачиваемого ключа сообщил о том, что ее замкнули.

Азалия открыла было рот, но не издала ни звука, слова застряли у нее в горле.

Девочки смотрели на происходящее сверху, не произнеся ни слова.

— Это всего лишь предположение, — сказала Брэмбл, помешкав, — но, кажется, он не в настроении общаться с нами.

Только после того как Азалия уложила хныкающих сопящих сестер в их крошечной комнатке на третьем этаже, расчесывая им волосы и рассказывая истории, и убедилась, что Лилия устроилась с няней в детской, она позволила себе ускользнуть в матушкины покои. Традиции Исбери требовали, чтобы первую ночь дворецкий семьи сидел неподвижно вместе с покойным, однако, до Азалии периодически доносились прерывистые рыдания мистера Пудинга, и она присоединилась к нему в матушкиной комнате, наливая ему чай, пытаясь утешить.

У Азалии навернулись слезы при виде комнаты, усыпанной остролистом, сосновыми ветками и засушенными цветами. Пытаясь не смотреть на кровать, она до онемения сжала губы. Но она должна... Она взглянула и удивилась. Матушка лежала на кровати, вся в белом, цветы украшали ее золотисто-каштановые волосы.

Она казалась умиротворенной. Последние несколько месяцев ее лицо искажалось судорогами боли, в глазах читалось страдание. Теперь она отдыхала. Старый волшебный чайный сервиз на столе больше не изображал из себя собачонку. Его приборы осунулись на своих подносах.

Азалия присела на густо уложенную цветами софу Матушки, взяла серебряную чашечку и держа в руках перевернула. Серебро холодило пальцы. На дне чашки была гравировка: крошечный полумесяц с тремя символами поперек. DE. Метка Д'Иса.

Азалия припомнила портрет Его Королевского Величества Повелителя Д'Иса, который она однажды нашла во время уборки на северном чердаке. Лысый старый человек с обезображенным оспой лицом и темными глазами сердито смотрел с холста. Даже сейчас его образ в памяти заставил Азалию содрогнуться. Он силой захватывал и мучил людей, по собственной глупости отважившихся бродить по покрытым колючками землям дворца. Истории о Его Величестве, в которых он разрывает жертву, силой выдергивая пальцы рук, ног и уши, а затем наблюдает, сколько бедняга еще протянет, преследовали Азалию в самых жутких ночных кошмарах.

Но самое страшное было в следующем: после смерти он удерживал их души. Тела жертв обнаруживали на городских улицах, но по ночам, когда окна дворца светились через колючие плети вьющихся растений, те же самые люди бродили по коридорам, отбрасывая силуэты в свете свечей.

Сплетенные.

Мысли об этом наводили ужас на Азалию. Тем не менее, впервые в жизни она была рада им. Если Его Королевское Величество брал в плен души, значит, у человека есть душа. Значит, внутри есть какая-то теплая мерцающая частица. Значит, Матушка больше не страдает. Азалия отчаянно ухватилась за эту надежду. Если это правда, Азалия готова поверить во что угодно.

ГЛАВА 4

В ту ночь Азалии снилось, что она тонула в ливне из волос, а проснувшись, обнаружила, что ее лицо заволокли пряди. Она слабо помнила, как разрешила Жасмин, Кейл и Айви забраться к ней в постель, когда вечером накануне они, не переставая, плакали, но никак

не могла припомнить, когда Холли*, Злата, Ева, Дельфиния и даже Кловия с Брэмбл присоединились в поисках утешения. И все же, они все сгрудились вместе, а кто совсем не поместился на кровати, спал на рядом на ковре, прислонившись к матрасу.

*(Hollyhock - в переводе с англ. "шток-роза розовая" прим. перевод.)

Девочки медленно просыпались, неспешно умывались и причесывались, скорее по привычке, нежели по какой-либо иной причине. Они делили плотно обставленную спальню на третьем этаже в северном крыле дворца, квадратную по форме, с шестью кроватями, банкетками вдоль стен и большим камином в глубине. В комнате пахло пудрой, цветами и старой древесиной. После многочисленных маневров и снований туда-обратно они были готовы. Однако, сегодня, открыв свои сундуки, чтобы одеться, они очень удивились. В сундуках было пусто.

— Может, платья в прачечной? — предположила Флора, когда Азалия неслась вниз в вестибюль в ночной рубашке, а сестры семенили следом. — Возможно, сегодня день стирки.

— О, да. И горничные их стирают, — сказала Злата, близнец Флоры. Эти девятилетние близнецы напоминали Азалии парочку изящных воробушков, робких и заводных одновременно.

— Не может быть, чтобы стирали все платья сразу, — сказала Азалия. — Что-то не так. Миссис Грэйби!

Азалия обошла угол мезанина и направилась к лестнице, когда заметила внизу в вестибюле Фейрвеллера.

— Ой! — воскликнула Азалия. Фейрвеллер увидел ее и отвернул голову к входной двери. Азалия нырнула обратно в коридор, бешено краснея.

— Министр! — позвала она из своего укрытия. — Вы видели миссис Грэйби?

— Забудь о миссис Грэйби! — крикнула Дельфиния, сбегая вдоль перил. Ей было только двенадцать, и она совсем не беспокоилась, что Фейрвеллер увидит ее в ночной рубашке.

— Где наши платья? У нас даже нитки нет надеть!

— Они все на кухне. Сохнут, как я полагаю, — ответил Фейрвеллер.

Азалия немного продвинулась вперед так, чтобы увидеть отливающий серебром вестибюль. Фейрвеллер стоял с опущенной головой, сосредоточенно поправляя свои черные перчатки. На его лице розовым зияло место ушиба.

— Видишь, мы были правы! — сказала Флора. — Их стирали.

— Окрашивали, — ответил Фейрвеллер. — Для траура. Доброго дня.

Фейрвеллер ушел до того, как девочки смогли подробно расспросить его. Едва хлопнула дверь, сестры повернулись к Азалии, на их лицах читалась озадаченность.

— Траур? — спросила Флора.

— Да... — ответила Азалия. Она уже и забыла об этих нюансах, связанных со смертью: уединение, часы, одежда, правила и... тишина... целый год. Теперь она вспомнила этот тяжелый груз. Она медленно выдохнула. — Траур.

Дельфиния вскрикнула, когда они обнаружили свои платья, словно черные тени, висящие на веревках, протянутых из кухни. Каждая петелька их одежды была окрашена до неузнаваемости.

— Это всего лишь цвет, — успокаивала Азалия Дельфинию, плакавшую над ее любимым когда-то розовым одеянием. — Все в порядке. Она помогла снять высохшие платья и аккуратно сложила их на хозяйственный стол отдельной стопкой для каждой девочки. Некоторые предметы одежды были все еще в огромном корыте — в черной краске вздымался мрак.

Сестры одевались прямо на кухне, возле кастрюли с горячей кашей, пока Азалия рассказывала им все, что знала о трауре.

Она поведала им о том, что балы, прогулки и ухаживания под запретом. И о том, что им теперь нельзя выйти даже в сад. О том, что окна теперь будут завешены на целый год, и им придется привыкнуть носить черное также целый год. А еще она рассказала им о часах, о том, как их остановят, а стрелки зафиксируют на времени смерти, и о том, что никакой музыки не будет тоже.

Ее повествование заняло некоторое время. Когда она закончила, девочки выглядели как черные поникшие жалкие цветы.

— А т-танцы? — спросила Кловия, запинаясь.

Азалия прикусила губу и отвернулась.

— Уух! — Дельфиния поднесла изящную ручку ко лбу, закрыла глаза и упала на деревянный пол. Бум-бум, бум.

Она лежала на полу, не шевелясь.

— Ой, вставай, Делфи! — сказала Брэмбл. — Во время обморока люди разбивают голову об пол. И это совсем не романтично.

— Целый год! — завопила Дельфиния. — Нам нельзя танцевать целый год! Я же умру без танцев!

— М-Матушка позволила бы нам танцевать, — вставила Айви.

При упоминании Матушки самообладание девочек, и без того подорванное, окончательно потерпело крах, и Азалия снова оказалась в эпицентре рыдающих сестер.

Азалии и самой хотелось расплакаться. Она ненавидела это ощущение, будто делаешь незнакомое па, постоянно ошибаясь и путая фигуры, а это происходила настолько редко — она отлично знала любой танец, — что сама мысль о неуклюжих движениях пугала ее.

В этот раз было в тысячу раз хуже. Дворец, известный своими высокими сводчатыми окнами, через которые свет наполнял комнаты и коридоры, окутал занавес, превращая день в непроглядную тьму. Их будут держать внутри, как в клетке, подобно тем любопытным птичкам в магазинке на Хамптон стрит, и выпускать лишь по Деламам Королевской Важности, предстоящие невыносимо редко. Если бы только Матушка была здесь...

Горло у Азалии сдавило, подбородок задрожал — она презирала себя за эту слабость. Матушка бы знала, что делать. Прикусив губу, чтобы не заплакать, Азалия достала платок Матушки. Серебро заблестело на свету, являя то особенное чувство покаяния. Азалии полегчало, казалось, она может даже улыбнуться. Что-то было в этом платке, что-то неведомое ей.

Однако, Азалия точно знала одно: она была способным учеником. Когда она сбивалась, делая па, уже через мгновение она улавливала ритм и плавно выполняла движение. Если Матушка могла устранять трудности, то она может тоже.

Азалия помогла Дельфинии подняться с пола и посадила пятилетнюю Айви на стол, зачерпывая ей из кастрюли дополнительную порцию каши. Аппетит у Айви был ненасытный. Азалия нежно утирала слезы сестрам и утешала их.

— Ш-ш, — успокаивала Азалия. — Это только на один год. Я позабочусь о вас. Я обещаю.

Следующим вечером девочки накрыли на стол в столовой, настроение их было таким же мрачным, как и портьеры. Столовая располагалась в старом уютном помещении — длинный стол, шкафы с выдвигаемыми ящиками и арочные дверные проемы, окаймленные занавесками. Огонь в большом камине освещал угрюмые лица девочек, не смирившихся с заглушенным дневным светом. Они слышали, как часы на башне проббили семь, и как столовое серебро звенело о тарелки.

— Они не могут остановить куранты, — сказала Дельфиния. — Для этого понадобится настоящий часовщик.

Азалия любила эти гигантские часы и скрипящие колокола на крыше дворца, сопровождающие бой часов ненастроенным перезвоном. От этого в замке чувствовалась жизнь, ощущение, которое так нужно было ей сейчас, когда все вокруг подавляло.

— Король не позволит остановить их, — сказала Азалия, помогая Кейл в ее детском стульчике. — Матушка слишком сильно их любила.

При упоминании Короля девочки затихли. Флора подняла аккуратный пальчик, будто она была на уроках.

— Лия, — обратилась она, — ты правда думаешь, что он действительно имел это в виду? Когда говорил, что...

— Конечно же нет, — ответила Азалия, ободряюще улыбаясь ей и ее близняшке Злате. — Он всего лишь очень расстроенный, как один из персонажей в книгах Евы.

— Я не уверена, — Ева устала себе в тарелку. — В сказках дети называют своих отцов Папа. — Она сняла очки и потеряла глаза.

Азалия замешкала. Они никогда не были, как следует, близки с Королем, но, по крайней мере, он всегда приходил на завтрак и ужин. У них было правило — ужинать семьей. Теперь, эти несколько прошедших дней он запирался в библиотеке, посвящая себя Делама Королевской Важности, и полностью игнорировал дочерей.

— Он ни разу не сидел с нами за столом после Сочельника, — сказала Дельфиния. — И он совсем не выходит. Я чувствую себя сиротой.

Будто по сигналу, голос Короля эхом разлетелся по залам. Строгие слова были неразборчивы, но, совершенно определенно, доносились из библиотеки. Девочки устремились на выход, но Азалия удержала их.

— Поправьте юбки, все вы, руки на подоле. Кловия, придай им подобающий вид. Я и Брэмбл сходим за ним. Вести себя хорошо. — Азалия бросила на Дельфинию надменный взгляд. — Сироты, ради всего святого.

Идя через темные коридоры с выцветшими обоями и неудачными портретами, Азалия сжимала руку Брэмбл, которая с такой же силой сдавливала руку старшей сестры в ответ. Азалия считала, что она не скучает по Королю, его строгому следованию правил и всем этим формальностям, но волнение в груди доказывало обратное.

Войдя в вестибюль, они увидели Короля, беседующего с молодым человеком возле библиотеки. Джентльмен поднял глаза, когда вошли Азалия и Брэмбл. Даже учитывая, что помещение было очень слабо освещено, черные полотна покрывали окна, свет все же отражался в теплых карих глазах гостя. Лорд Брэдфорд!

Король тоже посмотрел на них и неодобрительно сдвинул брови. Его борода была идеально подстрижена, одет он был в свежий костюм, но выглядел полуголодным. Азалия ощутила благодарность за то, что у них на ужин были рыбные пироги. Они придавали сил.

— Наконец-то вы вышли! — сказала Брэмбл. — Давно пора!

— Мы ждем вас в столовой, — произнесла Азалия. — Мы не начнем без вас.

— Правило номер восемнадцать, — напомнила Брэмбл.

Лицо Короля стало еще более суровым.

— У меня важные дела, — сказал он. Холодно, официально, строго. — Этот молодой человек остановит куранты на время траура.

— Остановит куранты! — вспыхнула Брэмбл. — Что? Сударь, вы не можете! Матушка так любила их! Она даже придумала короткий танец для них — вы же помните! — Она схватила Короля за руку, на ее лице читалась мольба.

Брэмбл! Что же ты?, подумала Азалия. Взгляд ледяных голубых глаз Короля при слове "Матушка" стал еще более холодный и суровый.

— Все в порядке, — быстро сказала она, надеясь все исправить. — Я провожу его в башню. Вы можете отправиться ужинать.

— Очень хорошо. Вы можете отвести его. А вы, барышня. — Король высвободился из рук Брэмбл, — отправитесь к вашим сестрам немедленно.

Сердце Азалии затрепетало от надежды, но Король прошагал мимо нее, взял с вешалки пальто и рывком открыл входную дверь вестибюля. Надежда обернулась негодованием. Он... он уходит! Перед тем, как он захлопнул дверь, Азалия, преодолевая боль, задержала ее, поставив ступню в проем.

— Вы не можете уйти, — отчаянно прошептала она. — И вы не можете вечно сидеть в библиотеке тоже. Это гораздо важнее Д.К.В.* Вы нужны нам!

*(Дел Королевской Важности - прим.переводчика)

Король отпустил резную дверную ручку и ушел. В приступе ярости Азалия с шумом захлопнула за ним дверь.

Почему Король так поступал? Он никогда не был таким, как Матушка, но и никогда не был таким, как сейчас. Обстоятельства были такими тяжелыми и запутанными, однако, Азалия чувствовала, что может справиться со всем, если Король будет рядом. Теперь же она ощутила себя покинутой.

Брэмбл, глядя на дверь, поджала подбородок. Потом она сглотнула и обрушилась на лорда Брэдфорда.

— Вы! — прорычала она, ее желто-зеленые глаза пылали. — Вы!

Она помчалась вниз по коридору, шурша черными юбками и ярко рыжими волосами. Эхом раздавались ее шаги.

Только теперь Азалия поняла, что сильно сжимает кулаки. Она медленно разжала их и в тусклом свете увидела на своих ладонях вдавленные серповидные отпечатки. Возле каждого из них свернулись кусочки кожи, будто Азалия вонзила ногти в кусок мыла, а не в собственные ладони.

Послышалось вежливое покашливание, и Азалия покраснела, вспомнив о лорде Брэдфорде. Она повернулась.

— Я не хотел... — произнес он глубоким грудным голосом, теребя край шляпы.

— Разумеется, — сказала Азалия. — Обстановка у нас здесь немного натянутая. Как ваша рука?

— Лучше, — торжественно заверил он. — Благодаря вам.

Верная своему слову, невзирая на терзания в душе, Азалия повела его по главной лестнице дворца. Она почти все время молчала. Говорил он, наполняя тишину спелым баритоном: о том, что содержит магазин часов на Серебряной улице и о том, что Король послал за часовщиком, но мистер Грюнингс отсутствовал, а он сам довольно хорошо знаком с часовым механизмом, поэтому и пришел вместо него.

— Я знаю, визиты запрещены во время траура, — сбивчиво произнес он. — Но я посчитал это Делом Королевской Важности... — Он помолчал. — Я хотел выразить вам свои соболезнования. По поводу вашей мамы. У нее был самый приятный смех из всех, кого я когда-либо знал.

Азалии захотелось разразиться слезами и кинуться ему на шею. Вместо этого, стоя на несколько ступенек выше него, она обернулась, рукой опираясь на полированные перила. Она внимательно посмотрела на его взъерошенные золотисто-русые волосы и быстрым движением пригладила их. Ей хотелось сделать это еще со Святков.

По лицу лорда Брэдфорда пробежало смущение, и Азалия, испытывая жар, вновь повела его на чердак башни по шатким ступенькам.

Башня — квадратная, симметричная и старая — высилась над вестибюлем. Воздух здесь был затхлым с острым запахом металла. Азалии пришлось прикрыть глаза, когда они взобрались на главную платформу. Солнечный свет разливался сквозь стеклянный циферблат, отбрасывая на пол тени цифр. Лязгали и звенели блоки с шестеренками.

Лорд Брэдфорд как зачарованный изучал конструкцию, трогая каждую огромную размером-с-колесо-повозки шестерню, его глаза светились возбуждением.

— Это магия, — сказал он, указывая на главный механизм, вращающий вал и стрелки. — Мне было интересно, как противовесы двигаются без пара и усилий. Взгляните.

Азалия пристально посмотрела на шестерню. Возле центра, словно выкованная кузнецом, была отметка, идентичная той на чайном сервизе — DE. Знак Д'Иса.

— Вполне возможно, — сказала она. — Здесь повсюду очаги магии со времен Его Королевского Величества.

По идее, мысль о том, что когда-то дворец был покрыт злыми чарами, должна была ужасать ее, но она не боялась. Сложно трястись от страха перед зданием с запахом старой гренки. Некогда, полагала Азалия, дворец был величественным и пугающим: волшебные стены, через которые можно пройти, дымоходы, на которых не гнездятся птицы. Когда убили Его Королевское Величество — сначала отравили несколько раз, затем расстреляли из пистолетов, потом отрезали голову и испепелили его в главном дворцовом камине... никто, по правде говоря, не любит распространяться об этом — Гарольд Первый каким-то образом расколдовал дворец, перестроил его и сделал его пригодным для проживания.

Остались только частички магии, такие как чайный сервиз и эта башня.

— Мой отец поговаривал о волшебстве во дворце, — сказал лорд Брэдфорд, направляясь к крохотному камину в стене. Азалия чувствовала, как при каждом его шаге двигаются половицы у нее под ногами. — Он рассказывал, что, когда наши отцы были мальчишками, они частенько играли вместе в магических переходах.

Брови Азалии поползли на лоб.

Как странно представлять играющего Короля. Или даже думать о нем как о мальчике. Однако, когда лорд Брэдфорд взял совочек с каминной стойки и пошел обратно к ней, снова скрипя половицами, Азалия спросила: "Волшебные переходы? Здесь? В нашем дворце?"

Лорд Брэдфорд улыбнулся еле заметно и под медленно вращающимся валом заговорчески наклонился к ней. Азалия подошла ближе и уловила запах свежего белья с ароматом хвои.

— Эта метка, знак Д'Иса. Оставленная на кирпиче, она обозначает тайный проход. Вы знали это? Его можно открыть, потеряв серебром.

— В самом деле? — воскликнула Азалия.

— Хотя, насколько я помню, он говорил, что сейчас эти помещения используются только как кладовые. Боюсь, это не очень захватывающе.

Азалия кивнула, но отложила эту крупицу информации у себя в голове.

Помня о цели визита и все еще держа совочек, лорд Брэдфорд по приставной лестнице легко поднялся на платформу с колоколами и шестеренками. Громоздкий механизм скрыл его, и Азалия прикусила губу и поджала пальцы в пуантах. Очень скоро помещение заполнил ржавый бескомпромиссный скрип. Затем — обрушилась тишина. Тиканье прекратилось. Азалия протянула вверх руку и дотронулась до вала на циферблате. Оттого, что он не вращается больше, у нее скрутило желудок.

Лорд Брэдфорд появился из-за шестеренок уже без совочка, его лицо вновь приняло серьезный вид. Азалия, в стремлении скорее уйти, повела его вниз по ступенькам.

Он, казалось, чувствовал, что она была не в настроении разговаривать, и торжественно хранил молчание.

Азалия остановилась от звука удара и тихого "У-у" лорда Брэдфорда.

— Вы не ушиблись? — спросила Азалия.

— Вроде нет, — последовал ответ после паузы.

— В атаку!

Боевой клич эхом разлетелся по башне, гулко отражаясь от колоколов. Голос Брэмбл! Тотчас же в воздух взлетел рой картофелин. Бац! Бум! Ба-бах! У подножья лестницы в тусклом свете стояли все девочки, их юбки были подвернуты вверх, как корзины. Картофель сыпался градом, налетая на кирпичные стены, тонкие перила, деревянный пол и на лорда Брэдфорда. Он умело защищался рукой.

— Вы что все с ума посходили? — закричала Азалия. — Прекратите немедленно... ай!

Картофелина попала ей в голову. Дельфиния швырнула в нее еще одну, которую лорд Брэдфорд поймал своей высокой шляпой до того, как она достигла цели.

— Что вы творите? — спросила Азалия, сбегая вниз по оставшимся ступенькам. — Ева! Флора и Злата! И Кловия... только не ты!

Кловия, которая не бросила ни единого клубня, отошла назад, краснея от стыда, на ее глаза навернулись слезы.

— А вы, — обратилась Азалия к Брэмбл. — Что с вами тремя?

По крайней мере, на пару секунд, Брэмбл снизошла до виноватого взгляда, а затем гневно вздернула подбородок.

— Мы не можем бездействовать, — сказала она. — Если он не запустит часы на башне снова, то мы будем повсюду опаздывать, а если мы будем все время опаздывать, то...

— Король будет еще более сердитый, чем прежде! — закончила Дельфиния.

— Он вскоре уйдет на войну, и мы никогда его больше не увидим, — это была Злата.

В очередной раз Азалия стояла среди сестер, чьи губы дрожали, а щеки были мокрыми от слез. Жасмин калачиком свернулась на полу, ее детские кружевные панталоны подергивались черной рябью. Она завопила тоненьким звонким голосочком.

— У меня есть часы.

Азалия вздрогнула, вспомнив о присутствии лорда Брэдфорда. Он спустился вниз и протянул ей свою руку, в которой были золотые часы на цепочке с брелоком.

— Пожалуйста, примите их, — сказал он. — Вы можете спрятать их в кармане на время траура и следить за временем.

Азалия могла поклясться, что это была семейная реликвия. Между орнаментальными завитками золото почернело от времени.

— Мы не можем взять их, — сказала Азалия.

Брэмбл выхватила карманные часы из ладони лорда и, прижимая их к груди, отскочила.

— Ах, ты! — Азалия попыталась забрать их обратно, но Брэмбл все дальше убирала руки.

— Возьмем их в залог, — сказала Брэмбл. — Получите их назад, когда запустите башенные часы.

Лорд Брэдфорд поклонился.

— Как пожелаете.

— Значит, они наши до тех пор.

— Именно так.

— И вы не получите их до тех пор.

— Как вы и сказали.

— И...и... что ж... ладно... хорошо тогда, — заключила Брэмбл.

Бледная от смущения Азалия собирала картофель, пока младшие сестры обступили Брэмбл, демонстрирующую им как карманные часы заводить, а также открывать и закрывать. И, только когда все было убрано, Азалия осознала, что лорда Брэдфорда в комнате уже не было.

Азалия стрелой пролетела через холл к мезонину в вестибюле. Он еще не ушел. Азалия, едва дыша, остановилась у лестницы и прислонилась к перилам.

— Сэр, — позвала она. — Лорд Брэдфорд.

Он обернулся. Его взгляд скользнул вверх и он увидел Азалию.

— Спасибо, — сказала она.

Лорд Брэдфорд низко поклонился, снимая при этом шляпу, которая снова взъерошила ему волосы. Когда он выпрямился, его лицо озаряла улыбка, такая же изогнутая, как и его галстук, и Азалия не смогла не улыбнуться в ответ.

ГЛАВА 5

Похороны состоялись на следующий день. Принцессы, прижимаясь друг к другу, держались настолько далеко от могилы, насколько позволяли приличия. Кладбище и прилегающие улицы были переполнены скорбящими — на всех была черная одежда, черные вуали и чепчики. Лошадей для процессии покрасили черной краской, уличные фонари обернули черной тканью. Всё черное.

Лишь суровыми белыми хлопьями на черный пейзаж падал снег.

Король стоял возле могилы, рядом с членами парламента, втянув щеки и плотно прижимая руки к бокам, что говорило о его раздраженности. Он не смотрел на могилу. Он не смотрел на девочек. Он смотрел... в пустоту.

После того, как прочли молитвы, уложили в могилу хвойные ветви, остролист и омелу, толпы присутствующих двинулись на выход через старые шаткие ворота. Семье и членам парламента предстоял поминальный обед в кафетерии. Король, не говоря ни слова, ушел вместе со скорбящими. Он даже не плакал. Азалия пыталась сдерживать свое негодование — ее ладони все еще саднили со вчерашнего дня.

Девочки не двигались, пока кладбище совсем не опустело. Они не отводили взглядов от изваяния плачущего ангела. На их рыжие, золотистые и каштановые макушки в безмолвии приземлялись снежинки, каплями стекающие по волосам.

— Нас хватятся, — спустя некоторое время произнесла Азалия. — А нас ждет обед с Королем. Он обязан прийти, ведь там будут гости. Таково правило.

Крепко ухватившись за отвороты плащей и покрывающие плечи шали, сестры не проронили ни слова.

— Мисс Азалия.

Азалия обернулась и увидела Фейрвеллера. Он выглядел еще мрачнее обычного. Держа шляпу в руке, он жестом указал на узкую тропинку, ведущую вдоль деревьев и могильных плит.

— Не соизволите пройти со мной?

Азалия пошла за ним, минуя обледенелые ветки и покрытые инеем листья. Ощущая на себе любопытные взгляды сестер, она слегка поморщилась, предвидя бесконечный поток поддразниваний. Фейрвеллер — молодой, статный, красивый, но неприятный, как шершень, и пахнет мятой.

— Здесь присутствовал премьер-министр Делчестра, — наконец произнес Фейрвеллер. Под его ногами хрустел снег. — На похоронах. Вы видели его?

Азалия вспомнила бородатого мужчину с моноклем и кивнула.

— Вам известно, что недавно Делчестр вынудил нас исполнить условия альянса и выступить с ними в схватке? И то, что вашему отцу, также как мне и полкам, придется скоро отправиться на войну?

Азалия резко остановилась, юбками сметая снег с тропинки.

— Он же не сейчас уходит? — спросила она

Фейрвеллер печально кивнул:

— Ему предоставили достаточно времени, чтобы проститься с вашей матерью, но пришла пора вспомнить о долге. Войска могут отплыть уже завтра, пока не начался шторм. Я подумал, вам следует узнать об этом не из газет.

Азалия хранила безмолвие. До этого, лишь Матушка разговаривала с ней о таких вещах, сглаживая острые углы. А теперь, слушая Фейрвеллера, ей казалось, что в порывах ветра закружили колючие кристаллики льда. Азалия сильнее натянула шаль.

— Так скоро, — сказала она. — Вы уверены, что ему уже обязательно уезжать? А как же траур?

Фейрвеллер слегка покачал головой.

— К сожалению, в политике нет места чувствам.

— Но он же король! Ему и вовсе не обязательно участвовать! Уверена, король Делчестра и не будет!

Он протянул вверх одетую в перчатку руку и с хрустом отломил обледеневшую веточку. Перед тем, как снова заговорить, он долго разглядывал ее, держа в ладонях.

— Существует старинная магия, — медленно начал он. — Она очень сильная и связана с обещаниями. Она берет истоки со времен Его Королевского Величества Повелителя Д'Иса и первого генерал-капитана. Ваш отец дал такую клятву, когда мы заключили союз с Делчестром. Мы все поклялись. Нельзя не считаться с этим.

— Он дал клятву, — глухим, ничего не выражающим голосом, повторила Азалия.

— Поэтому, мы обязаны идти. Если это вас хоть немного утешит, то я уверен, что война закончится быстро. Несомненно, она не продлится и года.

Азалия прислонилась к стволу заиндевело́го дерева, в очередной раз сдерживая слезы. Серые глаза Фейрвеллера, такие же бесцветные, как и он сам, внимательно наблюдали за ней. Спустя некоторое время он поклонился и ушел прочь через железные ворота.

Кусты за спиной Азалии затрещали, и вовсе не ветер был тому причиной. Она уставилась на укрытую снегом землю и вздохнула.

— Теперь можете выходить, — сказала она.

Из-за надгробных памятников и голых деревьев, где они прятались все это время, практически бесшумно стали появляться сестры. Они смотрели на Азалию широкими испуганными глазами. Кловия прижимала к груди Лилию. Они все хранили молчание, за исключением одиннадцатилетней Евы, которая сгребла снег, слепила из него снежок и запустила его в изваяние плачущего ангела над могилой Матушки. Пфф.

— Ненавижу эту статую! — закричала она. — Она совсем не похожа на ангела! — Пфф,

— Кажется, будто она подавилась ложкой! — Пфф.

— Ева, — позвала Азалия. Ева икнула, сняла очки и потерла глаза покрасневшей рукой.

Усилившиеся порывы ветра трепали локоны девочек; бедняжки стояли неподвижно — притихшие и несчастные. Азалия перевела дыхание.

— Флора, Злата, можете выполнить па из мазурки прямо здесь? — спросила она.

Флора фыркнула и замотала головой.

— Это не так уж и сложно, — настаивала Азалия. — Просто попробуйте, у вас получится. Никто вас здесь не увидит.

В нерешительности, Флора предприняла попытку: повернувшись на девяносто градусов, она сделала шаг назад, но оперлась не на ту ногу и запуталась. Ее подбородок задрожал.

Я вообще ничего не могу в этих ботинках, — пожаловалась она. — Они такие тяжелые.

— Это было хорошо! — Азалия поставила близняшек рядом с собой. — У тебя почти получилось. Разобьем движение на части. Давай, Злата. Сначала левую ногу, шаг назад. Поворот, хорошо, прыжок направо, изящный поворот, вместе. Хорошо!

— У нас получилось, — воскликнула Флора. Она повторила па, ее светло-русая коса подсакивала при каждом прыжке. Злата вторила ее движениям.

— Это легко! — просияла Злата.

— Вы обе, так быстро учитесь, — улыбнулась Азалия. — Давайте попробуем вместе. Возьмитесь за руки. Холли, Айви, вы делаете только базовые шаги. Поняли?

На этот раз возражений не было, даже Ева, едва сдерживая улыбку, произнесла: "Мы, должно быть, нарушили, по крайней мере, уже правил пятьдесят". Они соединили руки. Холли наклонилась, чтобы свободной рукой ухватиться за Кейл. Стараясь не замечать могильных плит, они начали танцевать в снегу. Шаг, скольжение, вместе, вперед. Они сомкнули руки в центре круга, затем разъединили и хлопнули в ладоши.

Темп задался быстро. Азалия уже забыла о ветре и стуже, о том, что они на кладбище, и даже о трауре, и о том, что тяжелые ботинки натирают ноги — она чувствовала только уже знакомое трепетание в груди. Теплая мерцающая частица. Все девочки теперь улыбались.

Едва Азалия собралась в очередной раз повернуться, как девочки перестали танцевать. Нарушая круг, они пытались спрятаться за старшей сестрой, затем сложили руки и опустили глаза.

— Что случилось? — удивилась Азалия. — Вы были так прекрасны. — Нахмутив брови, она обернулась — перед ней стоял не кто иной, как сам Король.

Танец словно выбило из нее. Азалия оступилась.

— Сударь! — сказала она.

Король открыл рот, закрыл его, затем открыл снова.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Э-э, — запнулась Азалия. — Всего лишь... танцуем, и только.

— Да, это я вижу, — сказал Король.

Девочки шаркали по снегу ногами.

— Мы же очень тихо, — зашебетала Холли, — как мышки!

Король растерянно почесал голову. Вблизи он выглядел таким уставшим и измученным, паутинка морщин вокруг глаз стала более заметной, чем раньше, то же можно сказать и о складке между бровями.

— Не сердитесь, — сказала Азалия. — Все в порядке, правда — нас никто не видел.

— Только потому, что вас никто не видел и не слышал, не значит, что все в порядке, — произнес Король. Он крепко схватил Азалию за плечи, отчего она съежилась.

— Траур подразумевает проявление наших внутренних страданий, — продолжал Король.

— Танцы оскорбляют память о вашей матери. Плохой пример, Азалия! Как будущей королеве, тебе следует лучше стараться! Плохой пример!

Выговор причинял острую боль. Азалия внезапно почувствовала, насколько холодным был ветер, и как он бил ей в лицо. Она отвернулась.

— Идите в дом, — подытожил Король, освобождая ее и потирая лицо рукой. — Все вы. Немедленно, пока не начался шторм.

Тем вечером Азалия спорила со своими сестрами. Это происходило крайне редко, но обстановка накалялась, и им подали ужин в их комнату — жестокое наказание. За окном стучал дождь, через щели в крыше падали капли в предусмотрительно подставленную чашу на столе. Девочки сидели возле огромного камина и маленькими глотками пили грибной суп. По крайней мере, суп был горячим.

— Я просто считаю, что нам всем следует извиниться, — сказала Азалия. Она намазала маслом очередную оставшуюся-после-поминального-обеда булочку для Айви, нетерпеливо выхватившую деликатес. — Даже, если мы считаем, что не прав он. Мы не можем оставить все как есть.

— Я просто считаю, что это странно, — сказала Брэмбл, потирая руки о горячую чашку. — За несколько дней он впервые к нам обратился и кричал при этом.

— Он пообщается с нами перед отъездом, — произнесла Азалия. — Он обязан. Это правило номер двадцать один. Помните? Прощаться, соблюдая формальности. Мы всегда выстраиваемся в линию в вестибюле перед его поездкой по длительным Д.К.В.

Брэмбл мрачно улыbnулась.

— Кушать с семьей тоже было правилом, — съязвила она.

Во время перебранки губы Дельфинии становились все жестче и тоньше. Она периодически посматривала на Еву, которая молчала весь вечер. Ева сидела на краешке своей кровати и, пытаясь не заплакать, издавала звуки подавленных рыданий.

— Ева? — обратилась к ней Азалия.

Ева вертела на коленях свои очки.

— Ладно, — сказала Азалия. — Дельфиния?

Дельфиния подняла острый подбородок, бросая упрямый дерзкий взгляд. Ева сглотнула и заговорила.

— Он не попросается с нами, — сказала она, все еще пристально рассматривая очки своими синими глазами. — Он уедет и даже не придет повидать нас.

Сестры посмотрели друг на друга, затем на Азалию. Азалия сморщила лоб.

— Ева, сейчас...

— Она права, — бросая на пол скомканный платок, перебила ее Дельфиния, — О, блаженное неведение! Не могу поверить, что вы до сих пор ничего не уяснили. Ева и я все поняли еще два дня назад!

— О чем ты?

— Король, — сказал Ева. — Он не... — Она оттягивала кончики своих густых темных волос. Вмешалась Дельфиния.

— Он не любит нас, — произнесла она. — И мы ему не нужны.

Она была настолько бледная, что Азалии показалось, что на этот раз она может упасть в настоящий обморок. Холли, Айви и двойняшки переводили встревоженный взгляд с Азалии на Дельфинию. Азалия сердито сложила руки.

— Что? Конечно он любит нас, — сказала она. — Иначе быть не может. Дельфиния, так и есть.

— Он... он всегда кушал с нами, — смело заявила Флора. — И... он дает нам тувельки для танцевальных занятий.

— Он КУШАЛ с нами и ДАВАЛ нам тувельки, — поправила ее Дельфиния, — потому что Матушка была рядом, и она хотела, чтобы он так поступал. Неужели вы не видите? Он уделял нам внимание только тогда, когда его просила об этом Матушка. Теперь, когда Матушки не стало, зачем ему считаться с нами? Вероятно, он даже рад уехать.

— Дельфиния...

— Лия? — слышалось от Флоры.

Азалия сдавила горку из пустых чаш с такой силой, что они хрустнули. Она уверяла себя, что у нее нет любимых сестер, но, если бы были, то Дельфиния не попала бы в этот список.

— Чушь, — парировала Азалия. — Брэмбл тоже не верит в это.

— Ну, Аз, — Брэмбл постучала ложкой о край своей тарелки. — Он никогда не проявлял к нам великой любви.

Азалия с грохотом поставила тарелки на стол.

— И ты туда же? Как вам всем в голову могла прийти такая ужасная мысль? Он... он хотел открывать бал со мной, помните?

— Потому что ему Матушка так сказала, — прошептала Дельфиния. — А он бросил тебя с Фейрвеллером.

Азалия запустила в Дельфинию ложкой. Она пролетела мимо и попала в украшенную драпировкой банкетку. Азалия резко повернулась, юбки со свистом рассекли воздух позади нее. Она упрямо зашагала к двери.

— Я приведу его прямо сейчас, — сказала она, хватая задвижку с такой силой, что ее рука запульсировала от боли. — Вот увидите. Это не правда! Вот увидите!

Дверь библиотеки была открыта. Азалия постучала по деревянной панели рядом с дверной коробкой и заглянула внутрь.

Возле стола Короля на корточках сидел человек. Разочарованно Азалия увидела, что это был вовсе не Король, а мистер Пудинг. Престарелый дворецкий, медленно оборачивая книги в ткань, улыбнулся, когда вошла Азалия.

— Мисс! — сказал он, — Холодает, мисс.

— Где Король? — спросила Азалия.

Улыбка мистера Пудинга растаяла, он всячески избегал взгляда хозяйки.

— Он отбыл, мисс. В порт.

Не в силах сдерживать себя, Азалия глубоко вонзила ногти в ладони, в горле застрял ком.

— Он не мог! — прошептала она.

— Он сказал, что не хотел вас беспокоить из-за всей этой суеты и тяготы расставания и все в этом роде, мисс.

Азалия выскочила из библиотеки, от негодования у нее побелели костяшки пальцев.

В глубине сознания Азалия понимала всю нелепость своей затеи. Невзирая на нелюбовь к лошадям, ей все-таки удалось оседлать Теккери дамским седлом и, рискуя свалиться, поскакать на нем в порт. Азалия ненавидела верховую езду. Танец был легче и он не мог сбросить тебя, а еще от него не несло так... по-лошадиному.

В спешке Азалия забыла одеть плащ. Ледяной дождь насквозь промочил ей одежду и волосы, но она не обращала внимание на озноб. Кровь, бурлящими потоками, разливалась по ее венам, не подпуская холод.

Порт располагался неподалеку. Все судна входили в доки и вели торговлю там же — на реке Ализарин, протекающей через весь город. По мере приближения Азалии к пристани, скупой свет фонарей становился все ярче. К тому времени она уже упустила поводья,

теперь беспокойно свисающие, и что есть силы вцепилась в гриву Теккери. На деревянных планках из-под копыт коня вылетали комья мокрого снега.

Невзирая на ненастную погоду, в порту кипела жизнь. Десятки рабочих заводили промокших лошадей на помосты, после чего кран переносил на корабль обвязанный сетками груз. Вдыхая запах старого сырого дерева, Азалия сначала увидела Фейрвеллера в нескольких шагах от нее, а потом услышала Короля, громким голосом раздающего указания. Петляя, она протиснулась сквозь толпы кавалеристов и лошадей.

— Сударь! — закричала Азалия. Приближаясь к Королю, она пустила своего скакуна легким неказистым галопом, но потеряла равновесие и выпала из седла, как раз в тот самый момент, когда Теккери поравнялся с Диккенсом. Падая, она ухватилась за сумку, перевешенную через круп Диккенса, и по металлическому звону выпавшего из нее предмета, поняла, что это был серебряный меч.

Его незаточенное лезвие было покрыто вмятинами и пятнами, на рукояти нанесен клеточный узор, и обычно он хранился в футляре в портретной галлерее. Поскольку меч принадлежал еще Гарольду Первому и имел историческое значение, Король брал его с собой на парады или когда предстояло произнести речь. Ничего удивительного, что также это оружие берут с собой на войну.

— Азалия! — две сильные руки подхватили ее, уберегая от падения на мокрый деревянный настил, развернули на сто восемьдесят градусов, и Азалия оказалась лицом к лицу с Королем, его выражение было очень обеспокоенным. — Бога ради! На тебе даже плаща нет.

— Не подумала, — сказала Азалия, осознавая, что ее трясет. Ее насквозь промокшее черное платье прилипло к телу.

Король расстегнул свой плотный плащ, снял его и накинул Азалии на плечи. Она едва не пошатнулась под его тяжестью. Затем Король поднял меч с планок и внимательно изучил его, хмурясь при этом.

— Ты его поцарапала. — перед тем, как спрятать его обратно в ножны, Король показал дочери крошечную тонкую черточку. — Это государственная собственность, Азалия. И вообще — зачем ты здесь?

— Вы уезжаете, — содрогаясь от холода, сказала Азалия. — Вы даже не попрощались! Девочки...

Чьи-то громкие возгласы прервали ее, люди кричали Королю о необходимости разделения войск и припасов. Запах мокрых лошадей, раздаваемые Королем оглушительные приказы, скрип реек и копыт на планках — все это было чуждо Азалии. Она крепко вцепилась в отвороты плаща и слова, бурлящим потоком, соскочили с губ.

— Вы не можете уехать сейчас! — воскликнула она. — Правило номер двадцать один! У нас есть правила!

Король повернулся к ней, его красивая красная форма почернела от дождя. Сверкнула молния, отбрасывая грозные тени на его лицо.

— Я не могу бросить здесь людей, Азалия! Они нуждаются в своем генерале.

— Если вы не приедете, — продолжала Азалия, — девочки решат, что вы... что вы не... пожалуйста, сударь, вам необходимо вернуться и попрощаться!

— Министр Фейрвеллер, — позвал Король. — Министр, сопроводите Азалию обратно во дворец. И, ради всего святого, проследите, чтобы она не свалилась!

В следующий миг Король усадил Азалию на спину Теккери и передал поводья Фейрвеллеру, сидевшему верхом на своей белоснежной кобыле — ЛедиФейр.

Азалии показалось, что внутри нее кипит чайник, обжигая ей пальцы, сдавливая горло и вызывая головокружение. Фейрвеллер уводил ее все дальше от доков, она смотрела как

впереди подпрыгивал хвост ЛедиФейр. К счастью, Фейрвеллер не пытался завести разговор.

Гнев, наполняющий Азалию, был таким пронзительным и таким яростным, что она уже не контролировала себя. Не успел Фейрвеллер довести ее до булыжной мостовой, как она, наклонившись вперед, вырвала повод из его рук.

— Сударыня! — только и произнес министр, когда она пустила лошадь галопом, удаляясь от него.

— Ах так! — закричала Азалия сквозь падающие ледяные капли, когда копыта вновь застучали по дереву. — Ну ладно! — Возле Короля она резко остановилась, Теккери заскользил.

Король перевел взгляд с поводьев в его руке на Азалию. Сначала он удивился, потом нахмурился.

— Азалия... — начал он. Азалия перебила его.

— Вам известно, как много мы думали о вас! Вы могли хотя бы... хотя бы вести себя так, будто вам не все равно!

Она стянула с плеч его плащ и скомкала его в мокрый тяжелый клубок.

— Нам стыдно, что мы питали глубокую привязанность к человеку, совсем не заслуживающего этого. Если мы не нужны вам, что ж... ладно! Вы нам тоже не нужны!

Со всей силы она бросила плащ в Короля. Насквозь пропитанный водой, он упал на платформу всего лишь в футах от нее.

— Прощайте! — крикнула она.

Она рывком развернула Теккери и пустила его быстрым галопом — подальше от порта, по скользким улицам обратно во дворец. От необъяснимой эйфории у нее горели пальцы и щеки, она почти смеялась, испытывая злое головокружение.

Все же, когда Теккери довез ее до ворот дворца, пламя внутри потускнело до унылого пульсирования, а головокружение обернулось болью. Она вновь развернула лошадь и взглянула на серебряную гладь реки, тонкими лучиками подсвеченную портовыми фонарями. Тяжелые капли дождя стекали по ее лицу.

— Прощайте, — повторила она.

ГЛАВА 6

— Мастерски! — засмеялась Матушка. — Ты гораздо лучше, чем я! Вверх, выше, выше. Очень хорошо! Дамские плащи — в библиотеку, мужские шляпы в...

— В вестибюль. Да, я помню, — Азалия разгладила свои юбки.

— Замечательно. Мужчины будут сходить по тебе с ума.

— Я очень хочу, чтобы ты смогла прийти, — сказала Азалия.

— Твой отец придет.

— Не придет. Он будет здесь с тобой. А мне придется танцевать с ужасным Фейрвеллером.

— Что, прости?

— Боже мой. Снова этот сон! — простонала Азалия и проснулась.

Некоторое время она рассматривала ниспадающий над головой навес балдахина, ее волосы каштановыми завитками раскинулись на подушке.

Сон! Она не видела его уже, по крайней мере, недели три и думала, что больше не увидит. Поначалу — три месяца подряд — он снился ей, чуть ли не дважды в неделю, и всегда казался столь реальным, что она могла почувствовать, как от Матушки пахнет

бисквитным кексом на яичных белках, лекарствами и детской мазью, а рядом с ее креслом ощутить исходившее от огня тепло. Конечно, Азалия предпочла бы сновидения о пикниках и поездках на ярмарку, а вовсе не о том, как Матушка испытывала невыносимую боль в предсмертный час. Азалии претила мысль о ее страданиях.

И все же Азалия хотела, чтобы сон длился дольше.

Нащупав в кармане ночной рубашки часы лорда Брэдфорда, она щелчком открыла их, в очередной раз испытывая благодарность. Из-за черных занавесок, покрывающих окна, даже в дневное время казалось, что на улице ночь.

Все еще рано. Азалия плотнее укутала одеялом Кейл — свою соседку по кровати — и убедилась, что Лилия спит в своей колыбели, после чего выскользнула из комнаты.

Хотя по календарю шел июнь, Азалия босыми ногами чувствовала, как в танцевальной зале от мраморного пола веяло холодом. От горевшего светильника в ее руке замерцали люстры, играя огоньками в зеркалах. Она поставила лампу и сделала глубокий реверанс своему отражению, отводя ногу назад и взмахивая рукой. Она любила упражнения на гибкость и во время танца растягивала мышцы ног. Она встала на носочки и закружилась, чувствуя, как легкий ветерок от ночной рубашки окутывает ее. Фокусируя взгляд, на каждом повороте "удерживая" точку на дальней стене, вращая ногами и еще быстрее головой, она задерживалась на каждом туре, и казалось, что нижняя часть ее тела двигается самостоятельно.

— Ты п-прекрасна.

Азалия завершила фуэте реверансом, затем выпрямилась и увидела Кловию, держащую на руках Кейл. Позади них угадывались силуэты сонных девочек в ночных рубашках.

— Доброе раннее утро, — сказала Азалия. — Вас Кейл разбудила?

— Угадала, — ответила Брэмбл, распутывая рукой свои длинные до колен волосы.

Улыбнувшись, Азалия покачала головой. Кейл было всего два года, но ее пронзительному голосу позавидовала бы любая примадонна. Как показала практика, если она закатывала истерику, то либо получала желаемое, либо доходило до рвоты. Азалия взяла малышку, и та тут же крепко схватила старшую сестру за шею. Кейл, к тому же, имела привычку кусаться, и Азалия всячески пыталась держать свои плечи подальше от нее.

— Ты... ты снова... видела этот сон, да? — спросила Кловия, когда они все уселись вокруг лампы. На золотистых волосах девочки переливался слабый свет. — Поэтому... ты спустилась сюда?

Азалия пожала плечами.

— М-может тебе стоит... написать об этом Королю, — предложила Кловия. — Возможно он... поможет.

— Спятила что ли? — вмешалась Брэмбл. — Оно ему надо?

Кловия слегка замялась и уставилась на свои руки.

— Ну хватит, — Азалия выпрямилась. — Мы же договорились — ни слова о Короле.

Девочки, заламывая руки, не поднимали глаз. Это напомнило Азалии о том позднем декабрьском вечере, когда она, дрожа от холода, вернулась во дворец настолько промокшая, что вода с нее стекала на ковер лужами. Тогда она ничего не рассказала сестрам. Всё было написано на ее лице. Не издавая ни единого звука, они помогли ей переодеться в сухую одежду, а потом расчесывали и заплетали ее влажные волосы.

Азалия также ничего не объяснила и после, ибо безжалостная правда способна терзать любого, ожесточая его сердце. Как это происходило с ней — воспоминания неистово ожигали внутренности, застывая комом в горле. Внешне она умело скрывала свою боль, но крошечные серповидные шрамы запечатлелись на ее ладонях.

— Что ты танцевала? — спросила Злата.

— Ничего конкретного. Хотя собиралась зингареллу, — Азалия улыбнулась и сказала в потолок, — если бы только нашла достаточно людей для этого танца.

С радостными криками девочки повскакивали со своих мест, и Азалия поставила их в линию, показывая, как тянуть носок, поворачиваться на подушечках пальцев и как слегка подпрыгивать, резким движениям выбрасывая ногу. Нежный румянец тронул их бледные щеки, а во время поворотов в зеркалах отражались улыбки — казалось, все почувствовали согревающее мерцание внутри. Азалия обожала танцы за это излучение теплоты.

— Но зингарелла — закрытый танец, — сказала Дельфиния, идеально приземляясь в третью позицию. — Как и все хорошие танцы. Вот если бы мы все были достаточно взрослые, чтобы танцевать с партнерами.

— Партнеры, шмартнеры, — возмутилась Азалия. — Разве вы не помните Матушкины уроки? Мы танцевали кадрили и любые другие танцы сами.

— Но это совсем другое — с партнером.

Азалия вспомнила бал на Святки и то головокружительное волнение, когда в идеальной позиции кружишься с партнером, как единое целое, пролетая в море юбок мимо других пар. Это, действительно, совсем другое.

В дверях бального зала, дополнительным светом озаряя комнату в отражениях зеркал и люстр, показалась лампа. Держал ее мистер Пудинг, свободной рукой потирая лицо. Беспорядочно торчали его седые волосы. Азалия догадалась, что, смеясь и танцуя, они наделали много шума.

— Снова танцуете, мисс?

Азалия собрала зевающих и потягивающихся девочек и вывела их из комнаты к главной лестнице.

— В этот раз, мисс, не думаю, что это сработает, вовсе нет, — обратился мистер Пудинг к Азалии, легонько подталкивающей сестер вверх. Стоя на нижней ступеньке, он держал лампу и хмурился. Сердитый взгляд мистера Пудинга, совсем не похожий на выражение Короля, приводил в недоумение своей неочевидностью. Он прочистил горло и глубоко вздохнул, предупреждая о почти-поучении-но-не-совсем-потому-что-он-всего-лишь-королевский-дворецкий-а-вовсе-не-Король.

— Я могу смириться с послаблением для танцев один-два раза, это не повод для беспокойства, мисс, даже я сам делал вид, что не замечаю, когда вы ненароком забываетесь, но это противоречит правилам, а я принял на себя ответственность, так что я не могу больше позволить вам нарушать правила траура, даже ради танцев, которые, как мне известно, любила ваша мама. Я вынужден запереть бальную комнату, мисс, и боюсь, что если застукаю вас снова, посчитаю своим долгом написать вашему отцу.

При слове "отец" у девочек перехватило дыхание. Они сплотились возле Азалии, пока мистер Пудинг, перебирая огромную связку ключей, закрывал танцевальный зал на замок. Послышались два щелчка. Заметив, что младшие сестры готовы разрешиться, он, едва не плача сам, дал им свою лампу и пообещал отнести в их комнату чай с печеньем. Но бальную залу не открыл.

— Полагаю, он серьезно. На этот раз, — произнесла Дельфиния, пока они устало поднимались по скрипящей лестнице, волоча за собой младшеньких. — Он действительно запер дверь. И раньше он никогда не угрожал письмом к Королю.

— Без ключа едва ли возможно открыть замок, — сказала Ева, оттягивая кончики своих красивых темным волос, что говорило о ее беспокойстве. — С этим могут быть проблемы.

— Наша проблема в том, что мы попались, — изрекла Азалия, в одной руке она несла Жасмин, в другой — Кейл. На лестничной площадке она остановилась и, опираясь на обои под пыльными портретами Двоюродных Тетушек Магуорт и Батеркап*, перевела дыхание. Все эти прошедшие месяцы мистер Пудинг каждое утро приносил им в комнату газету "Вестник Гарольд", в которой девочки, в надежде узнать новости о войне,

сосредоточенно просматривали каждую статью, поедая при этом кашу на завтрак. Их лояльность этим и ограничивалась. Король справится сам. Кловия, как-то раз, предложила написать ему, но эту идею быстро отвергли. Азалию не покидала уверенность, что при одной только попытке, ее ручка сломается пополам.

*(англ. "Mugwort" — в переводе "полынь"; "Buttercup" — в переводе с англ. "лютик"; прим. переводчика)

— Никаких танцев, — сказала старшая сестра. — Нам нельзя снова попадаться. Это будет нашим секретом.

— Он напишет Королю...

— Ах, Королю, — со злостью зашипела Азалия. Слова накаляли воздух. — А ему какое дело? Король — больше не часть нашей семьи!

Закусив губу, Кловия прижала головку Лилии к груди. Флора и Злата изящными ручками вцепились друг в дружку. Азалия попыталась как-то смягчить сказанное, но из сжатого горла доносились лишь натянутые фразы.

— Он не часть, — произнесла она. — Ему не обязательно знать.

Тук. Тук. Дзинь-дзинь. Тук.

Со времени их последнего танца прошло уже две недели. Азалия лежала в своей постели и снова не спала. Однако, на этот раз ей помешал не сон, а непонятный металлический звук — резкий звон — передвигающийся по деревянному полу их комнаты — под кроватями и на стыке с деревянной обшивкой стен — дзинь-дзинь. Было похоже на... хм, если предельно честно, можно было подумать, что паучок тащит ложку.

Азалия понимала, что такое объяснение маловероятно (или, скорее, надеялась на это), но все-таки встала и взяла ботинок Златы, брошенный на полу. Легкий звон теперь доносился из незажженного камина, и Азалия среди сажи уловила блеск серебра. Замахиваясь ботинком, она на цыпочках подошла к цели.

Камин в их комнате был огромный, настолько, что Азалия могла стоять внутри, и ее пышные юбки не касались стен. Серебро подпрыгнуло, и Азалия нырнула за ним.

Азалия оказалась сидящей в камине — вокруг сажа, — а серебряный предмет, как сумасшедший, пытался отскочить подальше. Азалия схватила его и почувствовала, как что-то укусило ее, очень больно и очень знакомо.

— Вы! — вскакивая, завопила Азалия. Теперь она узнала эту не то прыгающую, не то дергающуюся манеру передвижения. Сахарные зубы! Азалия быстро придавила их. Под ее необутой ногой они извивались как пойманная в мышеловку мышь.

Все еще находясь внутри камина — ночная рубашка заляпана сажей — Азалия крепко схватила щипцы для сахара, чтобы они не смогли ущипнуть ее, и внимательно их разглядела — они были черные от копоти и с вмятинами. Азалия задалась вопросом: зачем они по собственной воле скитаются по дворцу, что им нужно? Обычно, они не покидали своего места рядом с другими приборами волшебного чайного сервиза, лязгая о кувшинчик для сливок и бросая кубики сахара в случайно проходивших мимо. Размышляя об этом, Азалию осенило, что она не видела чайный сервиз уже, по крайней мере, несколько месяцев. Пытаясь разгадать, куда направлялись щипцы, Азалия прислонилась к кирпичной стенке камина.

Внезапно она резко отпрянула, потому что кирпич, в который уперлось ее плечо, был необычайно шероховатым. Позабыв о "сахарных зубах", которые тут же выпрыгнули из руки и рывками унеслись прочь, она провела пальцами по неровности. В тусклом свете, да еще с налетом копоти, ее было почти не видно. Что интересно — из-за формы каминной полки ее невозможно даже заметить, пока не зайдешь внутрь.

Сердце Азалии неистово заколотилось под ночной рубашкой. Она принялась смахивать сажу с кирпича. Пальцы дрожали. Форма вытравленной неровности становилась все более различимой — полумесяц буквы "D" с тремя пересекающимися линиями в центре.

Волшебный проход!

ГЛАВА 7

Азалия не отводила глаз от стены. У нее в ушах гулом отзывалось биение сердца.

Волшебный проход! В собственной комнате! Она постаралась вспомнить все, что лорд Брэдфорд рассказывал о переходах несколько месяцев назад. В настоящее время Король использует их в качестве кладовых — да, но! — все-таки, магия — есть магия! Интересно, это большое помещение? Если там не слишком много мебели или коробок, хватит ли места, чтобы...

Чтобы не запрыгать от радости, Азалия поджала запачканные сажей пальчики на ногах.

Как, лорд Брэдфорд говорил, это можно открыть? Потереть серебром. Какая удача! Азалия оглянулась в поисках серебряных щипцов и обнаружила их на краю ковра.

— Идите ко мне, — прошептала она самым ласковым тоном. — Я вас не обижу.

Сахарные зубы резко отскочили.

— Вы — маленькие отвратительные... — пытаюсь поймать щипцы, Азалия, чтобы избежать укусов, достала из кармана Матушкин платок... как вдруг остановилась.

Азалию всегда заставляло врасплох серебряное сияние платка. Ее окутало покалывающим ощущением света, и Азалия, улыбаясь, поднесла квадратик серебряной ткани поближе к лицу. Король подарил его Матушке много лет назад — с ее инициалами, вышитыми цветом королевской семьи. И, несмотря на мягкость, как у льна, нити платка были из настоящего серебра.

Глубже погружаясь в камин, Азалия приложила платок к отметке "DE". Она помешкала, совершенно не представляя, что должно произойти. Тем не менее, внезапное возбуждение защекотало пальцы, и она принялась тереть кирпич.

Сначала ничего не происходило. У Азалии даже устала рука. Через полминуты она, уже готовая оставить затею, почувствовала, как знак нагревается.

Эмблема DE засветилась серебром. Азалия затаила дыхание. Засиял цементный раствор между кирпичами, разливая сияющий серебряный свет, настолько яркий, что Азалии пришлось прикрыть глаза. Серебряный поток образовал на стене арку, края которой украшали мерцающие завитки и листья.

Последовала ослепляющая вспышка.

Когда, спустя некоторое время к Азалии вновь вернулась способность видеть, у нее перехватило дыхание. Вместо стены в камине был сводчатый проём со сверкающими листьями и спиралевидными веточками вьющегося плюща. Тонкая завеса серебряного отлива мягко вздымалась под аркой, словно невесомая паутинка в дуновениях нежного ветерка.

Похожие на перебирание струн гитары звуки заставили Азалию вздрогнуть; у ее ног подпрыгивали покрытые сажей сахарные зубы, с усилием дергая подол юбки.

— Ш-ш, уходите, — зашипела Азалия, поглядывая на кровати сестер.

Зубы, скрипя металлом, припали к земле. Звук очень напоминал хныканье.

— Ах! Теперь хотите пойти? — спросила Азалия.

Щипцы, как сумасшедшие, запрыгали вокруг нее.

— Ну... ладно. Но вам придется вести себя хорошо. — Азалия запихнула их в карман и замерла в нерешительности. Она знала, что за стеной ее ожидали лишь старая мебель и книги, но... все же. Еще раз взглянув на кровати и заметив шевеление под одеялами, Азалия отбросила сомнения, сделала глубокий вдох и шагнула в мерцающее серебряное свечение.

Ей показалось, что она вступила в серебряный водопад, холодный как лед, обрушившийся на ее голову и плечи. Удушающий запах, будто внутри чайника, сковывал дыхание. Еще один шаг — и Азалия втянула глоток свежего воздуха. Дрожа, она стряхнула усики мерцающего света и потеряла руки.

Она стояла на маленькой деревянной площадке примерно того же размера, что и камин. Перед ней — винтовая лестница ведущая вниз. Азалия сглотнула, прижала руку к кирпичной стене и принялась спускаться. Шаткие деревянные ступени скрипели под ее босыми ногами; темнота поглощала. Нащупывая перед собой путь трясущимися руками, она пожалела, что не взяла с собой светильник.

Тишину рассеял громкий шаркающий звук. Азалия вскрикнула.

— Тише, тише, тише, — послышалось откуда-то сверху. — В самом деле, Аз, ты орешь так же как Кейл!

По коридору рассеялось светлое облако, и Азалия испытала огромное облегчение, когда из-за угла, держа Лили на руках, появилась Брэмбл с кривой удовлетворенной усмешкой на лице.

Раздался пошаркивающий глухой стук шагов на скрипящих ступеньках; все одиннадцать сестер Азалии появились из-за поворота, сонно волоча ноги, но с удивленно открытыми ртами и сияющими от восторга лицами. И лишь у Кловии хватило благоразумия прихватить с собой лампу.

— Комната внезапно наполнилась светом, — сказала Брэмбл. — Словно пробуждение от восхода солнца... а мы уже несколько месяцев не видели его. Аз... стена камина...

— Знаю, — ответила Азалия. — В это сложно поверить.

Столпившись возле лампы, девочки льнули поближе к Азалии, чтобы не прослушать о волшебных проходах, о которых поведал ей лорд Брэдфорд. Она рассказала им о сбежавших из кухни сахарных зубах, которые она поймала в комнате, и о том, как она открыла стену серебряным платком. И без того широко распахнутые глаза замороженных слушательниц полезли еще выше на лоб.

— Мне следовало вас всех разбудить, — произнесла Азалия, заканчивая рассказ. — Но я думала, что не выдержу промедления. Я рада, что переход не закрылся сразу. Он еще открыт?

— Нет, — ответила Ева. — Там снова стена.

— С этой стороны тоже есть эмблема, — заметила Брэмбл. — Полагаю, надо потерять ее при выходе. — Она содрогнулась, осматривая окружающую ее кирпичную кладку. — Не хотела бы я застрять в этом месте.

— Куда ведет эта лестница? — поинтересовалась Флора.

— Не знаю. — Азалия уставилась на закрученный вихрь ступенек, тающих в темноте, — вероятно, всего лишь в кладовую, но там могут оставаться частички магии, как в башне. Хотите выяснить?

— Да!

Кловия передала Азалии лампу, и старшая сестра, освещая путь, повела их вниз по лестнице. Спускаться пришлось дольше, чем она ожидала, и только спустя несколько долгих минут впереди замаячил свет. Они прошли очередной изгиб, который открывал вид на излучающий мягкое серебряное свечение арочный проход. Азалия нахмурилась. Яркое сияние луны? Внутри дворца?

Азалия направилась к проходу, оставив сестер позади. Опираясь о проем дрожащими руками, она выглянула.

И отступила. Ошеломленная.

Открывающаяся панорама, подобно кристально чистой симфонии, овладела Азалией. Лес.

Но несколько не похожий на чащу возле дворца! Казалось, каждая ветка, каждый сучок, листик и закрученный усик были усыпаны серебром и мерцали в ласковой дымке тумана.

Азалия вдохнула, втягивая приглушенный аромат утренней мглы с оттенком хвои, и прошла через арочный проход в блестящий лес. Искрилось все, даже самая малая веточка, и улавливая движение, переливалась сияющими отблесками. Даже тропинка под ногами. Азалия повернулась к стоящему слева увитому хрусталем дереву. Серебряные украшения — прозрачные сливы — мерцали меж изящных серебряных листьев. Азалия прикоснулась к одной. При покачивании ее поверхность заблестала. Каждую ветвь ниспадающей дугой обматывали нитки жемчуга.

— Какая красота! — прошептала Флора. Девочки проследовали за Азалией, притихшие от изумления.

— Как зимой, когда только выпал снег, — тоже шепотом произнесла Злата.

— Или... как деревья на Святки, — сказала Кловия.

Для Азалии картина являла собой сочетание: сады, дворец и Святки — все слилось воедино и окунулось в серебро.

— Что это за место, Аз? — Брэмбл в изумлении смотрела вверх. Верхушки самых высоких серебряных деревьев исчезали во мгле.

— Кажется, это дворец, — вымолвила Азалия.

Брэмбл, ухмыляясь, выгнула тонкую медного оттенка бровь: "Определенно, не наш гуталиновый дворец! Неудивительно, что нам не говорили про этот переход — мы бы здесь вечность сидели!"

Брэмбл была права. Азалия прикоснулась к лентам и жемчужинам, ощущая подушечками пальцев покрытые бугорками нитки. Она никак не ожидала, что прямо под их спальней сохранилось столько магии.

Девочки медленно шли по дороге, а вокруг, словно в снежном одеянии, царил тишина. Время от времени Азалия трогала серебристо-белые ветви и каплеобразные украшения, чтобы напомнить себе, что это не сон.

Впереди им путь преградили серебряные ветки раскидистой ивы. Приближаясь к ней, они услышали едва уловимое звучание музыкальной шкатулки. От неожиданности и удивления девочки заозирались по сторонам. Подойдя ближе, они заметили, что изменилась тональность мелодии; теперь она больше напоминала насыщенную оркестровую музыку с плавным размером такта в три четверти. Азалии не терпелось пуститься в пляс.

— Звук доносится из-за ивы, — шепотом сказала Дельфиния.

Азалия подошла к сверкающим серебряным листьям. Аккуратно просунув руку между ветвей, она приподняла их.

Девочки ахнули.

За ивой тропинка переходила в изящный арочный мост, ведущий через пруд с серебристыми лилиями. Весь мост был усыпан резвыми солнечными зайчиками, отраженными от поверхности воды.

Кроме того, на противоположной стороне моста стоял полностью увитый серебряным виноградом шатер с белоснежными сетками и куполообразной крышей. Сплошь набитый танцующими парами!

Дамы кружились, разряженные во вздымающиеся при каждом движении шелковые и шифоновые одежды; ярко одетые кавалеры держали их за руки, увлекая искусством танца.

Азалия отпрянула от ивовых веток, которые тут же упали на свое привычное место. Внезапно девушке стало не по себе. Здесь слишком много магии; несомненно, Матушка об этом не подозревала.

— Давайте уходить, — сказала Азалия. — Нам не следует здесь быть.

— Что? — хором вскрикнули девочки.

— Прошу меня, конечно, извинить, — упрямо заявила Брэмбл. — Это нам-то не следует здесь находиться? А им? Носятся по нашему дворцу как ни в чем не бывало. Почему нас, право же, не пригласили?

— Кто они такие? — запинаясь, произнесла Кловия.

— Не знаю, — ответила Азалия. — Но это неправильно. — Ей вдруг захотелось, чтобы они сюда никогда не спускались.

— Я хочу взглянуть поближе! — сообщила Дельфиния, поспешно пробираясь через листья ивы до того, как Азалия успела задержать ее.

— И я! — закричала Холли.

Азалия схватила ее за руку, но Холли, сумев вывернуться, побежала за Дельфинией. В спешке все девочки миновали Азалию, исчезая за ивовыми листьями. Запаниковав, Азалия нырнула за ними в серебряное полотно через арочный мост.

Тем не менее, к ее облегчению, девочки не помчались по белым ступенькам на танцевальную площадку, вместо этого, они, шелестя и слабо позвякивая, быстро спрятались в кустах неподалеку. Азалия не успела прийти в себя от потрясения, как Брэмбл, выскочив из-за серебряных листьев, схватила ее за талию и затащила к ним. Серебряный вихрь — и Азалия оказалась лежащей на спине, обмотанной серебряными ветвями кустов, которые больно впивались в позвоночник. Сестры, ухмыляясь, смотрели на нее сверху.

— Прямо как в старые времена, — сказала Брэмбл, усмехаясь и слегка подталкивая Азалию вверх. — Мы назовем это знатным переполохом сохранившейся магии Д'Иса.

— Как насчет Великого Нас Сейчас Поймают Скандала? — сердито прошипела Азалия.

— Ой, ну не надо хныкать, — сказала Дельфиния, когда они подталкивали старшую сестру сквозь листву с цветущими серебряными розами и жемчужинами поближе к шатру.

— Ты разве видела когда-нибудь в своей жизни такой бал?

Раздражительность Азалии испарилась, когда она, вставая с колен и вглядываясь сквозь решетку, жадно поглощала открывающееся зрелище как сладкий десерт. Дамы носили платья, о которых она только мечтала: отделанные парчой и золотом, а также высокие парики, украшенные перьями. На мужчинах были галстуки с резными краями и цветастые камзолы. Совсем не похожие на скучные, консервативные черные костюмы мужчин в Исбери.

— Они настоящие? — шепотом спросила Ева. — Выглядят будто... пустые.

Девочки пригнулись, когда возле изгороди пронеслась пара. Объемные юбки женщины должны были создать дуновение ветра, но Азалия ничего не почувствовала.

— Волшебство, — прошептала она.

— Волшебство или нет, — также тихо произнесла Дельфиния, — нас все-таки должны были пригласить. В конце концов, это наш дворец.

Азалия почувствовала, как кто-то тянет ее за рукав ночной рубашки и увидела Айви, настойчиво указывающую пальцем на стол с десертами у противоположной стороны шатра. На столе были глазированные булочки, покрытые патокой пирожные, чернослив, клубника в шоколаде и льняные салфетки с кружевным окаймлением. Рука в черной перчатке выдернула из пачки одну салфетку, и сердце Азалии перестало биться.

Там, возле стола стоял молодой человек. Он был одет во все черное. Но не в скучное черное, а в смелое черное и настолько глянцевое, что там и звездам не мудрено затеряться. На нем был комплект из камзола и широкого плаща, краями касающегося мраморного пола.

Одежда служила дополнением к его лицу с угрожающе торчащими скулами и длинными ямочками на щеках. Его цвета непроглядной тьмы волосы были завязаны в конский хвост, а его глаза, даже через расстояние, сверкали чистейшим черным. Азалия никогда не видела никого такого... красивого.

Пока Азалия глазела в изумлении, молодой человек взял тонкими пальцами кружевную салфетку и порвал ее пополам. Легко — словно бумажную. Он сложил вдвое кусочки и снова порвал их, затем снова и снова, пока они не стали совсем крошечные. Потом он поднес руки к губам и подул.

Кусочки развеялись, превращаясь в мерцающие снежинки, кружащиеся над танцующими. Девочки, испытывая благоговейный трепет, сделали глубокий вдох.

— Кто он? — шепотом спросили одновременно Флора и Злата.

— Понятия не имею, — тихо ответила Азалия. — Но, он — настоящий.

Молодой человек бегло осматривал обстановку, и в какое-то мгновение его взгляд остановился на решетке, через которую подглядывали девочки. И на Азалии.

Сердце Азалии бешено забилося в груди, и она, прижимаясь к стене шатра, нырнула в кусты. Прежде чем отважиться вновь взглянуть через решетку, она подождала, пока в сплошном потоке сердцебиения станут различимы отдельные удары.

На этот раз ее взору предстали черные ботинки. Подавив удивленный возглас, она вытянула шею.

Незнакомец облокачивался о перила, всматриваясь вдаль. Он их не заметил! Пока сестры, как замороженные, внимательно следили за ним, Азалия прикрыла крошечный ротик Лилии.

Молодой человек вздохнул. Это был длинный, печальный вздох, словно вырванный из глубин его души. Затем, он вдруг ушел. Девочки почувствовали облегчение.

— Едва не попались, — прошептала Брэмбл.

— Давайте выбирать.

На этот раз никто не спорил. Они поползли к мосту и уже готовы были подняться по ступеням, когда Азалия в последний раз обернулась на танцующих...

...И увидела среди них Айви.

Она стояла возле стола с десертами, держала салфетку и накладывала в тарелку все сладости, до которых могла дотянуться. Малышка, сияя от счастья, утрамбовывала булочки с кремом и шоколадные рулеты на уже полное блюдо. Никто не обращал на нее внимания — даже джентльмен у той стороны шатра, он в этот миг брал свою партнершу по танцам за руку. Маленькая фигурка Айви в белой ночной рубашке сливалась со скатертью.

— О нет, — прошептала Дельфиния. — Нет, только не это!

— Ну, блин! Айви, тебе что, надо есть все время? — закипела от негодования Брэмбл.

Приподнявшись так высоко, насколько позволяла смелость, Азалия пыталась поймать взгляд Айви. Казалось, это может занять не один час. Напевая под нос и облизывая губы, Айви собирала скатившиеся с тарелки слоеные шарики.

Когда же Айви все-таки взглянула на вход, Азалия ей неистово замахала. Айви сморгнула и, кивая Азалии, поставила свою тарелку на пол. Далее она, подхватив полы ночной рубашки, придала ей форму корзинки. Пухленькие маленькие ножки подпрыгнули к столу, и Айви продолжила собирать еду в подвернутую рубашку, теперь уже, чтобы хватило на всех.

— Нет, Айви, нет, — застонала Азалия. — Это был жест "иди сюда"!

И тут Айви, с тяжелой, полной вкусностей юбкой, пошла прямо по танцевальной площадке.

— Возможно, они ее не заметят, — прошептала Дельфиния. — Возможно же. Она такая маленькая, что...

Послышались крики танцующих.

Зашуршали юбки, застучали каблуки по мрамору, перегораживая выход. Щелкнула музыкальная шкатулка-оркестр и со скрипом остановилась, словно что-то попало между шестеренок. Во всем этом безумии и вихре юбок Азалия услышала тонкий голосок пятилетней Айви.

— Лия!

Азалия вскочила.

— Через мост! — что есть мочи завопила она. Девочки, выпутывались из кустов и, сбивая друг друга с ног, бежали к мосту. Азалия взлетела по ступенькам шатра и, прокладывая себе путь, расталкивала танцующих, которые вновь принялись кричать. Айви стояла в центре шатра, прижимая к груди ночную рубашку, ее подборок дрожал от испуга.

Азалия, слегка подскользнувшись, остановилась возле Айви и схватила ее за талию, разбрасывая повсюду пирожные. Айви громко закричала. Азалия побежала. Она рванула к выходу — трепыхалась ее запачканная сажей ночная рубашка; за спиной развевались волосы. Танцующие отступили...

... и исчезли.

— Сударыня! Подождите!

Азалия быстро сбежала по ступенькам и, спотыкаясь, направилась к мосту.

— Прошу вас, сударыня!

Она так резко догнала девочек на середине арочного моста, что им пришлось приложить усилия, чтобы устоять на ногах.

— Если вы не остановитесь сами, вас остановлю я.

Азалия отважилась обернуться. Молодой человек, стоя на коленях на лестнице, погрузил в воду одетую в перчатку руку.

Послышались порывистые звуки стремительно нахлынувшего течения, разливающегося из-под легкого тумана.

Девочки завопили, когда вода забурлила на нижних ступеньках моста. Они ринулись обратно к середине на самую высокую точку; со стороны ивового дерева нахлынула приливная волна, с плеском намочившая сестрам пятки. Спустя всего несколько секунд уровень воды в озере, окутывая серебряные кусты роз, поднялся до верхней ступени шатра, окружив девочек в центре арочного моста.

Течение успокоилось. На поверхности водной глади плавали ивовые ветви. Девочки прижимались к Азалии.

— Я же сказал, пожалуйста. — молодой человек встал. Он был бледен и тяжело дышал, словно приложенные усилия спровоцировали тошноту. Он прислонился к решетке дверного проема. — Разве вы не должны выполнять мою просьбу, когда я говорю пожалуйста? — стягивая по очереди каждый палец, он снял мокрую перчатку, затем выжал ее. Капли звонко стекли в озеро.

— Это моя единственная пара, — сказал он. — Искренне надеюсь, что вы сейчас счастливы.

Азалия открыла рот, чтобы пробормотать извинения, или закричать, или сделать хоть что-нибудь, но слова застряли у нее в горле. Младшенькие вцепились в юбку ее ночной рубашки. Незнакомец, все еще тяжело дыша, спокойно улыбнулся и поклонился. Азалия

еще не видела такого грациозного поклона. Его рука одним изящным движением устремилась назад.

Выпрямляясь, он засмеялся.

— Сударыни, — произнес он. — Прошу меня простить. Я напугал вас? Боже мой, должно быть напугал. Взгляните на себя, вы так отчаянно прижимаетесь друг к другу.

Девочки не проронили ни звука.

— Вы бледные, словно жемчужины, — продолжал незнакомец сладким, как шоколад, голосом. — Вы должны меня извинить. Ведь я впервые вижу настоящих людей со времен Его Королевского Величества Повелителя Д'Иса.

ГЛАВА 8

Отблески струившихся волн, бликуя на бледно-лиловой дымке, кружились вокруг девочек.

— Д'Ис, — пробормотала Кловия.

— Вы же старик! — заявила Холли.

— Никто не способен прожить двести лет, — дергая кончики своих темных волос, сказала Ева. — Это невозможно.

Незнакомец рассмеялся, хотя и с некоторым оттенком печали.

— Я стар, — произнес он. — Душа моя увяла и обернулась в прах. Но я не мертв. И... не жив также. Я... восставший из мертвых... живой мертвец.

Девочки метали друг на друга озадаченные взгляды. Азалии пришли на ум рассказы о Его Королевском Величестве, о том, что он мог пленить души умерших.

— Это не просто объяснить, — продолжил джнтльмен. — Но я в долгу перед вами. Прошу — извольте выслушать.

Складывая и разжимая ладони плавными отточенными движениями, незнакомец извлекал из них изящные чашечки на блюдцах, каждая из которых была до краев наполнена чаем. Он нежно опустил их на воду и подул, направляя их к девочкам, словно свечки на лодочках.

Едва сестры, невольно восклицая, подхватили блюдца, как Айви, не успела Азалия ее остановить, моментально выхлебала все до последней капли, звонко причмокивая. Вздыхая, Азалия осторожно сделала глоток чая. Во рту жидкость полностью улетучилась, оставляя на языке привкус ягодного варенья. Волшебный чай.

— Я дворянин знатного происхождения, — сказал он, когда все девочки держали в руках чашечки. — Лорд. Я был при дворе во времена правления Его Королевского Величества Повелителя Д'Иса.

Сестры, все как одна, громко и глубоко вдохнули. Сделав паузу, молодой человек улыбнулся.

— Ах, да. Я даже был его другом. Ах, право, не делайте унылые лица! Я вовсе не такой ужасный! Тогда я был еще ребенком.

Затем он своим вкрадчивым шоколадным голосом, продолжил повествование, настолько захватывающее, что девочки, позабыв о зажатых в ладонях чашках чая, жадно ловили каждое слово.

Воображение Азалии рисовало их небольшую страну, когда незнакомец был юн, дороги — невымощенными и грязными, лес — диким, а дворец — новым.

— Я был молодым, — спокойно произнес он. — И глупым. Его Королевское Величество взял меня в ученики, обучая заклинаниям и основам магии. Однако, он сошел с ума, конечно — вам это известно. Когда я узнал, как он обращался с душами... — оставляя

след, мужчина задумчиво провел пальцем по вьющейся плети винограда, обвивающей изогнутую дверную раму. — Что ж... я, разумеется, примкнул к сопротивлению.

Слова застыли у Азалии в голове. То самое сопротивление, возглавляемое ее девятым прадедом, Гарольдом Первым. Азалия слушала очень напряженно.

— Такого предательства Его Королевское Величество позволить не мог, — длинные пальцы незнакомца сомкнулись на серебряном виноградном листочке и резко сорвали его с ветви. — Как и следовало ожидать, меня раскрыли. Соперничать с ним в магии не было смысла. Ему было мало просто убить. Вместо этого, он наложил на меня заклятие здесь, внутри его прекрасного волшебного дворца. Я стал хранителем этого павильона, шатра, потому что больше, чем что-либо, Его Королевское Величество любил танцевать.

Ева поперхнулась чаем.

Брэмбл:

— Выдумываете!

Флора:

— Разве тогда уже изобрели танцы?

Мужчина засмеялся.

— Вам ведь нравится танцевать, правда? — спросил он. — Его Королевское Величество произвел бы на вас впечатление. Каждый вечер он приводил свою свиту на танцы в этот шатер. А я прислуживал, как неотъемлемая часть — слуга и шут Повелителя. Унизительно.

— А потом, после бесчисленных танцевальных ночей Его Королевское Величество и свита исчезли. А меня, с помощью некоего заклинания, заточили в стены и фундамент этого здания — я оказался беспомощной мыслящей субстанцией среди гранита и кирпичей. Лишь недавно я смог освободиться и вновь стать хранителем, хотя я, как и прежде, являю собой только частичку магии, как этот шатер, и по-прежнему не способен оказаться по сторону лестницы. Вот такая история.

Грустно улыбаясь, незнакомец закончил рассказ. Азалия сжала в руке чайную фарфоровую чашечку. Заточённый... Он был заключен во дворце... прямо как они.

— Бедняжка, — пожалела его Флора.

— Вы... вы голодны? — спросила Кловия. — Вам нужна еда... или... еще что-нибудь?

Мужчина вновь рассмеялся.

— Вы просто маленькие очаровательные создания, — сказал он. — Нет, мне ничего не надо.

Азалия спросила:

— Как вас зовут?

Черные глаза устремились на Азалию, внимательно осматривая ее испачканную сажей поношенную ночную рубашку и свисающие до талии каштановые локоны. На его губах заиграл намек на улыбку, когда Азалия, внезапно покраснев и пытаясь спрятаться, крепче прижала к себе Лилию.

— Хранитель, — последовал ответ. — Так меня называл Его Королевское Величество. Больше у меня нет другого имени.

Хранитель. Странное имя в исключительно странной истории для невероятно загадочного человека.

— Прошу вас простить меня, — произнес Хранитель. Когда он улыбался, длинные ямочки на его лице становились заметнее. — Я сейчас же опущу уровень воды и освобожу вас. Но, позвольте, могу ли я спросить, кто вы?

Азалия вспыхнула, вспоминая о хороших манерах. Сделав реверанс, она представила всех; сначала себя — Азалия Кэтрин Вентуорт, наследная принцесса — затем Брэмбл, Кловию,

Дельфинию, Ивнинг Примроуз*, Флору, Злату, Холли, Айви, Жасмин, Кейл и малютку Лилию, спящую теперь у Кловии на плече. Каждая, услышав свое имя, приседала в реверансе, а Ева произнесла заученную для знакомств речь: "Но я просто Ева, и не надо добавлять Примроуз". Джентльмен с присущей ему грациозностью поклонился каждой из них в отдельности.

*(Evening Primrose — полное имя Евы, в переводе с англ. Энотера)

— Вентуорт, — повторил он и улыбнулся.

В серебряной дымке мерцал шатер, и магия постепенно убаюкивала девочек. Зевнув, Жасмин прислонилась к ноге Кловии, а Кейл свернулась калачиком возле ступней Азалии, которая знала, что им нужно уходить, но совсем не желала этого. Пересекая серебристо-сиреневый пруд, их взгляды с Хранителем встретились. Он все еще улыбался.

— Принцесса Азалия Кэтрин Вентуорт, — сказал он. — Проверьте что у вас в кармане.

Азалия дотронулась до кармана ночной рубашки, ощущая плотный ровный лист бумаги. Озадаченная, она достала украшенный серебряными завитками конверт. Стоявшие вплотную девочки ахнули, когда Азалия сломала печать и развернула послание.

Настоящим письмом

*Принцессы Исбери
официально приглашены на бал
завтра вечером любезно устраиваемый
Хранителем Павильона*

— Это был сон? — уткнувшись в подушку, спросила Флора следующим утром.

Проспавшие до обеда сестры проснулись в приподнятом настроении с блеском в глазах.

— Никакой не сон, — сонно ухмыльнулась Брэмбл, протирая пол возле камина. — Сны не оставляют запачканные сажей следы.

В воздухе заискрились восторженные возгласы. Столь волнительных эмоций девочки не испытывали со Святков. Азалия попыталась нащупать приглашение в кармане ночной рубашки — пусто. Снова магия.

Сестры, помешивая кашу за завтраком в комнатке за кухней, тихо переговаривались, однако, чрезмерное возбуждение мешало кушать. Азалия настойчиво требовала, чтобы они хотя бы попытались поесть до начала занятий.

— Это так... странно, — сказала Кловия, ковыряя ложкой в своей тарелке, ее хорошенькое личико почти горело. — Тот джентльмен...

— Ммм, — протянула Дельфиния. — Тот джентльмен!

При мыслях об их новом знакомом у Азалии покраснели уши; она вспомнила, как он скользил по полу, как, подув на кусочки салфетки в руке, превратил их в снежные хлопья, и как его темные глаза внимательно ее рассматривали.

— Он плут, — решительно заявила Азалия, засунув в ротик Кейл ложку каши. — Я против возвращения.

Девочки в ужасе завизжали.

— О нет! — завопили близнецы.

— Ты не можешь так думать! — воскликнула Ева.

— Мы должны вернуться, — сказала Дельфиния. — Мне просто необходимо танцевать, мои ноги уже не выдерживают.

— Аз, — произнесла Брэмбл, придвигая свой стул поближе и глядя ей в глаза поверх кувшинчика со сливками на изношенной скатерти. — Ты разве не понимаешь, что это идеальная возможность? Мы наконец-то нашли место для танцев, где никто не сможет нас застукать!

— Конечно я это понимаю! — ответила Азалия. Ее пальчики шевелились в тесных ботинках, желая пуститься в пляс. — Просто, это чересчур... необычно!

Мысли путались при размышлениях о Хранителе павильона, живущем в их дворце тайком от королевской семьи. Король знал об этом проходе — не мог не знать; разве лорд Брэдфорд не сказал именно так? Однако, возможно, что Король не ведал о Хранителе и его магии. Он использовал переход как чулан, в котором, вероятно, хранились старые сундуки и сломанная мебель. Он не мог знать о Хранителе с его темными пронизательными глазами и гладко собранным конским хвостом.

Нет, Король определенно не знал о мистере Хранителе.

Азалия не переставала спрашивать себя, что должно было произойти, чтобы выпустить Хранителя из стен дворца, чтобы даже превратить кладовую в сказочную страну, но, тем не менее, не освободить его самого от заклятия.

— Даже если бы мы захотели потанцевать, — удрученно сказала Ева, — то не смогли бы. У нас совсем нет бальной обуви.

Эти слова тотчас омрачили всеобщее возбуждение. Они не могут позволить себе танцевать босиком, не в присутствии мужчины, и они не могут танцевать в их старых тяжелых ботинках, иначе у них запутаются ноги. Словно прочитав их мысли, за завешенными окнами забарабанил дождь.

— На самом деле, — сказала Азалия, медленно помешивая ложкой кашу, — думаю, мы всё же смогли бы.

Она повела их на чердак в восточном крыле и, среди покрытых пылью сломанных игрушек, просачивающихся через ветхую крышу капель дождя и полуразвалившейся мебели, отперла некий сундук. До траура они ежедневно занимались танцами настолько усердно, что на их пуантах в тот же день изнашивались швы. У них даже был сапожник, приносящий каждое утро отремонтированную обувь во дворец. На этой роскоши настаивала Матушка, а Король неохотно потакал ей.

Им не позволяли танцевать с начала траура, но приготовленные для Рождества пуанты остались нетронутыми. Азалия достала из сундука сверток и, развернув его, показала одиннадцать пар балетных туфелек яркого цвета. Девочки ахнули.

Совершив примерку прямо на пыльном чердаке, сестры обрадовались, что тапочки им все еще впору. Немного тесновато, но тапочки никогда не натрут так как ботинки. Дельфиния изящно закружилась, поднимая облака пыли.

— Теперь я чувствую себя принцессой, — сказала она.

Тем вечером они собирались в суматохе восторга. Волосы — расчесать, заколоть и заплести; платья — застегнуть, зашнуровать, придать объем и разгладить. Из коробочки под кроватью Азалия достала засушенные цветы, и младшие сестры сияли от радости, когда старшие вставляли им в волосы хрупкие помятые лепестки и завязывали пуанты.

С платком и другими серебряными изделиями девочки, дрожа, прошли через волшебный водопад. Сегодня в серебряном лесу шел дождь, хотя вместо капель воды с неба падали жемчужины, отражая свет лампы. Азалия поймала одну рукой, и она, намочив перчатку как обычная дождевая капля, оставила, тем не менее, светлое перламутровое пятнышко.

Перед мостом Азалия поставила лампу и отодвинула ивовые ветви, открывая вид на мерцающий белый шатер. Девочки захлопали в ладоши и пошли вперед. Жемчужины падали в воду, тихо булькая.

Хранитель стоял у входа, резко выделяясь на серебристо-белом фоне. Он сделал настолько глубокий реверанс, что его колено коснулось земли.

— Вы пришли, — сказал он.

— Естественно, — произнесла Азалия, напроочь забыв, что у нее были сомнения.

— Добро пожаловать, сударыни, — выдохнул он.

Он указал рукой на танцевальную площадку. Визжа от восторга, девочки запрыгнули по ступенькам на мраморный пол. Улыбаясь, Азалия последовала за ними. Ее пуанты были настолько мягкими, что она почти чувствовала прожилки в мраморе. Сестры огляделись, подмечая расставленные по краям бархатные диваны без спинки для отдыха, стол с десертами, изобилующий шоколадом и булочками, и куполообразный потолок над ними.

Азалия повернулась к Хранителю, стоящему у входа. Сложив на груди руки, он не отводил от нее своих черных глаз. Она отвернула голову, чувствуя, как румянец покрывает кончики ее ушей.

— Искренне надеюсь, что сударыни получают наслаждение от этого танцевального вечера. Хранитель отступил на первую ступеньку у входа. Дельфиния издала возглас протеста.

— Вы уходите? — спросила она.

Мистер Хранитель улыбнулся. Даже его улыбки были лошённые.

— Я не танцую, — ответил он. — Я всего лишь Хранитель. Танцы я оставляю для тех, кто более талантлив, чем я.

Вокруг них толстой завесой полил жемчужный дождь. Белое покрывало скрыло стоящего у входа Хранителя. Когда ливень прекратился, и снова стало видно мост и розовые кусты, его уже там не было.

— Ух ты, — только и смогла произнести Холли. — Ух ты!

Румянец все еще обжигал Азалии лицо. Она повернулась к девочкам, улыбаясь, когда невидимый оркестр настроился и заиграл веселую мелодию.

— Шотландка! — воскликнула Азалия. — Помните? Матушка учила нас этому танцу меньше года назад! Вы вспомните! Становитесь.

Они взялись за руки, и Азалия показала движения. Шаг с прыжком, прыжок, касание, прыжок. Она учила их таким образом поворачиваться, и девочки схватывали все на лету. Даже двухлетняя Кейл в следующем танце, риле, делала па в такт.

Кадрили, польские горлицы, чешские вальсы и еще рилы. Прошло несколько часов, а девочки всё смеялись, когда Азалия вращала их в танце.

В этом была ее страсть. Чувствовать напряжение в мышцах при наклонах, затем расслабиться, закружиться, упасть, запыхавшись, и ощущать дуновение ветра на лице. И видеть безмерно счастливыми сестер, чьи бледные личики тронул румянец восторга. Это была магия.

Часы лорда Брэдфорда показывали далеко за час ночи, когда девочки наконец уселись вместе в центре танцевальной площадки, обессиленные, счастливые; их платья смотрелись как черные цветы на молочно-белом полу. Младшеньких сморил сон, и они свернулись калачиком на красных бархатных диванах, а Лилия, которая радостно визжала, когда сестры во время поворотов передавали ее друг другу, спала глубоким сном на подушке кресла. Ее юбки сбились набок, демонстрируя детские кружевные панталоны.

— Мои туфельки стоптаны, — сказала Дельфиния, выпрямляя ноги и указывая всем на свои проглядывающие через швы розовые пальчики.

— И мои, — заявила Холли. Она сидела, вытянув ноги, глядя на свои порванные маленькие зеленые танцевальные тапочки. За ней все девочки, смеясь и шевеля пальцами ног, выставили на обозрение истрёпанные пуанты.

— Значит, мы хорошо потрудились, — сказала Азалия, — если наши туфельки такие стоптанные. Это так... так Матушка всегда говорила.

Девочки притихли. Флора забарабанила ладошками по коленкам. Азалия посмотрела на потолок — над головой по дуге падали нити жемчуга.

— Я скучаю по ней, — прошептала Флора.

Злата кивнула. Брэмбл, сжав губы, уставилась на пол. Кловия, едва прикасаясь, водила пальцем по мраморным прожилкам.

— Когда... когда я танцую, — тихо произнесла она. — Я... я забываю обо всем... плохом.

— О том, что Матушки больше нет, — сказала вращавшая в руках очки Ева.

— О трауре, — добавила Дельфиния.

— И о Короле, — тихо произнесла Брэмбл.

— Я... я думаю только о хорошем. Это самое лучшее в т-танце.

— Тогда приходите еще.

Тихий звук вежливого голоса застал сестер врасплох.

— Мистер Хранитель. — Азалия вскочила на ноги. Девочки, разглаживая черные юбки, тоже поднялись. У входа с серьезным лицом стоял Хранитель, голос его звучал уверенно.

— Вы не можете танцевать наверху, — спокойно сказал он. — Несложно заметить, что у вас траур. Но вы всегда желанные гости здесь, среди магии. Прошу вас. Придите и излечите свои разбитые сердца здесь. Приходите каждый вечер.

Азалия даже не знала — плакать ей или смеяться.

ГЛАВА 9

На следующий день девочки принесли в корзине свои балетки на занятия, и после урока латинского Азалия учила их ремонтировать изношенные швы. Для этого требовалась более прочная игла и наперстки, и еще Азалия раньше справлялась только с обыденной починкой изысканных вещиц. Даже близнецам с их умелыми руками потребовалось несколько часов для того, чтобы как следует прошить пуанты. Это занятие всех расстроило, а Холли — в свои восемь лет бездумная и легкомысленная — швырнула свой наперсток через стол.

Хотя Азалия понимала их раздражительность, это вызывало у нее досаду. Они не могли воспользоваться услугами сапожника, даже тайно. В отсутствие Короля хозяйственный учет вел мистер Пудинг, и девочкам не следовало вызывать подозрений. Азалия старалась не унывать.

— Полагаю, мы сможем, приложив усилия, использовать их две или три недели, — сказала она, упаковывая в корзину последнюю пару балеток. — Если переплетем их более прочной тканью и будем аккуратны. А это не мало.

— Ох! Только две недели? — вздохнула Флора.

— А что если мы будем танцевать босиком? — спросила Холли.

— Боже мой, Холли, — сказала Азалия, поднимая брови и поворачиваясь к рыжеволосой покрытой веснушками девочке.

— Забыла, где ты родилась? — Брэмбл и Кловия хором вторили Азалии, выражая потрясение прикладыванием ладоней к воротничкам.

Все захихикали. Так всегда поговаривала Матушка. Холли, застенчиво улыбаясь, склонила голову.

— Я знаю, — сказала она. — Я забыла.

— И мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь и... и мистер Хранитель в особенности, увидел наши... наши лодыжки снова, — сказала Кловия, которая заново завязывала изящные банты на пуантах. — Кажется, его глаза подмечают абсолютно всё.

Азалия не могла не согласиться с этим, отчего защекотало в груди.

Невзирая на утомительную починку обуви, девочки тем вечером скакали от радости, когда Азалия помогала завязывать отремонтированные пуанты. Даже Лилия была в

восторге, пытаясь ухватить и засунуть в рот повязанные вокруг лодыжек сестер банты. Девочки проскользнули через переход прямо в серебряную магию, а их балетки яркими цветными проблесками выглядывали из-под черных юбок.

Когда они пришли, в шатре было темно, но мистер Хранитель их уже ждал. Он улыбнулся и поприветствовал их низким поклоном: "Сударыни". Минуя его, девочки поднялись по ступенькам на танцевальную площадку; однако Азалия задержалась и присела перед Хранителем в изящном реверансе.

— Благодарю вас, — произнесла она перед тем, как отправиться вслед за девочками. Когда она вновь взглянула на вход, мистер Хранитель уже исчез.

— Сбивает с толку то, как он уходит, — сказала Брэмбл.

В середине танцевального зала на полу кольцом стояли двенадцать чайных чашечек. В каждой оживленно мерцали свечи.

— Танец со свечами! — воскликнула Азалия, подхватив одну чашечку. Свеча зашипела, но не погасла. Улыбнувшись, старшая сестра поместила на голову каждой сестры по чашечке.

— Мы его целую вечность не танцевали, — сказала она. — С тех пор как заболела Матушка. Следите, чтобы чашки не упали. Плавность и равновесие — вот, что нужно в этом танце.

Азалия показала, как надо двигать ногами, чтобы при этом не подпрыгивала верхняя часть туловища. Подстроившись под них, невидимый оркестр играл только медленные песни, и к концу вечера, даже Айви и Жасмин удавалось делать па, не роняя свеч.

— И два, ноги вместе, и наклон. Очень хорошо! Поклонитесь вашему кавалеру.

Девочки склонились в реверансе. Их чашечки соскользнули с макушек и зазвенели об пол. Смеясь, Азалия вернула их обратно, и пламя свечей внутри вновь ожило.

— Реверансы в следующий раз, — заявила она.

— Азалия, — сказала Флора, когда все поставили чашки на стол с десертами. — Не могла бы ты показать нам реверанс из глубины души?

Повисло молчание. Азалия застыла в нерешительности.

— Ну давай, — произнесла Брэмбл с ухмылкой. — Они уже достаточно взрослые.

Азалия улыбнулась, сделала вдох и прикоснулась к стоящей впереди правой ноге. Она описала ею круг позади и затем медленно опустилась на правое колено. Удерживая равновесие, она выпрямилась, исчезая в облаке юбок, при этом вращая ногами, словно вырисовывая крендельки. Она склонила голову, практически до самого пола и вытянула вверх правую руку, а левую завела за спину. Девочки зааплодировали.

— Как красиво, — восхищенно сказала Флора.

— Вот теперь — это реверанс, — сказала Брэмбл, помогая Азалии подняться.

— Однако, он предназначен не для всех, — пояснила Азалия. — Его посвящают мужу или королевской особе. Например, королю.

Флора захихикала:

— Для тебя это будет одно и то же!

Азалия вновь улыбнулась, но на этот раз натянуто, и пока Брэмбл поддразнивала девочек, подстрекая их тренировать наклоны, она ускользнула к краю шатра. Облокотившись о перила, она с грустью смотрела на укутанное дымкой озеро.

Она ненавидела ощущение беспомощности. Оно скручивало ей внутренности и удушало размышлениями о том, как всю оставшуюся жизнь ей придется танцевать с мужчиной, который будет толкать ее и смеяться, когда она споткнется, или даже хуже — вовсе не

взглянет на нее. Азалия не знала, сможет ли вообще кому-либо подарить реверанс из глубины души, вкладывая в него сердце и душу, и от этой мысли ей становилось дурно.

Рядом с ней зашелестели вьющиеся плети розового куста, затем свернулись и переплелись через решетку. Бутоны раскрылись объемными серебряными цветами, в середине которых мерцали жемчужины.

— Они... прекрасны, мистер Хранитель, — сказала Азалия, справившись с удивлением.

Она обернулась и увидела его, беззвучного, словно полночь. Сердце Азалии забилося быстрее.

— Вы печальны, — произнес он тихим ласковым голосом. Азалия почувствовала, как по щеке расплзается теплая краска смущения.

— Нет, — возразила Азалия. — Всего нет.

— Как скажете, — спокойно сказал он. — Но я могу угадать, о чем вы думаете. Вы думаете о том, что, если бы родились после любой из ваших сестер, то, возможно, обстоятельства сложились бы для вас по-другому. Разве не так?

Тепло смущения сменилось холодом шока и возмущения.

— Нет... вовсе... я... — сбивчиво начала Азалия.

Хранитель взмахнул одетой в перчатку рукой.

— Конечно, — продолжал он, делая шаг в ее сторону. Он стоял теперь так близко, что Азалия должна была почувствовать исходящее от него тепло, но она ничего не почувствовала. — Если бы вы появились на свет после ваших сестер, то одной из них пришлось бы принять на себя определенные обязательства. А из того, что я о вас знаю, принцесса Азалия, вы готовы пойти на всё, лишь бы уберечь их от несчастья. Взгляните.

Азалия посмотрела на танцевальную площадку. Брэмбл усадила младшеньких на пол, тогда как она сама, Дельфиния и Ева прыгали через них. Младшие сестры громко визжали, когда края юбок задевали их лица. Послышался голос Брэмбл: "Не подпрыгивай, Айви! Ты — настоящая идиотка! Хочешь, чтобы тебе снесло голову?" Азалия сдержала смех, и неприятное чувство беспомощности ослабло. Немного.

— Когда-нибудь, сударыня, — произнес Хранитель, отходя в сторону и давая возможность Азалии присоединиться к сестрам, — я смею надеяться, что мне посчастливится увидеть ваш изысканный, неземной реверанс снова.

Следующим утром девочки опоздали и на завтрак, и на уроки. Спустившись в комнатку за кухней, они увидели на столе разложенную по тарелкам остывшую кашу и также их преподавателя учителя Рамсдена. Он сидел на своем привычном месте и, на поверку, похрапывая, спал, вертикально прислонившись к своей трости.

Спал долго. Никто не проявил милосердие и не разбудил его.

— Почему завтрак так рано? — простонала Брэмбл, положив голову на скатерть. — Почему уроки так рано?

Никто не ответил, вместо этого все сонно закивали. Четырехлетняя Жасмин калачиком свернулась на стуле, зарывая лицо в подол Азалии.

Однако, вечером того же дня после длительного ремонта танцевальных тапочек девочки, в волнительном предвкушении отошедшие ото сна, прошли серебряный лес. Мистер Хранитель, кланяясь, поприветствовал их у входа и исчез с едва заметной улыбкой. Азалия обрадовалась этому — с недавних пор она нервничала и чувствовала себя неловко в его присутствии.

Обнаружив предназначенные им двенадцать изящных кружевных вееров из шелка, девочки не могли подобрать слов, чтобы описать восхищение. Кловия, искусно владеющая веерами, научила сестер, как защелкивать их на запястье, как подбрасывать их

и ловить и как махать ими прямо возле носа: скромно и сдержанно. Девочки наградили ее ободряющими возгласами.

— У меня хорошо получается... потому что... потому что я стеснительная, — краснея, произнесла она.

Они вернулись через камин в свою комнату, вспоминая струившееся рябью плетеное кружево. Ночью следующего дня они изучали новые па вальса: как опускаться и подниматься в такт. Еще через день — джигу. И ночью после — моррисданс, используя серебристо-белые шелковые палочки с прикрепленными на лентах шариками.

Не хватает слов, чтобы описать эти теплые летние вечера танцев в павильоне. Эйфористические, очаровательные, восхитительные. Именно такие чувства испытывала Азалия, глядя на девочек, сияющих от радости, когда они осваивали новых па или учились балансировать на носочках или когда Азалия укрывала их перед сном — их щечки пылали румянцем, а с лиц не сходила улыбка.

— Иногда я просыпаюсь, — сказала Флора однажды утром, — и спрашиваю себя, правда ли всё это.

— Кажется, что все это снится, — сонно согласилась Злата.

Каждый день утро наступало слишком рано, и, с трудом удерживаясь на ногах, девочки одевались и, опаздывая, ковыляли к завтраку. Они ремонтировали балетки прямо там, за столом, или во второй половине дня в холодном погребе. С каждым днем танцевальные тапочки всё больше превращались в лохмотья, и Азалии приходилось обшивать их старыми скатертями, потому что шелк быстро изнашивался. Азалия понимала, что долго они не прослужат, но она была готова исколоть себе все пальцы, лишь бы они еще продержались. Ей необходимо погрузиться в серебряный лес, в танец, хотя бы еще на один вечер.

А еще она хотела вновь увидеть мистера Хранителя, хотя не осмелилась бы никому в этом признаться.

Он едва лишь перемолвился словом с ней или с другими девочками, ограничиваясь лишь приветствием, поклоном и пожеланием доброй ночи перед уходом, однако, ощущение его присутствия витало в воздухе. Когда Азалия кружилась, устремив взгляд в одну точку, а ее юбки вздымались волнами, она могла поклясться, что мельком видела темные глаза, наблюдающие через решетку или возле входа, но при следующем туре там были только бутоны роз. Плавные движения Хранителя завораживали, и, мучимая догадками, Азалия отчаянно желала посмотреть, как он танцует.

— Бедный мистер Пудинг, — сказала Ева однажды вечером в павильоне. По календарю шли первые дни августа. Протанцевав, пока пуанты не изорвались в клочья, они теперь сидели в кругу на полу, уставшие. Сегодня в шатре они обнаружили длинные узкие ленты и, размахивая ими, танцевали последние несколько часов.

— Утром он едва не заплакал, — продолжала Ева, — когда мы опоздали на завтрак и не стали его есть, потому что он остыл.

— Пёс с ним, с мистером Пудингом! — произнесла Дельфиния. Уставшая, она могла и позлословить. Азалия, напротив, помогла девочкам подняться, расталкивая уснувших малышей, и взяла на руки спящую Лилию.

— Мы слишком задерживаемся здесь. Нам следует быть внимательнее, — сказала она, запуская руку в карман юбки в поисках часов лорда Брэдфорда, чтобы узнать время. Азалия брала их с собой каждый вечер, периодически сверяясь, чтобы не пропустить час, когда пора уходить. Тем не менее, когда вокруг них вращался шатер, было очень легко совсем забыть о существовании времени. Азалия глубже засунула руку и нашла только наперсток.

— Брэмбл, ты не видела часы?

— Я? Нет, — зевнула в ответ Брэмбл.

— Кто-нибудь видел часы?

В ответ девочки только сонно моргали. Охваченная тревогой, Азалия обыскивала мраморный пол, надеясь, что часы выпали, когда она танцевала мазурку с лентами. Она не может вот так взять и потерять чужую вещь!

Азалия вновь обернулась, и на этот раз у входа непринужденно стояла темная фигура мистера Хранителя. Сложив руки в форме чашечки, он поднес к самому носу какой-то предмет. Закрыв глаза, словно пытаясь втянуть что-то, он глубоко вдохнул. Между его длинными темными пальцами Азалия уловила золотой отблеск.

— Мистер Хранитель! — испытывая облегчение, сказала она и зашагала к входу. — Вы нашли их!

Хранитель поспешно открыл пронизывающе черные глаза. Заметив Азалию, резкость в его взгляде потухла, а на лице заиграла улыбка. Он опустил руки. На его укрытых перчатками ладонях ютились часы, цепочка и брелок.

— Да, — вежливо произнес он. — Они со звоном прикатились сюда. Прошу меня извинить.

Азалия попыталась выхватить часы, но мужчина сомкнул пальцы и отступил.

— Мистер Хранитель...

— Какие прелестные часы, — тихо произнес он. — Они принадлежат вашему поклоннику?

У Азалии перехватило дыхание, сердце в бешеном ритме заколотилось под корсетом. Позади них неуловимый ветерок тронул листья на решетке.

— Не... моему..., — запинаясь, выпалила Азалия. — Мистер Хранитель, пожалуйста, не могли бы вы мне отдать...

Вытянув руку, Хранитель вложил ее ладонь в свою. Азалия остолбенела: казалось, прикосновение его сильных пальцев тронуло в самое сердце — это одновременно и вызывало трепет и пугало. Перевернув ее дрожащую кисть ладонью вверх, он положил туда часы с цепочкой и загнул ей пальцы, при этом еще некоторое время удерживая ее ручку в своих руках.

Затем, одним плавным движением, он освободил ее и распрощался с девочками — так быстро, что Азалия даже не могла вспомнить, как миновала мост. Она до такой степени зажала в руке часы, что сквозь перчатку на ее ладони отпечатались золотые орнаментальные завитки.

Несколько часов спустя, когда ее сердцебиение вернулось в нормальный ритм, и Азалия не заливалась краской, вспоминая, как руки мистера Хранителя держали ее ладонь, она установила лампу на круглый стол в их общей спальне, достала газету из-под своей кровати и, сидя на пуфике, рассматривала часы и читала новости.

Всех девочек взволновало известие о том, что в прошлом месяце в Делчестрийской войне состоялось два сражения. Между уроками и трапезами, а теперь еще и починкой обуви и сном, Азалия вслух читала сестрам "Вестник", отчего на их лицах застывала тревога. Потом Азалия заставляла рвать старые скатерти и сворачивать лоскутья для ремонта пуант.

Тем не менее, последние несколько недель чтение газет сопровождалось восторженными возгласами. В колонке сплетен и слухов Леди Обри упомянули имя Азалии. Леди Обри освещала новости "Высшего Общества", которые в Исбери обычно сводились к рассуждениям, что леди Кавершем и министр Фейрвеллер составили бы прекрасную пару. Матушка никогда не одобряла такой подход, и Азалия тоже — теоретически. Став теперь объектом внимания, она не могла оставаться в стороне.

— Похоже, что леди Обри забросила Фейрвеллера, — съязвила Брэмбл, удерживая газету вне досягаемости Азалии. — Взгляни, кого она приписала тебе в женихи.

Азалии удалось выхватить газету из рук Брэмбл, и остальным девочкам пришлось читать из-за спины. Леди Обри писала об одном делчестрийце, имеющем в избытке земли и железные дороги, которому, однако, не повезло с фамилией — Хафтенравеншер. Она также заявила, что, с экономической точки зрения, это идеальный союз и взяла у потенциального кандидата интервью.

Лорд Хафтенравеншер заявил: "Я думаю, будет превосходно познакомиться с принцессами! Вот так, а вы слышали, что дворец волшебный? Должно быть превосходно там жить. Наши мамы хорошо дружили, давным-давно! Как сестры! Собственно говоря, было странно услышать плохую новость. Какое это требует хладнокровие. Вот так".

Далее статья продолжалась в таком же духе со множеством "вот так".

Дельфиния захихикала:

— Представь себе иметь такую фамилию! Азалия Хафтен-равен-что?

Закатив глаза, Брэмбл выхватила газету из рук Азалии.

— Не глупи, — сказала Брэмбл, сворачивая "Вестник" трубочкой и постукивая ею Дельфинию по голове. — Такой богач, как он, никогда не заинтересуется нами. Прочти статью. Мы для него просто развлечение.

Азалия, ощущая прилив тошноты, провела пальцами по своим длинным каштановым волосам. Конечно, Брэмбл права. Действительно, если одобряют союз между ней и лордом Хафтенравеншером, то последнему наверняка не понравится, что у нее ни гроша за душой. Это напоминало бесконечный танец с непредвиденными препятствиями.

Кроме того, Азалия хранила газету не из-за колонки леди Обри. На третьей странице, где перечислялись капитаны и расположение каждого полка, Азалия нашла имя лорда Брэдфорда, капитана Брэдфорда, и, хотя больше не давалось других подробностей, она, всматриваясь в напечатанные буквы, тербила бумагу до тех пор, пока подушечки пальцев не становились черными. Теперь же она рассматривала часы, изучая золотой орнаментальный рисунок.

Вашему поклоннику... Почему мистер Хранитель сделал такое предположение. Если бы кто-нибудь другой увидел часы, то подумал бы, что они принадлежат Королю. Как мистер Хранитель узнал, что они принадлежат другому мужчине, не её поклоннику, конечно, но всё же... Это... настораживало. Как и вспышка в его глазах перед тем, как он ее увидел...

Азалия, внезапно почувствовав защиту, зажала в руке карманные часы, которые хранила уже довольно давно. Она пообещала себе, что когда лорд Брэдфорд вернется с войны, она их обязательно вернет.

ГЛАВА 10

Конец лета принес теплые дожди, барабанившие за закрытыми занавесью окнами, и аромат сирени. Девочки уже освоили всё: от фигур в котильоне и исберийской кадрили до сложных танцевальных позиций и всевозможных галопов.

Как-то, в один из самых последних дней августа, когда девочки, спасаясь от жары, устроили в погребе, среди ящиков с картофелем, приятное чаепитие, Ева, едва переводя дыхание от волнения, ворвалась в дверь с газетой в руках.

— Смотрите, — с усилием произнесла она. — Смотрите!

Все посмотрели.

— Война! — воскликнула Азалия.

— Окончена! — разинув рот и в то же самое время улыбаясь, сказала Брэмбл.

— Окончена! — эхом вторили девочки.

— Победа!

— Ура!

Младшенькие подпрыгивали, исполняя подобие рила, и выкрикивали писклявыми возбужденными голосами: "Ура! Ура!"

Азалия изучала заголовки и статьи, сердце билось так быстро, что, казалось, взорвется. Состоялась решающая битва. Азалия внимательно прочла первую полосу, затем следующие страницы в поисках знакомых имен среди раненых.

— Есть те, кого мы знаем? — спросила Брэмбл. — Кто-нибудь... совсем нет?

— Нет, — ответила Азалия, с души свалился камень. — Нет.

Девочки облегченно выдохнули.

— Не то, чтобы мы за кого-то переживали, разумеется, — сказала Брэмбл.

— Разумеется, — подтвердила Дельфиния.

— То есть, я — определенно нет.

— И я.

— Война закончена!

В тот день газета столько раз переходила из рук в руки, что быстро потеряла первоначальный вид. Миссис Грейби испекла хлеб с корицей, лакомство, которое они позволяли себе только по праздникам, а мистер Пудинг расхаживал по замку, фальшиво напевая "Ура" хриплым голосом. "Вестник Геральд" даже выпустил экстрара выпуск на следующий день с подробностями о войне, и среди новостей на первой полосе сообщалось, что мистер Фейрвеллер ранен. Кловия, такая чувствительная, разрыдалась.

— Да он в порядке, — утешала Брэмбл. — Его так просто не убить. Понадобится чеснок и еще кол прямо в сердце.

Кловия продолжала плакать. И ничего с ней не поделать.

Окончание войны вдохнуло в Исбери новую жизнь. Мужчины приходили во дворец по Делах Королевской Важности и рассказывали мистеру Пудингу о войсках и кораблях в порту. Министр Фейрвеллер, прибыв с одними из первых, перешагнул порог замка солнечным утром в четверг.

Верный своей манере поведения, Фейрвеллер не поздоровался с девочками, а сразу зашагал в библиотеку — работать. К ужасу обитателей дворца, безоговорочно приковала всеобщее внимание его красная свежая рана на шее — от воротника до уха. Несмотря на повязку, наружу просочилась кроваво-красное пятно. Он вздрагивал при каждом повороте головы.

Кловия, заливаясь краской от негодования, ворвалась в библиотеку с горячим чайником имбирного чая и чашкой и со звоном поставила принесенное на рабочий стол Короля.

— Вы, — произнесла она. — Вы... вы... вы... вы выпейте это! Немедленно!

Кловия крайне редко сердилась, оттого это зрелище и забавляло, и пугало. Фейрвеллер оторвался от бумаг и удивленно воззрился на нее, что разгневало Кловию еще больше.

— Три чашки, — наливая чай, повелела она и резко всунула ему чашку в руки. — Три чашки, не меньше! Вас осматривал врач? Ну? Пейте!

Фейрвеллер выпил.

Азалия догадывалась, что он, одиноко проживая в особняке, обставленном в строгом стиле, не привык к приказаниям. Кловия, поджав губы и сложив руки на груди, наблюдала, как Фейрвеллер смиренно маленькими глотками пил чай. Выглядел он почти как испуганный школьник. В дверном проеме за происходящим наблюдали девочки.

— Министр, а Король скоро придет домой? — спросила Флора, осмелившись задать вопрос первой. Она подняла палец как на уроках.

— Должен вернуться в течение трех недель, — нюхая чай, Фейрвеллер поёжился. — Он остался, чтобы осмотреть войска. Если бы вы писали ему, то уже бы знали.

Девочки вспыхнули от возмущения.

— Это мы-то ему не писали? — рассердилась Брэмбл, ее уши горели. — Это он не писал нам!

— Пожалуй, — Фейрвеллер отпил крепко заваренный чай. — Скучной вашу семью не назовешь.

Оказалось, что прибыл не только Фейрвеллер. Несколько дней спустя, среди взволнованных сменяющих одного за другим посетителей, приходящих по Делам Королевской Важности, Азалия услышала гул. Направившись на звук, она обнаружила в портретной галерее худощавого высокого молодого человека. Засунув руки в карманы, он подпрыгивал на носочках.

Портретная галерея являла собой длинный холл с окнами на одной стороне и портретами на другой и предназначалась для гостей и посетителей. У стен стояли диваны, обитые настолько тонкой тканью, что стоило чихнуть с десяти шагов, как они покрывались пятнами, Девочкам не разрешали их даже трогать. Посередине помещения бархатные канаты огораживали установленные на подставках стеклянные футляры с государственными документами, рядом с которыми стоял незнакомец. Завидев Азалию, он обрадовался.

— О, здорово! — сказал он с сильным делчестрийским акцентом. — Здорово, говорю!

— Здо... то есть, здравствуйте, — произнесла Азалия. Он напомнил ей длинную эластичную ириску, одетую в клетчатый камзол. Ее взгляд приковал неприятно зеленый галстук-бабочка.

— Вы, собственно говоря, принцессы? — просиял он, когда за спиной Азалии появились Кловия, Дельфиния и младшенькие. — Я много слышал о вас! Замечательно, что я вас встретил, просто замечательно! — широкими шагами он подошел к Азалии, схватил ее за руку и энергично пожал ее, будто мужчине.

Хихикая и прикрывая рот ладонями, младшие сестры начали перешептываться друг с другом. Азалия выдавила из себя улыбку и выдернула руку, чувствуя себя слегка лишенной женских привилегий.

В дверях галереи появилась Брэмбл, ее щеки горели румянцем, а губы изогнулись в кривой ухмылке. Несколько шпилек выпали из ярко рыжих волос, придавая прическе немного взъерошенный вид. Брэмбл пыталась заколоть прядь обратно.

Как только джентльмен ее увидел, улыбка сползла с его лица.

— Так вот так... — начал он.

Ухмылка Брэмбл исчезла, когда она заметила долговязого парня.

— Кто вы, черт побери, такой? — выругалась она.

— Э-э, лорд Тедди, — ответил он, сминая пальцами край шляпы. — Э-э, наши мамы были приятельницами. Они вместе рисовали акварелью. Давным давно. Они были как сестры. Значит, это, ну, делает нас, э-э, кузенами. Э-э. Вот только, мы конечно, не родственники.

Брэмбл сузила глаза.

— А, так вы и есть лорд Хафтенравеншер, — произнесла она.

Лорд Тедди радостно улыбнулся.

— О, браво, — сказал он. — Вы правильно произнесли. Почти все зовут меня лорд Тедди, Хафтенравеншер так сложно выговорить, я понимаю. Поэтому и вы можете называть меня лорд Тедди. Прямо соскакивает с языка. Тедди Тедди! Хохма.

— Нам не подходит принимать гостей во время траура, — заметила Брэмбл. — Особенно тех, кто пришел сюда веселиться.

Она сказала это таким ледяным тоном, что с лица лорда Тедди тут же соскользнула улыбка. Однако, мгновение спустя он вновь улыбнулся и подпрыгнул.

— Ой, а я и не гость! — оправдывался он. — Исключительно КВ Дела, и, значит, вот он я! Ха! Рифма. А это, собственно говоря, ваша мама?

Он махнул шляпой в сторону Матушкиного портрета на стене. Вентуорты владели одним единственным ее изображением, нарисованным в ту пору, когда Азалия была ребенком. Семье не хватало денег на именитого художника, и портрет получил лишь некоторое сходство с Матушкой, увидеть которое можно прищурившись и наклонив голову. Всё остальное: каждую деталь гардероба, украшения, расческу для волос — заперли в сундуках и закрыли в комнате Матушки.

Лорд Тедди, немного прищурился, разглядывал портрет.

— Типа, похоже, — заключил он. — Но не хватает ее энергии. Света. В глазах.

Азалия удивленно наклонила голову. Девочки быстро обменялись взглядами.

— Вы ее знали? — спросила Ева.

— О, сладкие кексики, — провозгласил он, снова подскакивая вверх-вниз. — Все знали вашу маму. Я познакомился с ней до того, как она переметнулась в Исбери! Встретил ее на балу у Матушки. Она, между прочим, научила меня танцевать Сплетение. Мне было пять лет.

— Пять? — воскликнула Холии, повиснув у него на руке. — Вы не достигли нужного возраста, а вас уже пускали на бал?

— А то! Собственно говоря, это лучший способ научиться танцевать!

Младшие сестры, в изумлении приплясывая, столпились вокруг лорда Тедди. Азалия мысленно застонала, представляя какой головной болью обернется для нее объяснение, почему девочек не допустят на бал, пока им не исполнится пятнадцать.

Лорд Тедди отзывался на внимание, рывки за пиджак и докучливые вопросы со скромной ухмылкой знающего человека.

— Ну, — он немного стыдливо пригнул голову и снял со стены потрет. — Кажется, мне давно пора. А то экипаж всё-таки уедет без меня. Если, это самое, вы не собирались... пригласить меня на ужин или еще куда-нибудь.

— Конечно, оставайтесь на ужин! — зачирикали младшенькие.

— Что вы делаете с портретом Матушки? — настороженно спросила Брэмбл.

Заливаясь краской от смущения, лорд Тедди перевел взгляд от портрета у него под мышкой на Брэмбл, затем опять на портрет.

— Э-э, — замялся он. — Ничего.

— Вы его уносите! — глаза Брэмбл вспыхнули ярким пламенем. Азалия знала этот взгляд. Она схватила Брэмбл за руку в надежде оттащить ее до того, как та успеет наговорить гадостей.

— Нет, вы не поняли... — Лорд Тедди пятился назад, прикрываясь портретом как щитом.

— То есть... ну, да, уношу, но... смотрите, мне разрешили!

Не выпуская из рук картину, он извлек из пиджака сложенную записку. Брэмбл тут же выхватила ее и прочла. Тонкие медного оттенка брови Брэмбл выгнулись в изумлении.

— Нет, — прошептала она. — Он не посмел бы...

Азалия взяла смятую записку и увидела официальный почерк Короля. Послание было адресовано мистеру Пудингу. Немногословное. Распоряжение о том, что этот джентльмен заберет Матушкин портрет.

На этом всё.

Сквозь туман негодования и разочарования, Азалию осенило, что такой поступок весьма очевиден. Все, что имело отношение к Матушке давно спрятали, и лишь вопрос времени отделял портрет от подобной участи. Возможно, им даже посчастливится, если его пожелает купить какой-нибудь богач.

— Так вы и в самом деле его заберете! — глаза Брэмбл сверкнули. Она сжала кулаки и повернулась к обидчику. — Всё Матушкино заперто, у нас ничего не осталось! Как посмели вы прийти сюда... и...так поступить? У вас нет сердца!

Лорд Тедди съёжился.

— Пока-пока, — выпалил он и заспешил прочь.

Брэмбл кинулась за ним вдогонку, шурша объемными черными юбками и кринолинами. Девочки ринулись вслед. Они еще не добежали до мезонина, а длинные ноги лорда Тедди уже выносили его наружу через входную дверь. Уронив шляпу, он на полной скорости влетел в ожидающий экипаж, и карета, разбрызгивая щебень, отправилась прочь.

Его голова высунулась в заднее оконце в тот самый миг, когда Брэмбл швырнула его шелковую шляпу на землю и принялась каблуком втаптывать ее в гравий.

Тем вечером девочки не танцевали. Они сидели в павильоне кружком и тихо переговаривались. Почему-то шепот смягчал горе. Невидимый оркестр играл для них нежные, спокойные мелодии.

— Знаю, он совсем на нее не похож, — глухо отозвалась Брэмбл. Ее злоба вылилась в усталость. — Не могу поверить, что его так просто взяли и забрали. Не могу поверить, что Король позволил кому-то его забрать.

— А я могу, — буркнула Дельфиния, пряча оторванную ленту в залатанный тапочек. — Если честно, поступки Короля меня уже не удивляют.

— А что дальше? — спросила Ева. — С Королем.

Наступила гробовая тишина, даже казалось, что доносится шёпот тумана.

— Ничего, — наконец ответила Азалия. — Он опять будет сидеть в библиотеке. Ничего не изменится.

— Так же как при Матушке? — Флора и Злата посмотрели на Азалию с огоньком надежды в глазах.

— Нет, — проронила Азалия, чувствуя в горле острый ком. — Эй, мы же пообещали не обсуждать Короля.

— Мы не можем... просто притворяться... будто... будто он мертв, — произнесла Кловия.

— А почему бы и нет? — поинтересовалась Брэмбл. — Вернее, всё сложилось бы иначе, правда? Если бы не Матушка, а он...

Она внезапно умолкла, ее лицо побагровело.

— Я не так хотела сказать, — оправдывалась она. — Честно.

— В этом есть доля истины, — вставила Дельфиния. — Разве вы не помните, как было обидно, когда он ни разу не присоединился к ужину? И как было больно, когда он сказал...

— Хватит! — прервала ее Азалия, вскакивая на ноги. — Хватит, перестаньте! Мы об этом не говорим!

Азалия мерила шагами пол, крепко, до дрожи, стискивая пальцы в кулаки. Даже через перчатки, ногти врезались в ладони, и, приветствуя мучение, Азалия сжала руки еще сильнее. Сильная боль снаружи немного облегчала страдания внутри.

Девочки, плотно сжав губы, пристально смотрели на Азалию. Обычно Азалия обуздывала гнев, но сейчас глаза ее горели, а юбки со свистом рассекали воздух.

— Ты же знаешь, что он узнает от этом, — донесся снизу голос Дельфинии. — О павильоне. О ночных танцах.

— Нет, — прошипела Азалия. — Не узнает. Это не его дело. Кроме павильона у нас сейчас нет ничего, и я не позволю Королю отнять его!

Жестокие слова обжигали воздух.

— Холли разболтает, — тихо сказала Дельфиния. — Сама знаешь.

— Не разболтаю!

— Давайте пообещаем сохранить секрет, — робко предложила Флора, прижимаясь к Злате, когда Азалия шагала перед ней. — Мы со Златойжимаем руки в таких случаях.

— Этого недостаточно, — произнесла Азалия. — Надо придумать что-то, что мы не сможем нарушить, никогда!

Она круто развернулась и остановилась возле Жасмин, испуганно взиравшей голубыми глазами, и Айви вцепившейся пухлыми ручками в Кловию. Шатер окутала тишина, и до Азалии вдруг дошел смысл сказанного. Она сглотнула, пытаясь успокоиться.

— Простите, — начала Азалия, — я просто...

Чувствуя слезы на щеках, она достала из кармана платок, который замерцал в сиянии павильона. Азалию всегда ошеломяло легкое покалывание при виде платка и ее осенило. Размышляя, она сложила его в руках.

Сработает ли?

— Однажды, я дала обещание, — проговорила Азалия. — И еще не нарушила.

С усилием, она поведала о том, что произошло в комнате Матушки праздничным вечером. Но только не о том, какие руки Матушки были холодные, а губы — белые, а о данном ею слове.

— Это каким-то образом работает, — заключила Азалия. — Когда я смотрю на платок, то всегда вспоминаю обещание.

Девочки приоткрыли рты. Брэмбл подняла подбородок.

— Идёт! — сказала она. — Если Матушка так делала, то и нам тоже можно.

Размера платка хватило, чтобы все смогли прикоснуться — как раз. Азалия произнесла обещание. Никому не рассказывать, никому не показывать и никому не сообщать о переходе, павильоне и Хранителе. Тем более Королю.

В тот миг, когда девочки повторили последнее слово, Азалия почувствовала загадочное покалывание. От талии оно разлилось по всему телу и оставило на руках мурашки.

Сестры сразу отпустили платок. Ева растирала ладони, словно в них что-то было, а Кловия лишь переводила взгляд с пальцев на платок и обратно.

— Что это было? — ошолбенела Брэмбл.

Азалия содрогнулась, когда дрожь рассеялась.

— Не знаю, — отозвалась она.

— Думаю, — промолвила Кловия, — это... обещание нам лучше не нарушать.

ГЛАВА 11

Несколько дней спустя Азалия увидела странный сон. Не тот, что с Матушкой. А лишь ряд сменяющихся картинок, когда уже понимаешь, что спишь, но слабость не дает полностью проснуться. Снег. Она с сестрами танцует, прыгая и вращаясь, а Брэмбл говорит о маринованных абрикосах.

Действие переносится в их спальню: скрип двери, звук тяжелых шагов. На Брэмбл внезапно оказались ботинки. Все смеются над тем, как она топает у двери возле кровати Жасмин и Кловии, затем останавливается и идет к следующей кровати.

— Мне разбудить их, сударь?

Голос мистера Пудинга зазвучал в дверном проеме — он тоже попал в сон.

— Ни в коем случае. Пусть спят.

Теперь уже обут в ботинки был Король, а не Брэмбл. А сестры не танцевали, а спали в своих постелях. Азалия шелохнулась.

Ей снилось, что Король подходил к каждой кровати и отодвигал завесу, чтобы посмотреть на девочек. Он приблизился к ней, и она почувствовала яркий свет лампы на лице. Король прочистил горло.

— Сударь? — отозвался мистер Пудинг.

— Ничего. Только, они... так выросли.

— Так и есть.

Снова звуки шагов, затихшие на этот раз возле детской кроватки Лилии у двери.

— Лилия, — произнес Король.

Последовала такое долгое молчание, что по комнате запрыгали эльфы, которые исчезли, когда вновь послышались шаги и со скрипом закрылась дверь. На мгновение Азалия погрузилась в сновидение о танцах в павильоне, но сознание взывало к ней.

Король. Король здесь... здесь... его голос... звучал так явно. У Азалии необъяснимо мелькнула мысль, что это действительно явь. Вовсе не сон... постойте, а это и не было сном!

Вскакивая с постели, Азалия испуганно вскрикнула.

Уже утро. Девочки столпились у окна, выходящего на главный двор. Упираясь коленками на банкетку, обложенную подушками, они выглядывали в узкую щель возле края портьеры. Азалия потеряла больное плечо и присоединилась к сестрам. При виде Короля у Азалии сдавило горло.

В угнетающей тишине девочки, не проронив ни слова, глазели в окно. Король развернул Диккенса, и Азалия заметила, что его левая рука перевязана.

— Он ранен! — взволнованно прошептала она. — Об этом не писали в газетах!

— Да. — Брэмбл побледнела. — Наверно, он не хотел создавать шумиху. Как он управляется с поводьями? Это же больно.

— Мне стлашно, — прошептала Жасмин. В свои четыре она крайне мало говорила. Редко выпадал случай услышать ее звонкий голосок.

— И мне, — призналась Азалия и плотно закрыла шторы.

Расчесанные, заплетенные и выкупанные девочки, кроме близнецов, спустились к завтраку. После поздних танцев Злате было трудно просыпаться, а Флора всегда оставалась с ней, уговаривая собраться. Азалия пообещала приберечь для них порцию каши.

Однако, когда сестры подошли к раздвижным дверям комнатки за кухней, послышался всеобщий возглас восторга. На столе их ждали кувшинчики со сливками и хлеб с корицей. Стояли даже три чаши с вареньем и сахаром.

Тем не менее увидев стоящего во главе стола Короля, девочки подавили радостный крик. Он смотрел на эркер, словно его не застилали черные портьеры. Азалия поняла, что к ней бессознательно придвигаются сестры. Даже Лилия схватила Азалию за воротник.

— Вы опоздали, — сказал Король и повернулся к ним.

Азалия вздрогнула.

Много воды утекло с тех пор, как она видела его в последний раз. В светлые волосы и коротко подстриженную бороду вкрались белые прожилки, а черты лица заострились. Но

тем не менее, он держался ровно и уверенно, подобно королям в книгах по истории. Девочки замерли в ожидании.

— Прошу, присаживайтесь, — пригласил Король. — Так не годится, уже половина девятого! Не по правилам. Хлеб почти остыл.

Сестры по-прежнему стояли не шелохнувшись. Плотно сжатые губы Брэмбл превратились в тонюсенькую линию. Азалия так крепко вцепилась в Лилию, что малышка захныкала. Руки старшей сестры безудержно тряслись — частично от волнения, но главным образом из-за нарастания обжигающего негодования внутри.

— Приносим свои извинения за опоздание, — голос Азалии прозвучал ровно и спокойно, и это придало ей мужество. — Ваш корабль прибыл ночью?

— Именно так, — ответил Король, усаживаясь во главе стола и жестом указывая девочкам на стулья. — Я решил, что сегодня каша неуместна. Давайте же. — Он взял со стола нарезной батон с корицей и принялся разламывать его, складывая кусочки в тарелку. Из-за перевязанной руки для такого простого действия требовались усилия.

— К-кажется, ему больно, — наклоняясь к Азалии, прошептала Кловия.

С другой стороны к ней прильнула Брэмбл:

— Что происходит? — шепотом спросила она.

— Не знаю, — также тихо отозвалась Азалия.

— М-может надо... надо спросить...

— Нет, — прошептала за спиной Дельфиния. — Пусть или рассказывает сам, или мы не хотим знать.

— Но...

Король угрюмо посмотрел на девочек в дверях. Неразборчивые отголоски шушуканья только рассердили его. Положив хлеб на стол, он произнес:

— Если вам есть что сказать, то будьте любезны говорите вслух. У нас в доме есть правила...

— Что с вашей рукой, сударь? — вызвалась Азалия.

Перешептывание затихло. Два нетронутых перевязью пальца Короля барабанили по батону. Помешкав, он ответил:

— Проткнуло штыком.

Девочки изумленно ахнули. Азалия беспокойно прижала Лили.

Сестры вновь принялись перешептываться, а Холли с жаром спросила: "Что такое штык? Скажите мне, кто-нибудь, что штык такое?"

— Сэр Джон вас осматривал? — поинтересовалась Азалия.

— Волноваться не о чем, — промолвил Король. — Займите места за столом, немедленно. Не желаю, чтобы вы надо мной стояли.

Девочки обратили взоры на Азалию, и она быстро кивнула. Обычно они усаживались за завтраком как голодающие сиротки. Однако в этот раз сестры неспешно расселись с противоположной стороны стола.

Королю явно не понравилось такое размещение — стулья рядом с ним пустовали.

— Где близнецы? — спросил он.

— Немного задерживаются. — Азалия передала Лилию Кловии. — Спустятся через минуту.

Король втянул щеки. От Азалии не укрылось, что ему требуются колоссальные усилия, чтобы не разразиться многословной лекцией.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Мы не будем начинать без них. Но завтра подобное отставание не допустимо. Мистер Пудинг доложил мне, что вы приходите на завтрак и занятия в половине десятого! В половине десятого, мисс Азалия! Он говорит, что вечером вы отходите ко сну в положенное время и все же... Вам есть что сказать по этому поводу?

Под столом Азалия сжала кулаки, ногти впились в ладони.

— Немного сложно уследить за временем без башни, — спокойно возразила она.

— В таком случае вы можете в любое момент осведомиться у меня. Я ношу часы.

— Чудесно, — пробормотала Брэмбл. — Именно это мне и надо, интересуясь, сколько же сейчас минут, каждый раз допекать Короля.

Азалия бросила на нее предостерегающий взгляд. Король вновь втянул щеки, помолчал и... сменил тему разговора.

— Мисс Айви, — изрек он. — Что вы держите в руках?

Сидевшая рядом с Азалией, Айви перевела взгляд с коленей на Короля, а потом на Азалию, затем опять на Короля и обратно на предмет в ее пухлых ручках — обкусанный ломтик хлеба. Она ничего не ответила, потому что рот ее был полон, а в глазах застыли слезы.

— Ох, ну позвольте ей поесть, — вступилась Азалия, обнимая Айви и не давая Королю продолжить нотацию. — Это ее любимое блюдо.

— В нашем доме есть правила, — возразил Король, хотя и без суровости. — Мы кушаем всей семьей.

После этих слов самообладание Азалии, до сих пор умело сохраняемое, дало трещину и разразилось животным гневом. Даже зашипало в глазах.

— Безусловно, — произнесла она. — Вам, конечно же, много известно об этом. — Она со стуком положила ложку рядом с тарелкой. — Если ваше мнение не изменилось, сударь, то я предпочла бы позавтракать в комнате.

Мир остановился. Ева перестала шаркать ногами по полу, Холли — дергать скатерть, Кловия — приглаживать темные кудряшки Лилии — все замерли и во все глаза смотрели на Азалию.

Король помрачнел. Хмурясь, он обвел взглядом праздничный стол, затем девочек. Ему явно не нравилось, какой завтрак принимает оборот.

— Хорошо, — сказал он. — Как пожелаете. Вы также можете попить чай и поужинать у себя в комнате, раз уж вы склоняетесь кушать там.

— Превосходно, — решительно отозвалась Азалия. Злость всепоглощающим пламенем прорывалась наружу. — Я бы даже предпочла всю следующую неделю есть в спальне.

— Зачем же этим ограничиваться? Если вы так привержены к приемам пищи вне стола, вы имеете право до конца жизни трапезничать в вашей комнате.

— Превосходно, — вновь произнесла Азалия.

— Превосходно, — вторил ей Король.

Нельзя сказать, что Король и Азалия впились друг в друга свирепыми взглядами, но от напряженности в их глазах казалось, что вот-вот запахнет паленым. В конце концов, разжимая пульсирующие от боли ладони, Азалия отступила. Поднявшись, она принялась собирать хлеб и укладывать тарелки одну в другую.

Эхом разлетаясь по комнатке, из холла донеслись звуки легкой поступи и веселых голосочков.

— ...но я в самом деле ума не приложу, как они прослужат хотя бы еще день, — прозвучал голос Флоры. — Взгляни на эту дыру!

Кровь отхлынула от лица Азалии, когда в дверях появились Флора и Злата. Они сияли от радости...

... и несли корзину с пуантами. В руках Флора держала маленький зеленый тапочек Холли.

Войдя в комнатку, они оцепенели.

Злата громко ойкнула.

Взгляд Короля упал на близняшек, потом на корзину с беспорядочной кучей танцевальной обуви. Его брови поползли на лоб.

— Бежим, — бросила Брэмбл.

Девочки бросились врассыпную.

В суматохе перевернутых стульев и шуршащих кринолинов сестры выскочили в холл. Пытаясь догнать их, Азалия побежала за ними. Холли понеслась в кухню, Дельфиния — в сторону коридора, Ева, хлопая черными юбками, — вверх по служебной лестнице. Бледная, как призрак, и готовая расплакаться Кловия, вцепилась в Лилию и совсем не двигалась. Азалия гналась за близнецами, метнувшимися в прихожую, Брэмбл на бегу выхватила у них пуанты.

— Не бойтесь, цыплятки! — воскликнула Брэмбл, забрасывая корзину на изгиб локтя. — Спрячьтесь пока в галерее, под экспонатом с северной стороны. Я приду за вами через минуту. Если я не вернусь... отпусти меня!

Последние слова предназначались Азалии, поймавшей ее руку.

— Ты спятила? — спросила Азалия. — Теперь он наверняка поймет, что мы что-то скрываем!

— Какая разница? — выдергивая руку, огрызнулась Брэмбл. — Не выношу его!

Запястье Азалии схватила твердая ладонь.

— В оранжерею, барышни, — повелел Король. — Немедленно.

Брэмбл вырвалась, сжимая корзину двумя руками. Она отскочила по дуге к стойке перил винтовой лестницы и бросилась вверх по ступенькам.

— Мисс Брэмбл! — окликнул Король.

— Долой тиранию! — закричала Брэмбл. — Аристократию! Автократию! Монократию! И прочие "кратии"! Вы в меньшинстве, сударь! Сдавайтесь!

Втянув щеки, Король не стал преследовать Брэмбл, вместо этого он по-военному сопровождал Азалию и всхлипывающих двойняшек в оранжерею — так Король называл комнатку за кухней. Кловия, Лилия и остальные, кроме Брэмбл, заламывая руки, выстроились в линию вдоль розовых кустов, щеки их пылали, глаза смотрели в пол.

Король вышел, а несколько минут спустя из кухни раздался громкий треск, сопровождаемый звоном падающих ложек, затем стуком крышки от кастрюли и наконец продолжительным глухим рокотом.

В то же мгновение появился Король, крепко сжимая Брэмбл за плечо, в другой руке он держал корзину. На его щеке красовался след от удара размером с ложку. Брэмбл сплющила губы в столь тонкую линию, что Азалия даже не смогла их разглядеть.

Король закрыл раздвижные стеклянные двери и поставил корзину на стол. На близняшек напала икота, пока Король оценивал содержимое: изорванные, сваленные в кучу, до неузнаваемости залатанные обноски. Он поднял некогда красный тапочек, от которого наглядно отвалилась лента.

— Что ж, — произнес он после затяжного молчания. — Что ж.

Опустив находку, он втянул щеки и сцепил за спиной руки. Он вдохнул, чтобы что-то сказать, потом выдохнул, взял из корзины мягкую туфельку и положил обратно.

— Я искренне разочарован во всех вас, — тихо сказал он. — Искренне разочарован.

Никто из девочек не посмел посмотреть ему в глаза. Ева отщипнула листик с увядшего розового куста и растирая его между пальцами, почти превратила в пыль, а Айви даже не пыталась доесть ломоть коричневого хлеба, который она прихватила со стола.

— Прошу вас не сердитесь на них, — промолвила Азалия. — Это прежде всего моя вина.

Король вздохнул.

— И я подозреваю, что вы использовали все пары обуви каждую ночь. Так, мисс Азалия? Безрассудство, — он скрестил руки на груди. — Так вот почему вы опаздываете повсюду. Танцевать по ночам, во время траура, когда это строго запрещено. Вам прекрасно известно, что это непозволительно!

— Никто не слышит нас, — сказала восьмилетняя Холли, обвивая завязочки своего фартука вокруг тоненького запястья. — Ни единого звука.

— Да, я полагаю, что вас, вероятно, не слышно, — согласился Король. — Если бы в вашей спальне было достаточно места для танцев, а это не так, то вне всякого сомнения стоял бы невообразимый гам, разве нет? Итак. Если же шума не слышно, то где же вам танцевать еще? А? В этом доме нет тайн и закулисной возни, барышни. Если вы утаиваете секрет, то я должен быть немедленно проинформирован.

Азалия всем телом почувствовала необычно резкое и холодное покалывание. Она поежилась, когда колючая волна докатилась до кончиков пальцев, и взглянула на сестер. Ева дрыгала рукой, словно, пытаясь стряхнуть мурашки. Холли вытирала ладони о юбку. Брэмбл устремила взор на Азалию, изогнув тонкую бровь. Очевидно, что с ними произошло то же самое.

— Мы... не можем рассказать вам, — пролепетала Флора.

— Мы пообещали, — Злата прижалась к розовым кустам, словно желая провалиться сквозь землю.

— На серебряном платке Залии, — добавила Холли.

Враждебное выражение лица Короля сменилось на ошарашенное. Он повернулся к Холли — брови нахмурены, глаза бегают.

— Вы дали клятву? — произнес он. — На серебре?

Багровый румянец Холли даже спрятал веснушки.

— Мы пообещали не говорить Королю, — промямлила она.

Король отшатнулся, прижимая руки к столу за спиной. Если при этом его перевязанной руке и было больно, то вида он не показал. Лишь только впился в Азалию льдисто-голубым взглядом. Азалия не смогла его истолковать.

— То, что вы сделали, — в конце концов произнес он, — называется Клятвой на серебре. Это очень сильная клятва. Где вы о таком узнали?

Азалия зажала платок в кулаке, так крепко, что инициалы Матушки отпечатались на ладони.

Клятва на серебре.

Матушка заставила ее дать Клятву на серебре. Азалия не знала что это, но если Матушка так поступила, то это не может означать ничего плохого. Прикусив губу, Азалия зажмурилась, не в силах вынести леденящий взор. Она никогда не расскажет Королю о Матушке, о ее холодных руках и об обстоятельствах данного ей обещания.

— Очень хорошо, — сказал Король, видя, что Азалия не собирается открывать глаза. — Очень хорошо, — он взял со стола корзину с пуантами.

— Это отправится в печь...

Дельфиния охнула, и послышался звук падающего тела.

— ... а вы проведете остаток дня в своей комнате, размышляя о значении траура, — продолжил Король, перешагивая через лежащую на полу Дельфинию. — Тотчас же. Хлеб вам с собой брать не дозволено.

ГЛАВА 12

Тем вечером девочки подперли стулом дверь и в жестких, натирающих ботинках проскользнули через ледяной серебряный переход, затем вниз по ступенькам, через лес и — к павильону. Каблочки всю дорогу постукивали — цок-цок. Мистер Хранитель встретил их у входа, кланяясь, как обычно. Увидев обувь сестер, он вздернул бровь и устремил взор темных глаз на Азалию. Оценив ее стиснутые зубы, решительное выражение лица и прямую спину, он попятился и перед уходом снова поклонился.

Сначала танцевали эсперальдо, и Азалия, стараясь приободрить, учила девочек громко топтать в ритм, шаркать подошвами в такт, и стуком ботинок акцентировать особенности мелодии.

Немного погодя, из-за непрерывного натирания грубой обуви девочки потеряли желание танцевать. Под конец сестры с трудом ходили. Прихрамывая, они отправились обратно через серебряный лес, вверх по винтовой лестнице и через переход в свою спальню. Азалия вылила в тазики горячую воду из чайника, и девочки, позёвывая, отмачивали в них красные опухшие ножки.

— У нас получилось, — торжествовала Дельфиния, вздернув подбородок. — Король думает, что способен запретить нам танцевать, но не тут-то было.

— О, да, — произнесла Брэмбл. Взглянув на покрасневшие ноги сестер, она поморщилась. — Поделом ему.

Следующим утром, обуваясь, младшенькие непрерывно жаловались, а старшие сестры лишь крепко стискивали зубы. Правая нога Азалии, плясавшей накануне из-за простого упрямства усерднее всех, сильно пульсировала при каждом шаге. К счастью, Король отъехал по Д.К.В. — распускать войска — и девочки не видели его целый день и тем самым избежали нотаций по поводу нанесенных себе травм.

Вечером того же дня, поужинав в спальне рыбой в горшочках и печеньем, сестры, цокая каблочками спустились в павильон, на этот раз заметно медленнее. Танцевать не хотелось, но их это не остановило. Движения выходили нескладными, баланс удерживать не получалось. К третьему танцу малышки заныли и, усевшись на диванчики, принялись за булочки с кремом. Азалия пробовала уговорить их на простую кадрили, но всё тщетно.

Посему, она танцевала сама. Из-за жесткой подошвы вращения удавались быстрее, а девочки всю подбадривали старшую сестру. Чрезмерный задор плохо кончился — она потеряла равновесие и вывихнула лодыжку. Сестры немедленно оказались подле нее, помогая встать, хотя Азалия уверяла, что этого не требуется. Аккуратно выпрямившись, она повернулась ко входу и осознала, что мистер Хранитель видел падение — щеки девушки обдало жаром. Темные глаза словно впитывали ее, но он не двинулся — сестры перегораживали путь. Азалия всем телом ощутила странный приступ смятения и ликования.

— Полагаю, сударыням пора спать, — произнес он шоколадным голосом, наблюдая как Азалия, с помощью Брэмбл, прихрамывает к выходу, и следом за ними волокутся остальные.

— Спасибо, мистер Хранитель, — поблагодарила Азалия, не сомневаясь, что лицо ее пылало малиновым. Между пальцами ног она ощущала вязкую струйку крови. — Даже не знаю, как отплатить вам за вашу гостеприимность.

Губы Хранителя тронула неуловимая ухмылка.

— Уверен, я что-нибудь придумаю.

Утро следующего дня началось с переполоха — никто не желал обуваться. Азалия и упрашивала, и подначивала; в конечном счете девочки, оживленно гримасничая, зашнуровали ботинки. Больше всех возмущалась Холли, и Азалия поняла почему, когда вытряхнула из обуви малышки катушку с нитью, ложечку, монетку и три зеленые пуговицы. Поскольку ботинки передавались от сестры к сестре, младшим нередко приходилось набивать носочки тряпками.

— Боже, Холли, — вздохнула Азалия, запихивая свои чулки в ботинки Холли. — Так нельзя. Где твоя ветошь с прошлой недели?

— Патиляла в павилёни, — промямлила Холли. Цветом ее лицо напоминало редиску, почти в тон волосам. — Я сняла обувь и никого не было лядом, но я забыла всё велнуть.

Азалия вновь вздохнула. Холли без конца что-нибудь теряла.

— Ненавижу быть бедной, — пожаловалась Дельфиния, накладывая кашу из горшочка на круглом столе. — Иначе мы бы могли позволить себе собственную обувь, а не донашивать обноски за сотней старших сестер.

— Кстати, говоря о пропажах, нигде не могу найти свою иглу для вышивания. — Флора поджала губы, закончив одевать Лилию в черный отделанный оборками наряд. — А я ведь почти закончила узор.

— Очень странно, — произнесла Брэмбл, застегивая блузку. Она даже не взглянула на свою тарелку с кашей. — На прошлой неделе я посеяла кружевные перчатки.

— Право же, — удивилась Азалия. — Может и нам последовать примеру Короля и подписывать вещи, чтобы знать где что лежит.

Занятия начались позже. К тому времени учитель уже сладко спал за своим столом, а на партах лежали книги, учебники, грифельные доски и мелки. Азалия принялась шепотом вести урок. Не прошло и двух минут, как в раздвижных дверях показался Король с тарелкой овсяной каши в перевязанной руке, и кипой писем в здоровой. Он казался озадаченным, но оглядев присутствующих, остановился.

Его взгляду предстала интересная картина: учитель Рамзден дремал, не отпуская трость, а Азалия стояла перед партами и показывала надпись на дощечке SPONDEE, SPONDERE, SPONSUM.*

*(в переводе с латинского - обязаться, прим. перевод)

— Барышни, — поприветствовал их Король.

— Д-доброе утро, — запинаясь, произнесла Кловия. Остальные, не отводя взоров от испачканных мелом ладошек, лишь крепче вжались в стулья. Король нахмурился, но промолчал. Взамен, он опустил тарелку на стол и передал Азалии пачку писем.

— Мисс Азалия, сие адресовано вам.

Комнату сотрясли взволнованные шепотки, шелест юбок и звуки отодвигаемых стульев — все девочки ринулись к Азалии. Они разглядывали через плечо изящно обвязанные лентами письма с тисненными витиеватыми буквами, охая и ахая от восторга.

— Приглашения! — воскликнула Азалия.

— На балы и приёмы!

— О, Лия, как тебе повезло, что ты уже взрослая!

— Только помни, они приглашают тебя не потому что ты — это ты, а потому что тот, кто женится на тебе получит...

— Боже, Делфи! Форточку свою закрой!

— Вскрывай конверты!

— Зачем они их присылают? — спросила всегда рассудительная Ева. — У нас же траур.

— Вежливость обязывает, — разъяснила Азалия. — Когда Матушка болела, мы регулярно получали приглашения, хотя все знали, что она не придет. После обеда я научу вас, как учтиво написать отказ.

Азалия одну за другой взломала восковые печати. Она узнала имена гостей со Святков и нескольких друзей Матушки, все приглашали ее на предстоящие балы и прогулки, и даже просто потанцевать в гостиной. Она с радостью отметила, что в некоторых письмах настаивали прийти с "мисс Брэмбл", а в одном еще и взять с собой Кловию, хотя ей не было пятнадцати. Брэмбл ослабилась, едва ли не смущенно, а Кловия, лучезарно улыбаясь, приковала взгляд небесно-голубых глаз к скатерти. Азалия передавала приглашения по кругу, предоставляя сестрам возможность потрогать тиснения и понюхать надушенные листы.

— Траур ужасен! — пожаловалась Холли, потирая бугристую печать.

— Не имеет значения. — Дельфиния отдала благоухающее цветами приглашение. — Азалия выйдет замуж за Фейрвеллера.

Время замерло.

— Мы с Евой выяснили, — поспешно добавила Дельфиния, — что никто не хочет видеть королем иностранца. Фейрвеллер — исбериец, премьер-министр и к тому же богат.

Кровь отлила от лица Азалии. Мысли взбунтовались, и она представила блеклого Фейрвеллера, и как его похожие на лапы паука руки обхватывают ее за талию, и как он дышит ей в ухо. От отвращения она поперхнулась.

— Да вы что! — из-за неожиданной реплики Короля девочки вздрогнули. Сморщив лоб, он провел забинтованной рукой по выступающим кустам роз. — Никому из вас не придется вступать в отношения с теми, кто вам не нравится. Таково правило.

Рвотные позывы Азалии притупились, и она, не поднимая головы от грифельной дощечки, буркнула спасибо.

Далее Король обратился скорее к себе, нежели к дочерям:

— Всё дело в том, как вообще знакомиться с молодыми людьми во время траура? Хм.

Азалия сложила письма аккуратной стопкой. Айви, ковыляя, поднесла старшей сестре последнее приглашение. Король поднял взгляд.

— Айви, — произнес он. — Что случилось? Болит нога?

Айви побелела и в полном отчаянии посмотрела на Азалию.

— Я... я... я не знаю, — пропищала она.

— Подойди. Я посмотрю.

— Все хорошо, — вмешалась Азалия. — Садись, Айви.

Заметив, едва прикрываемые стулом, стопы Азалии, Король нахмурился еще сильнее. Она вдруг осознала, что приподнимает воспаленную ногу. Опустив ступню на пол, Азалия вздрогнула.

— Так, — протянул Король. Он зашагал к Айви, схватил ее под мышки и посадил на стол. Айви было всего пять лет от роду, и она захныкала, когда он расшнуровал и осторожно снял с нее ботиночки.

Стянув следом чулочки, Король помрачнел. Его взору предстали покрытые волдырями пальчики и растертые до крови лодыжки.

— Это, просто, из-за ботинок, — произнесла Дельфиния.

— Снимайте обувь, — приказал Король. — Все. Немедленно.

Послышались возмущенные возгласы, но Король не отступал. Под храп учителя он посадил на стол Жасмин и разул ее, обнажая крохотные красные ножки. У Кейл он увидел то же самое.

После угрозы позвать сэра Джона, старшие сестры медленно и неторопливо ослабили шнуровку и стянули ботинки. У Дельфинии — мозоли на пальцах и лодыжке, правая нога Евы отекала, а у Брэмбл просочилась через чулки кровь. Однако, Азалия в изумлении заметила, что ей досталось больше всех. Пальцы вновь кровоточили, покрывая чулки красно-коричневыми пятнами. Правая лодыжка сильно распухла.

— Ничего не скажешь! — Король рассматривал ноги. — В самом деле! Вы танцуете! Танцуете, после того как я категорически запретил вам! Несмотря ни на что!

Девочки покраснели до ушей, но молчали. Упрямо молчали. Король втянул щеки, затем резко выдохнул.

— Вы знаете, что значит траур, — утвердительно сказал он. — Знаете, что траур подразумевает. Я не потерплю больше этих плясок. Как вы можете осквернять светлую память вашей матери таким варварским отношением?

Азалия изо всех сил уперлась ладонями в лежащую на столе грифельную дощечку и даже исцарапала ее ногтем большого пальца, пытаясь сдержать подкатившую к горлу ярость. Неожиданно, с несвойственной ей храбростью заговорила за всех Кловия.

— Мы не перестанем... танцевать, — заявила она сладким тягучим голосом. — Танец... напоминает нам о... о Матушке.

Девочки возбужденно закивали. Король дернулся, будто слова Кловии обжигали.

— Не поможет, — грубо возразил он. — Никак не поможет. От танцев никакой пользы.

— Уже помогает, — продолжала Кловия. — Она смотрела в пол, ресницы касались щек, но собрав волю в кулак, она шагнула вперед. — Матушка... Матушка тоже танцевала по ночам. В бальном зале... и... вы там тоже были, и вы вдвоем танцевали сплетение, и... вы поймали ее, а она поцеловала вас. В нос, — Кловия густо покраснела. — Наверно, это самое романтическое из всего, что я видела в жизни.

Она говорила так, будто перед этим сотню раз репетировала, почти не заикалась. Азалия убрала руку с дощечки, вспоминая о Матушке и сплетении, мудренном танце с кушаком. Если Матушку поймали, то только потому, что она позволила Королю поймать ее.

Король от напряжения отшатнулся, прижимаясь к розовым кустам, и сухие колючие ветки уперлись в спину. На лице читалась боль.

— Танец помогает помнить, — повторила Кловия.

— Мы не будем разговаривать о вашей матери, — отрезал Король. Голос его звучал ровно, но жестче и холоднее ледяной стали. — Занятия на сегодня окончены. Отправляйтесь в комнату.

Его слова казались ударами плети. Кловия съежилась, сглотнула и, сжимая ботинки, нетвердым шагом выскочила из комнатки. В холле эхом отдались сдавленные рыдания.

— Кловия, милая! — крикнула Флора. Сцепив руки, она и Злата бросились в догонку.

— Ааа! Видите, что вы наделали! — зарычала Дельфиния. Подхватив Лилию, она, прихрамывая, поспешила за ними. Выбежали Кейл, Ева, Жасмин и Холли, следом — Брэмбл, которая перед уходом бросила на Короля испепеляющий взгляд.

Учитель Рамсен фыркнул, во сне прохрипел на латыни:

— Tero, terere, trivi*

*(формы глагола "тереть", "изнашивать" - прим. переводчика)

— Азалия... — начал Король.

Азалия так сильно вцепилась в грифельные дощечки, что заболели пальцы. В дверях, она обернулась.

— Пожалуй, они запомнят, — тихо сказала она, — что вы не способны считаться с нами.

Вечером пришел сэр Джон. Девочки сидели на краю кровати, а он, вставая на колени перед каждой, задавал вопросы спокойным тоном врача. Он оставил мази, бинты и сладкие карамельные палочки. Король, сложив руки на груди, сосредоточенно ждал в дверном проеме.

Из-за осмотра и ощупывания Азалия забеспокоилась и даже обхватила подушку, пока сэр Джон, мрачно поглядывая на ее ноги, забинтовывал ей лодыжку. Выходя из комнаты, он что-то вполголоса объяснял Королю.

Немного погодя, миссис Грейби с одной из служанок принесли на ужин картофельный суп и еще оставили на столе какую-то корзину. Девочки сразу вцепились в неё, и Азалия, развернув верхний сверток, от удивления открыла рот.

Внутри, укрытые разноцветными лентами, ютились двенадцать пар танцевальных туфель.

Азалия громко рассмеялась от облегчения. Девочки восторженно завизжали и перевернули корзинку, вытряхивая на ковер атласный водопад. Они подобрали свои размеры и тут же надели. Нашлись даже крошечные голубые тапочки для Лилии.

— Чудесно! — воскликнула Дельфиния. — Настоящие пуанты! Я словно плыву по воздуху! Невзирая на бинты!

— Хм, восторг, ликование, радость и всё такое, — сказала Брэмбл, в ее желто-зеленых обращенных к Азалии глазах пробежала искра. — Должно быть сэр Джон убедил Короля.

На дне корзины была прикреплена записка. Азалия отцепила ее и прочла:

"Надеюсь, вы будете приходить на уроки вовремя. И я не услышу ни слова о вашей матери или танцах".

ГЛАВА 13

После двух вечеров мучений танцы на пуантах показались раем, скольжением по облакам. И хотя девочки быстро устали, смеялись они так заливисто, словно не случилось никогда Зеликого разочарования в ботинках. На утро сестры с несказанной радостью узнали, что как и раньше, когда Матушка учила их танцевать, сапожник будет ежедневно чинить туфельки и приносить залатанные пары во дворец, забирая корзину с новой партией. Близнецы едва не разрыдались от счастья. Пришивая подошвы, бедняжки искололи себе все пальцы.

Наступил любимый день недели — воскресенье, до траура считавшийся наказанием. И вот, в единственный день, когда девочек выпускали из дома, они послушно слушали мессу, даже покорнее, чем обычно, ведь рядом с ними сидел Король. Затем, со звоном колоколов они выскользнули на кладбище позади собора.

Это нельзя было назвать прогулкой: ни украшенных цветами изгородей, ни поросших мхом садовых фонтанов, но солнечные лучи неровными желтыми пятнышками ложились на всё вокруг, а в воздухе пахло листьями — и сестры искренне радовались мгновениям за стенами дворца.

Немного погодя к железным воротам подошел Король. Стягивая перчатку с перебинтованной руки, он увидел, как на изваяние плачущего ангела девочки набрасывают ленточки от букетов. Король сдвинул брови.

— Карета готова, — сообщил он, когда к нему приблизилась Азалия с Лилией в руках. — Азалия...

— Не сердитесь, — перебила она, выпрямляясь возле его возвышающейся фигуры. — Дайте им еще немного времени. Это наша единственная возможность развеяться. Это ведь считается Делом Королевской Важности, да?

Король все еще хмурился, всматриваясь в бледное личико Лилии, затем посмотрел на Азалию, чье лицо обрамляли черный чепчик и вуаль. Он перевел взгляд на девочек,

скромно играющих на солнце, увидел какие они белые и морщины на его лбу стали заметнее.

— Полагаю, считается, — согласился он. — Не задерживайтесь.

Король повернул в сторону улицы. Внутри у Азалии шла борьба.

— Подождите, — произнесла она.

Король обернулся, и Азалия с трудом пролепетала:

— Спасибо. За пуанты.

Король втянул щеки, оставляя на их месте глубокие ямы. В руках он держал шляпу и барабанил по ней пальцами.

— Я не потворствую этому, — сказал Король.

— Конечно, сударь, — быстро вставила Азалия.

— Наш дом в трауре. Вы будете вовремя приходить на все занятия и приемы пищи, и я не допускаю никаких разговоров о танцах. Есть возражения?

— Нет, сударь.

— И я, вне всякого сомнения, не одобряю, что вы что-то скрываете. Вы знаете, что мне известно, куда вы ходите, и мне известно, что вы знаете, что я знаю.

— Хм-м, — Азалия пыталась распутать высказывание Короля, но сдалась. Она спрашивала себя, что именно ему известно о волшебном переходе. Знает ли он о лесе? Вряд ли. Вероятно, без мистера Хранителя там была всего лишь старая кладовка.

— Никаких больше тайн в нашем доме. — Король надел шляпу. — Я иду домой. Мистер Пудинг подождет вас в карете. И, мисс Азалия, проследите, чтобы ваши сестры не запачкались. Сегодня к ужину приедут.

Вечером в спальне девочек не утихали споры, младшенькие, сменяя друг друга, прыгали на кровати и выглядывали в окна, стараясь не проглядеть прибытие лошадей. Уже несколько месяцев они не ужинали с гостями.

— Нет, — упрямо заявила Дельфиния, сидя на кровати. — Мы не пойдем. Мы поклялись всегда кушать в нашей комнате. Мы ненавидим есть с Королем, помните?

— Она права, Аз. — Брэмбл причесывала гладкие рыжие локоны. — Я тоже предпочла бы остаться здесь. Он же не думает, что мы в самом деле спустимся? Кроме того, я прямо... задыхаюсь в его присутствии.

— Это же правила, — сказала Флора.

— Пункт семнадцать, раздел второй. — Ева протерла очки краем подушки.

Кловия, всегда по-доброму отзывающаяся обо всех, добавила:

— Он же... вернул нам пуанты.

Поджав губы, девочки смотрели то на Азалию, то на Дельфинию, то на Кловию, то на Брэмбл, то на Еву. Азалия щелчком открыла часы лорда Брэдфорда, потом закрыла, снова открыла и закрыла. Она мысленно представила накрытый стол, за которым в неловкой тишине разглядывая суп, сидят Король и гости. Через некоторое время в библиотеку подают кофе. Король не умел вести беседу, именно Матушка всегда искусно лавировала между темами, направляя разговор в нужное русло. Азалия покосилась на ладони с отпечатками ногтей, затем на корзину с пуантами, завязанными для предстоящей ночи, и захлопнула карманные часы.

— Правило номер семнадцать, — произнесла она. — Всем умываться.

Умытые и причесанные, девочки подросли в столовую почти вовремя. Король быстро встал и несколько секунд не отводил от них взгляда. Лицо его оставалось бесстрастным.

Одним из присутствующих, к немалому огорчению Азалии, оказался Фейрвеллер. Он сидел справа от Короля и выглядел слегка недовольным, впрочем, как обычно. Рана на шее заметно затянулась.

Выражение лица другого гостя излучало мягкость и серьезность. Азалия помешкала у дверей, рука невольно скользнула к тикающим в кармане часам.

Лорд Брэдфорд. Он склонил перед ней голову.

У Азалии перехватило дыхание. Он вернулся! Целый и невредимый. Она, без сомнения, знала об этом, ни в одной статье не сообщали, что он ранен, но совершенно иначе было видеть его здесь. Его и эти нежные карие глаза, устремленные на нее...

— Это тот гадкий мелочный простофиля-бирюк аферюга, остановивший часы на башне!
— зло прошипела Брэмбл. — Надеюсь, он подавится!

— Он лорд, — ответила Азалия. — И если ты ему хоть что-нибудь сделаешь, я тебе шею сломаю.

Миссис Грейби вернулась из кухни с дюжиной тарелок, словно ожидала девочек в любую минуту, и Азалия помогала сервировать стол, пока джентльмены отодвигали сестрам стулья. Под шум и звон тарелок, Король склонился к Азалии.

— Давно пора нам вновь ужинать как семья, — тихо произнес он.

— Это только на сегодня, — заговорила сидящая рядом с Азалией Дельфиния, не отрывая глаз от тарелки.

— Правило номер семнадцать, — машинально сообщила Ева с другой стороны.

Король выпрямился. На его лице застыло странное выражение. Несколько мгновений он просто стоял. Затем, нацепив маску беспристрастности, он отвернулся.

Ужин из зажаренного в собственном соку цыпленка, картофеля и торта шел своим чередом. Правда, Брэмбл завладела солонкой, а Айви накладывала на мясо горы джема, но, в целом, они вели себя прилично. На другом конце стола Фейрвеллер и лорд Брэдфорд обсуждали политику, а Король о чем-то размышлял.

— Выборы в парламент состоятся в следующем году, — говорил Фейрвеллер. — В Палате представителей найдется место для толкового молодого человека... Его Величество и я подумали, что сможем вас убедить.

Брэмбл, сидящая рядом с Азалией, забрала у Дельфинии один из цветных карандашей и принялась писать на салфетке.

— Баллотироваться? — уточнил лорд Брэдфорд.

Его манера говорить завораживала Азалию. Он не разбрасывался словами. Разительный контраст для нее, живущей в бесконечном щебетании дюжины сестер.

Кейл, которая занимала место рядом с лордом Брэдфордом, съела кусочек картофеля и заскучала. Она встала на стул и потянулась к его бокалу с вином. Когда он отодвинул бокал, малышка надула губки и плюхнулась обратно на стул. Потом она прижалась к нему, потерлась щекой о его руку и укусила.

От неожиданности лорд Брэдфорд охнул.

— Я бы воздержался, — ответил он Фейрвеллеру, аккуратно снимая Кейл с руки. — Я не гожусь в политики.

— Согласно моему опыту, — настаивал Фейрвеллер, — самые преданные стране люди, как раз те, кто об этом не подозревают. Вашего отца считали достойным членом правительства. Того же ожидают и от вас.

Краем глаза Азалия уловила, что именно написала Брэмбл на салфетке бледно-фиолетовым карандашом Дельфинии:

"Ваши часы все еще у нас. Можете забрать их сегодня вечером. Для этого вам нужно всего лишь после ужина прокрасться в башню, завести механизм и сбежать из страны. По рукам?"

Азалия не на шутку смутилась, когда Брэмбл обернула салфетку вокруг карандаша и вместе с булочками передала ее лорду Брэдфорду. Его темные брови едва уловимо подпрыгнули. Затем он сложил записку и положил под тарелку. Желто-зеленые глаза Брэмбл искоса наблюдали за происходящим.

— Я польщен, — отозвался лорд Брэдфорд насыщенным густыми сливками голосом. Азалия вслушивалась в его тембр, задумываясь пел ли он когда-нибудь или, может, увлекался каччей. Сочный окрас его голоса способен обогатить звучание любого хора... Лорд Брэдфорд продолжил:

— Я предпочел бы не баллотироваться в парламент.

Брэмбл взяла у Дельфинии другой карандаш, у Азалии умыкнула салфетку и набросала новый текст.

"Признайте, вы боитесь Короля".

Азалию перекосило от острого осознания унижительного положения. Она не отводила взгляда от нетронутого содержимого своей тарелки, пока лорд Брэдфорд читал послание. На этот раз он, стараясь не вызвать подозрений, на коленях писал ответ.

— Дело не в желании, — не унимался Фейрвеллер, с каждой минутой выказывая все большую досаду. — И даже не в том, к какой партии примкнуть. Дело, скорее, в моральном обязательстве. Мне не понятно, почему вы избегаете исполнения гражданского долга. Он будет подходящим членом парламента, вы не находите, Ваше Высочество?

— Что? Хмм? А. Да. Непременно.

Несколько секунд Фейрвеллер обескураженно смотрел на Короля, этого хватило, чтобы лорд Брэдфорд передал салфетку Брэмбл. Она прочла ее и залилась румянцем.

"Это очевидно, сударыня. А кто нет?"

Брэмбл поджала губы и пнула лорда Брэдфорда под столом, сильно пнула. На мгновение он потерял самообладание — его передернуло. Азалия закрыла лицо руками.

— Мы лишь просим вас подумать. Только и всего, — добавил Фейрвеллер.

— О, — произнес лорд Брэдфорд немного сдавленным голосом. — Конечно. Спасибо.

Брэмбл швырнула исписанную салфетку в тарелку и сказала:

— Я поела. Можем мы теперь вернуться в нашу комнату?

Впервые за вечер Король с присущей ему официальнойностью подключился к разговору.

— Хм, нет. Никак нет. В библиотеку, сударыни. — он встал и многозначительно посмотрел на девочек. — Таковы правила.

И без того ошарашенная обращением сестер с лордом Брэдфордом, Азалия просидела весь вечер на диване напротив него, умирая от стыда несчетное количество раз. Дельфиния якобы случайно пролила на него кофе, Лилия добралась до его ботинок с намерением пожевать шнурки, а Айви и Холли оккупировали его с обеих сторон, вышивая и каждые две минуты спрашивая, нравятся ли ему узоры. Он отвечал, что вполне.

Что интересно, без малого казалось, что ему весело. Необъяснимо. Как и Королю.

Желая хоть как-то спасти вечер, Азалия отвела девочек наверх, затем проскользнула в главный двор, где мистер Пудинг занимался лошадей лорда Брэдфорда. Азалия объяснила ему причину ее появления, и дворецкий отдал ей поводья, потрепал животное по голове и зашел в дом.

Азалия терпеливо ждала, накручивая поводья на запястья. Лошадь постукивала копытами по гравию, но благодаря хорошей выучке не пыталась обнюхивать волосы девушки — Азалия ненавидела эту лошадиную привычку. Некоторое время спустя в дверях показался

лорд Брэдфорд со стопкой книг в руках, скорее всего о политике — так Король и Фейрвеллер пожелали ему спокойной ночи. Азалия вынырнула из-за лошади, радуясь, что черное часто сливается с обстановкой.

Когда дверь захлопнулась, Азалия шагнула навстречу.

— Лорд Брэдфорд...

— Аааах!

Спотыкаясь о ступеньки, он попятился к перилам.

— Простите! Простите! — взмолилась Азалия. — Я же не напугала вас?

— Нет, нет, ничего... страшного, — он сполз с перил и принялся собирать разбросанные книги. — Разумеется...

— Разумеется... — с облегчением повторила Азалия. Она подняла с земли шляпу и помогла ему с книгами. — Простите. Я просто хотела извиниться. За сегодняшний ужин. Честное слово, мы не пинаем и не кусаем, и не бросаемся картофелем во всех наших гостей.

Губы лорда Брэдфорда изогнулись в улыбке.

— Вашей семье присущ боевой дух, — произнес он, когда Азалия отдала ему шляпу. — Мне понравился вечер.

— Ну наверно, да, вы же только что вернулись с войны, — догадалась Азалия.

Лорд Брэдфорд рассмеялся. Приятный смех. Умиротворенный, первобытный, искренний. Он очаровал Азалию.

— Очень сожалею, что мы так долго вам их не отдавали. — она достала из кармана юбки часы, завернутые в платок Матушки. Развернув платок, Азалия в сложенных колыбелькой ладонях протянула часы лорду Брэдфорду. — Прежде всего, нам не следовало их забирать.

Брови лорда Брэдфорда полезли на лоб, он открыл рот, и закрыл рот. Он посмотрел на книги, затем снова на Азалию; уголки его губ приподнялись.

— Когда мы впервые повстречались, — медленно начал он. — Давным давно. Вы угостили меня карамельной палочкой. Тогда, вы точно так же сложили руки, как сейчас. Вы помните?

Азалия приподняла бровь.

— Когда только умер мой отец, — тихо продолжил он. — Вы пришли на кладбище, кушая карамельную палочку. Увидели меня. Вложили конфету в мои руки, загнули мои пальцы поверх конфеты и поцеловали их.

— Наверно, они потом липли, — предположила Азалия.

Лорд Брэдфорд засмеялся. Теплой зыбкой рябью на Азалию накатило воспоминание: базарный день, она отстает от Матушки. Пахнет сидром. Вдруг, через железные створки кладбищенских ворот она замечает одинокого мальчика. Он сидит на каменной скамье. Воспоминание, такое далекое, словно выцветший сон.

— Знаете, — добавил лорд Брэдфорд, — все эти годы я принимал вас за вашу сестру.

Азалия понимающе пожала плечами.

— Многие ошибаются. Из-за небольшой разницы в возрасте — меньше чем год. И действительно, из всех нас Кловия, как нам кажется, выглядит самой старшей.

— Ваш платок все еще у меня, со Святков.

— Да ну? Правда?

Он вытащил примятый чистый платок и передал его Азалии. Она вновь протянула лорду Брэдфорду часы, но он лишь покачал головой.

— Это же залог, верно? Заберу их, когда запущу куранты.

Азалия улыбнулась, щеки залило жарким румянцем.

— Что ж, с ними чрезвычайно удобно. Спасибо вам, лорд Брэдфорд.

Книги не помешали ему с легкостью сесть верхом, и он улыбнулся половинкой рта.

— Мистер Брэдфорд, — робко поправил он.

— Мистер Брэдфорд, — согласилась Азалия. Теперь ее щеки пылали. Приятное смущение.

— Благодарю вас, — произнес он, приподнимая шляпу, — за чудесный вечер. Доброй ночи, принцесса Брэмбл.

— Что? — удивилась Азалия.

Но он уже направил лошадь легким галопом, разбрызгивая позади гравий. Азалия изумленно смотрела на удаляющийся силуэт, затем уставилась на платок. Кровь отлила от лица — в уголке красовались небрежно вышитые инициалы Б.Е.В.

— Брэмбл! — воскликнула она. Еще со Святок он уверен, что она Брэмбл!

Подняв глаза, она увидела, как возле ворот он сбавляет ход. Поймав ее взгляд, он, не останавливаясь, улыбнулся, отсалютовал и исчез в ночи.

Азалия обхватила себя руками, размышляя над тем, что ей придется всё исправить при следующей встрече. Если, конечно, таковая состоится.

— Доброй ночи, — пожелала она вслед.

ГЛАВА 14

Всю неделю Азалия обучала сестер сплетению — замысловатому танцу вроде вальса с элементами соперничества, в котором партнеры крепко держали края длинного пояса-кушака. Мужчина пытался как бы поймать женщину, обмотать кушак вокруг ее запястий и притянуть к себе, обходя ее со всех сторон и набрасывая путы снизу, тогда как дама вальсировала, выскальзывая из его объятий, не давая шарфу обвиться вокруг нее.

Два года назад Матушка пригласила для Азалии опытного танцмейстера, чтобы поупражняться в сплетении. Он двигался быстро и умело, но Азалия проворно увиливала от него, и через три минуты оба обессилели. Улыбаясь, танцмейстер с восхищением и уважением поклонился девушке. С тех самых пор, танцуя сплетение, Азалии каждый раз казалось, что в груди у нее звучат захватывающие напевы маленькой флейты, а ноги вот-вот оторвутся от земли.

Брэмбл повязала на рукаве платок и изображала джентльмена, хриплым голосом бросая замечания и подражая мужским манерам — да так, что девочки покатывались со смеху.

— Судаааарыняааа. — Брэмбл отвесила Азалии глубокий поклон. Девочки громко захихикали, а Азалия вздохнула. Показывать парные танцы оказалось весьма непросто.

— Сударыня, — послышался другой голос, и повернувшись, девочки увидели у входа мистера Хранителя. Не отводя от них темных глаз, он усмехнулся, и скулы на его лице заострились.

Азалия попятилась. Внутри нее флейта уже неистово исполняла глоссандо. Девушка сглотнула, стараясь незаметно вытереть о платье ладони. Его глаза будто заглядывали ей в душу.

— Прошу меня простить, — обратился он, беззвучно подойдя ближе. — Не смог удержаться. Может ли так случиться, что мне позволят пригласить вас на этот танец?

Девочки как по команде затихли. Азалия представила себя в объятиях мистера Хранителя, и трель в ее груди перешла на писк, который различили бы лишь самые маленькие птички.

Если он танцует так же как и двигается — плавно, волнообразно — значит он непременно искусный танцор.

— Насколько я помню, вы говорили, что не умеете, — заметила Ева.

— Сударыня, я говорил, что не танцую. Сие вовсе не означает, что я не умею.

— А вы хоть знаете сплетение? — с сомнением спросила Флора.

Мистер Хранитель зашагал к Азалии, впиваясь в нее своими темными глазами. Позади него буйно раздувался плащ.

— Сударыня, — отвечал мистер Хранитель, но взгляд его оставался прикован к Азалии.

— Этот танец придумал я.

Отточенным движением Хранитель протянул руку Азалии вверх своей и повел девушку в центр танцевальной площадки. Мягко и нежно. Не успела Азалия моргнуть, как Хранитель развернул ее в открытую танцевальную позицию. Она сглотнула. Будет нелегко.

— У нас есть только это, — сказала Азалия, доставая платок Матушки. — Хотя боюсь, что он коротковат.

В бледном свете сверкнуло серебро. Хранитель содрогнулся.

— Так не годится, — заключил он. — Но, взгляните! Вот то, что надо.

Мистер Хранитель взмахнул рукой, и из воздуха появился длинный шарф. Одним щелчком Хранитель развернул его. На серебристо-белом фоне кушак вспыхнул ярко-красным. Теперь вздрогнула Азалия.

Брэмбл назначили ответственной за часы мистера Брэдфорда, установленные на десертном столе для отсчета времени. Сплетение длится ровно три минуты. Незримый оркестр заиграл медленный вальс, и девочки в легком головокружении от предвкушения не спускали с пары восторженных глаз.

Азалия лихорадочно подалась назад, когда мистер Хранитель вступил, обвивая кушак вокруг нее. Танцевал он с той же элегантностью, с какой передвигался и разговаривал. Нечеловеческая грациозность.

— Сударыня скользит подобно лебедю, — промолвил он, подбрасывая шарф вверх, заманивая ее поближе. — Вы лучшая из моих партнерш. А я, сударыня, танцевал со многими.

Он притянул кушак поближе, и Азалия уловила его взгляд — тот же алчный блеск она подметила, когда он держал часы мистера Брэдфорда.

Азалия судорожно выпустила кушак.

Это означало немедленную дисквалификацию. Оркестр замолк.

— Только сорок пять секунд, — разочарованно глядя на часы сообщила Ева.

— Понимаете, мистер Хранитель, — начала Азалия. — Мы так и не были подобающе представлены друг другу. Матушка всегда говорила, что...

— Ах, ваша матушка, — перебил Хранитель. В его черных глазах читалось полное равнодушие. — Полагаю, у вашей матери всегда были наготове слащавые фразочки, типа "ты принцесса только тогда, когда ведешь себя должным образом" и прочий вздор.

— А разве это не правда? — краснея, спросила Азалия.

Хранитель ответил с неприятной холодной усмешкой.

— Никак не иначе.

— Если задуматься, Азалия попала в точку, — сказала Брэмбл, собирая вместе с Кловией засыпающих детей. — Мы знать о вас ничего не знаем. Где вы научились так танцевать?

Неприятная усмешка Хранителя сделалась ледяной.

— Знавал я одну леди, — произнес он, — которая танцевала сплетение почти так же хорошо, как ваша сестра.

Дельфиния, поднимавшая Айви, оживилась. Она больше всех любила читать сентиментальные истории и рисовала в своем альбоме воздушные бальные платья; Азалия не сомневалась, Дельфиния не успокоится, пока не вывернет душу мистера Хранителя наизнанку, выясняя подробности романа.

— Вы были влюблены? — спросила она. — Ах, расскажите нам всё. Мы наслышаны лишь о скверностях того времени, обо всяких там революциях. Мне необходима романтика.

— Дельфиния, — одернула ее Азалия.

Хранитель жестом успокоил ее.

— Всё в порядке, — сказал он и повернулся к Дельфинии, по мрамору шуршали полы его плаща.

Девочки, уселись на ступеньках, опасаясь вздохнуть, чтобы шелест розовых кустов не заглушил слова мистера Хранителя, который неподвижно стоял на танцевальной площадке.

— Давным-давно, — промолвил он. Его голос струился словно шелковые нити, — жил Его Величество Король, больше всего на свете жаждущий убить генерал-капитана, поднявшего против него восстание. Это обернулось навязчивой идеей. Желание убить генерал-капитана пропитало его насквозь, и каждый вздох, каждый шаг его был направлен на уничтожение генерал-капитана.

— Но он был стар и время ускользало, как и всегда.

Хранитель умолк. Изогнув бровь, Брэмбл с некоторым удивлением посмотрела на Азалию.

— Итак, — продолжил мистер Хранитель, — он дал клятву. Он доверху наполнил кровью винный бокал. И он поклялся, на этой крови, что убьет генерала Вентуорта, и что не умрет сам, пока не исполнит клятву.

— А потом... он выпил кровь.

— Конец.

Последовало мрачное зловещее молчание. Рты девочек напоминали здоровенную букву "О".

— Прошу прощения, — вставила Дельфиния. — А что насчет леди?

— Точно, — отозвался мистер Хранитель. — Кровь. Это была ее кровь.

Через стенку камина девочки проходили, иступленно подталкивая друг друга и спотыкаясь о юбки и развязанные ленты на пуантах. Они поспешили как можно ярче разжечь лампы на столе и возле двери.

— Последний раз повторяю, — сказала Азалия, когда девочки собрались вокруг света, а младшенькие вцепились в юбки Азалии. — Это не правда! Угомонитесь!

— Ааааай! О, ха-ха, Айви, это всего лишь ты, ха-ха-ха. Дельфиния подрагивая уселась на край кровати, ощупью стягивая пуанты.

— А прозвучала как настоящая правда! — пропищала Холли. — Очень даже!

Азалия замешкалась.

В отличие от остальных, она слышала эту историю раньше. Обрывками от шепчущихся горничных или из книг учителя по истории Исбери, когда тот дремал. Никто не обсуждал это во всеуслышание.

Сотни лет назад Его Королевское Величество поймал в садах дочь Гарольда Первого. Тогда сады сплошь поросли колючими кустарниками, которые самовольно обвивали руки и шеи прохожих, затягивая их в покрытые шипами ветви. Он привел ее во дворец, и

несколько дней спустя в особняке Гарольда Первого появилась коробка. В тонкой оберточной бумаге лежала кисть. Её кисть.

Далее предание перекликалось с услышанным от Хранителя, что Его Королевское Величество выпил кровь и поклялся убить ее отца. Тело девушки нашли по частям в тернистом саду. Азалия поёжилась. Ей претила мысль о том, что произошло дальше.

По ночам окна дворца подсвечивались жутким ярко-желтым светом, и можно было увидеть дочь Гарольда Первого, плывущую по коридорам и отыскивающую путь двумя руками. Его Королевское Величество каким-то образом завладел ее душой. А нащупывала она себе дорогу двумя руками... потому что... потому что... Азалия не могла заставить себя мысленно закончить предложение, но далее речь шла об иголке, нитке и веках души жертвы.

Азалия едва не уронила светильник, так сильно тряслись руки. Она выдавила улыбку, поставила лампу на круглый столик и принялась помогать младшеньким раздеться.

— История только частично правдивая, — твердо заявила она. — Да, он выпил кровь, но это еще ничего не значит. Вы видели в галерее портрет Гарольда Первого? Он умер от старости. Он убил Его Королевское Величество. Клятва на крови не сработала. Пить кровь — это все равно что поранить и облизать палец. Ничего не происходит. Это всё глупости.

— Он так наглядно обрисовал события, — заметила Флора. Они со Златой прижались друг к другу под одеялом, даже не потрудившись раздеться.

— Его Величество совершил много отвратительных поступков, — сказала Ева, когда Азалия ласково стянула близнецов с постели и помогла им переодеться в ночные рубашки. — Он заточал людей в зеркала. И они погибали.

— Это... не... так ужасно как... захват душ, мне... кажется, вроде бы, — заикаясь больше обычного, произнесла Кловия.

— Что за несусветная нелепица! — возмутилась Брэмбл. Она швырнула туфельку в стену, которая, ударившись о деревянную панель, упала в корзину. — И как нелепо со стороны Хранителя рассказывать такое! Он что, не догоняет, что малыши от страха надуют в штанишки?

Азалия, все еще чувствуя прикосновение рук Хранителя, вытерла ладони о юбку.

Той ночью девочки спали беспокойно. Азалия принесла для всех два чайника горячего чая, и когда кто-нибудь из сестер с криком просыпался, она ласково убаюкивала их. Младшенькие забрались к ней в постель, уткнулись носиками с обеих сторон и, ворочаясь, похлопывали ее по щекам.

Уже не ранним утром Азалия встала разбитой. Ей стало совсем не по себе, когда она обнаружила, что часы мистера Брэдфорда остались в павильоне.

— Я не специально, — оправдывалась Брэмбл, явно пребывая не в духе. — Я не виновата... просто после той жуткой истории мы слишком торопились!

— Мистер Брэдфорд доверял нам. — Азалия злилась на себя. — Он доверял мне.

Брэмбл смерила Азалию взглядом, со странной искоркой в желто-зеленых глазах.

— Тогда иди, — ответила она, выталкивая девочек из комнаты. — А я отведу этот выводок цыпляточек на занятия.

Несколько минут спустя, поджимая в ботинках пальчики, Азалия поскребла платком по метке. Метка нагрелась и вспыхнул свет. Азалия никогда не навещала павильон днем. Одинокое спускаясь в серебряное великолепие, она испытывала совсем иные ощущения. В сдавленном воздухе не звучало даже стука каблучков.

Когда Азалия дошла до павильона, его окутывала тень серебряного тумана. Хранителя не было. Азалия постучала, легонько, по сводчатому дверному проему.

— Прошу прощения, вы здесь? — спросила она.

Ей показалось, что стук смягчил внезапность вторжения. Они тихонечко ступила на танцевальную площадку и едва не выпрыгнула из ботинок, когда оркестр разразился быстрой джиггой.

— Шшш! — шикнула Азалия. — Тихо! Молчать!

Оркестр умолк, лишь скрипка заливалась счастливым соло. А потом и она, осознав, что ансамбль затих, тихо заскулила натертым канифолью смычком.

Азалия рыскала по шатру в поисках часов, и повернувшись, необъяснимым образом ощутила на себе чей-то колючий взгляд. Она посмотрела наверх и завопила.

Там на потолке, словно огромный черный паук, сидел Хранитель.

Сердце Азалии порывалось вырваться из корсета. Она дернулась назад.

Хранитель оттолкнулся от потолка и, развернувшись, устремился к земле. Он по-кошачьи приземлился на ноги и выпрямился. За ним полукругом опустился плащ.

Азалия рванула к выходу. В тот же миг Хранитель оказался там, преграждая путь. Он усмехался, лицо заострилось.

— Надо же, как легко вас напугать, — произнес он.

— Вы... вы... на... потолке... — Азалии на хватало воздуха.

— Ох, право же успокойтесь, мисс Азалия. — плавным движением он повесил на сгиб локтя дрожащую руку девушки, прижимая ее трясущиеся пальцы к черным рукавам пиджака. — Многолетнее обитание в этом маленьком павильоне любому придаст, хм, изобретательности. А вас, мисс Азалия, лицезреть я крайне рад. Даже если вы пришли лишь из-за часов другого джентльмена, а вовсе не ради меня.

Азалия пыталась выдернуть руку, но Хранитель, сдавливая ее пальцы своими длинными щупальцами, только ухмылялся и вёл ее к дивану возле стола со сладостями.

— Прошу, присядьте. Вы дрожите как осиновый лист. Моя вина, признаю. Вчерашняя история. Надеюсь, вы сумеете простить меня.

В его руке появилась чашечка, в которую, казалось из пустоты, лился чай. Хранитель предложил Азалии горячий напиток, но она отмахнулась.

— Где часы? — спросила она.

— Ах, сразу к делу. Так быстро? Знаете, это моветон.

Он поставил чашку на стол и поднял колпак с ближайшей тарелочки. Вместо маленького пирожного, на тарелочке лежали карманные часы. Азалия потянулась к ним.

Хранитель со звоном опустил колпачок.

— Мистер Хранитель, — возмутилась Азалия.

На лице Хранителя не промелькнуло и тени улыбки, пока он отодвигал накрытую тарелку и поднимал колпак супницы.

Азалия ахнула. Чего только не предстало ее взгляду. Пара кружевных перчаток, иглолка с алой нитью, один чулок Жасмин, ложка Айви, ручка Евы и другие пожитки девочек. Азалию объял ужас.

— Это наше! — воскликнула она.

— Знаю. Я люблю коллекционировать вещи.

— Это же воровство!

— Вы обязаны простить меня. Я безутешен. Мне необходима помощь, ваша и ваших сестер. Немалая помощь, не скрою, и я не верю, что вы стали бы помогать, если бы я не повел себя немного, хм, неординарно. Я жажду свободы, мисс Азалия.

Азалия нахмурилась. Что ж, Хранитель — это Хранитель. Волшебный, холеный — фрагмент бесплотного павильона. От испуга и чувства вины она поерзала на бархатном диване.

— Я... как-то не подумала, — произнесла Азалия.

— Знаю, — улыбнулся Хранитель. В его улыбке не было жестокости. — Возможно, теперь подумаете.

— Но если честно, — Азалия встала и решительно направилась к выходу. Цок-цок-цок. Её вновь обуревал гнев, ощущалась нехватка настоящего кислорода. — Не могу поверить, что вы попросту... попросту украли!

— Выйдете за порог шатра, — окликнул ее Хранитель, — и вам, и вашим сестрам здесь больше не рады.

Азалия замерла как вкопанная, юбки со свистом рассекли воздух над порогом. Она обернулась на Хранителя, надеясь, что он шутит. Уголки его губ изогнулись в подобии улыбки, но лицо его оставалось совершенно серьезным.

Азалия поджала пальцы в ботинках. Она вдруг возненавидела Хранителя.

— Не... — она запнулась, не в силах встретиться с ним взглядом. — Нам... просто... Нам необходимо танцевать здесь, Хранитель. У нас больше ничего нет. Не лишайте нас этого. Прошу вас.

— Значит, вы поможете освободить меня?

Желая осязать ладонями хоть какое-то подобие серебра, Азалия вцепилась в обе стороны дверной панели у входа. Но вместо прохладного металла, она почувствовала лишь пустую стеклянную гладь — это огорчило девушку.

— Хорошо, — наконец вымолвила она, постукивая ногтями по косяку. — Ради танцев. И часов. Чего вы хотите?

Несмотря на бесшумную поступь Хранителя, Азалия почуяла его приближение, и даже его елейность, и вперившиеся в спину глаза.

— Его Королевское Величество многое заколдовал, — бархатным голосом произнес он.

— Дворец. Павильон. Меня. Магия завладела его мыслями. Для него она была наукой, требующей могущества и знаний об эссенциях и аурах. Выделяют также разновидности магии. Некоторые заметно сильнее.

— Мисс Азалия, во дворце есть некий предмет, и его мощные чары ослабляют меня. Держат взаперти.

Азалия вспомнила, как Хранитель поднял уровень бурлящей воды, почти накрывая мост. Тогда он еле дышал. Бледный и изнуренный, почти чахлый. Азалия зашаркала ботинками по мрамору.

— Зачарованный предмет? — удивилась она. — Здесь? В нашем дворце?

— Да.

— Что именно?

— Не знаю. Хотя располагаю одной догадкой. Не более года назад я был не живее кирпича и цемента. Что-то произошло с зачарованным предметом... видимо повредили, но не уничтожили. Этого хватило, чтобы вернуть мою магию, по крайней мере, ее часть.

Азалия сдвинула брови. Во дворце не осталось ничего волшебного, разве что куранты, но их не сломали, а лишь остановили. Еще старый помятый чайный сервиз, оставшийся после Его Королевского Величества. Надо признать — брови Азалии сдвинулись сильнее — чайный сервиз она не видела уже давно.

— Отыщите зачарованный предмет и уничтожьте его, — потребовал Хранитель. — Траур заканчивается через три месяца. Уверен, времени вам предостаточно.

Азалия постучала мыском по земле, сырой воздух удушал.

— У нас... немного осталось заколдованного, — с трудом вымолвила она. — Возможно, мы смогли бы найти, если бы все девочки присоединились к поискам...

Хранитель обеими руками снял ладонь Азалии с серебристого дверного косяка и прижался губами к ее пальцам.

— Он что? — вскрикнула Брэмбл.

— Да знаю я, — открестилась Азалия, ожесточенно нарезая хлеб.

Настал полдень, когда Азалия завершила свой рассказ. Она с сестрами пила на кухне чай. С каждой подробностью брови девочек поднимались всё выше, а к концу повествования глаза их совсем округлились. Позабыв о кексах и чае, сестры тарасились на Азалию поверх начищенного хозяйственного стола

— Что за безделюжный дрянной ворюга! — негодовала Брэмбл, разрывая хлеб на кусочки. — Не могу поверить, что он украл наши побрякушки! И часы! Мы первые их украли, но честно и справедливо!

— Волшебный предмет? — переспросила Ева, раздавая ломтики сыра. — Но что же осталось? Полагаю, клавишин... хотя он сломался еще до рождения Короля.

— И, — добавила Азалия, — призрачный плащ...

— Что?

— Плащ, который делает носителя невидимым. С его помощью Его Королевское Величество бродил по городу незамеченным. Плащ не расколдовали, но он пропал. Никто не знает, где он теперь, но уверена, что его порвали на тряпки. И так, остается лишь...

— Чайный сервиз, — хором закончили сестры.

Азалия вздохнула и обмакнула ломтик хлеба в малиновый чай.

— Верно. Однако, я целую вечность его не видела. Даже сахарные зубы — они испарились после той первой ночи. Кто-нибудь знает что случилось?

Молчание.

С лица Кловии, трясущимися руками поившей Лилию чаем, не сходила краска. Она не проронила ни слова во время разговора, губы крепко сжаты. Но ни с того ни с сего она разрыдалась.

— Это моя вина! — выпалила она. — Моя!

Сначала сестры посмотрели друг на друга, и лишь потом вновь на Кловию. Уткнувшись в платок, она плакала навзрыд, словно откупорила сердце. Несмотря на ручьи слез, она выглядела премиленько.

— Что, прости? — удивилась Азалия.

— Я разбила его! — призналась Кловия. — Я разбила чайный сервиз! — Всклипывая, она дерзко вздернула подбородок. — Кочергой!

Вздрагивая сквозь слезы, она поведала свою историю. Похоже, она давно желала излить душу.

Несколько месяцев назад Кловии нездоровилось, и миссис Грейби приставила к ней волшебный сервиз, который щипался и толкался, заставляя пить гадкий чай; в итоге она не выдержала, взяла кочергу и размозжила чайный сервиз. Она стукнула не раз, удары сыпались снова и снова. Стена еще зияла трещинами.

Девочки затаили дыхание.

Продолжение ошеломило еще больше. Кловия завернула осколки чайного сервиза в одеяльце Лилии, и выскользнув из дома поздней ночью, сбросила черепки в садовый ручей.

— А эти осколки... осколки... они всё еще извивались, и... ох! Словно, я топила их заживо!
— Кловия всхлипнула. — Но я не жалею! Я ненавидела этот противный чайный сервиз!

К этому времени, сестры уже зашлись бурным смехом. Брэмбл гоготала так иступленно, что чай едва не выливался через нос. Азалия смеялась, скорее от недоумения, что милая Кловия оказалась способной на насилие.

— Должно быть зубы сбежали, пока ты добивала остальных, — предположила Брэмбл, задыхаясь от смеха и прикрывая рот платком. — Ха-ха-ха! Знаете, иногда я подозреваю, что Кловия утаивает страшный секрет. В тихом омуте черти водятся! Кочерга! Бха-хахахааа!

Девочки вновь прыснули. Даже Кловии удалось неуверенно улыбнуться. Азалия потеряла большой палец, памятуя об укусах сахарных зубов.

— Полагаю, всё понятно, — подытожила она. — Необходимо отыскать сахарные зубы.

Тем вечером, надев накануне заштопанные сапожником пуанты, Азалия повела сестер на поиски сахарных зубов туда, где в последний раз видела их — в серебряный лес. Они никогда по-настоящему не осматривали серебряные кусты и колючие сосны, растущие далеко от тропинки, и девочки рыскали туда-обратно, задевая украшения и шелестом нарушая покой кустов. Флора и Злала даже принесли сахарные кубики на случай удачи.

Окончательно опоздав на танцы, девочки — недовольные — выбрались из-под мерцающих листьев, черные платья покрывала серебристая пыль.

— Как искать иголку в стоге сена, — заключила Дельфиния, направляясь к мосту. — Серебряного сена.

— Давайте признаем, что сахарных зубов здесь нет, — заявила Брэмбл. — Они бы уже давно накинудись на кого-нибудь из нас. Может быть, они смылись. Ставлю один гарольд, они сбросились с садового мостика к своим гадким собратьям. В любом случае, кого колыхет, свободен Хранитель или нет? Он чокнутый.

— Меня определенно нет, — ответила Азалия. — И если вас тоже, то может, следует забыть о танцах и вернуться в комнату.

— Полегче. — на щеках Брэмбл проступили два розовых пятна. — Я вовсе не это имела ввиду. Не исключено, что в то время все джентльмены были чокнутыми. Давайте обойдемся без всяких скоропалительных выводов. В любом случае, где же еще нам танцевать?

— Это больше... чем просто... танцы, — сказала Кловия. — Мы... поступаем точно так же... как Его Королевское Величество поступил с б-бедным мистером Хранителем. Танцуем и просто... просто оставляем его там. Это так жестоко.

Осознав, что Кловия права, на девочек накатило мрачное чувство вины.

— Что ж, — согласилась Брэмбл. — У нас есть время до Рождества.

Она приподняла ивовые ветви.

Силуэт Хранителя угадывался возле входа в павильон, лицо напряжено. За его спиной, в центре танцевальной площадки, стояло белоснежное майское дерево, перекрученное словно лакомый карамельный жгут. С него свисали двенадцать разноцветных лент, ярких и блестящих. Возможно, Азалии лишь привиделось, но Хранитель выглядел бледнее и даже старше, чем утром.

— Ни слова мистеру Хранителю, — тихо предупредила Азалия. — Нам известно, каково сидеть взаперти.

На следующий день девочки прочесали весь дворец в поисках сахарных зубов. Дождь барабанил за завешенными окнами, когда сестры осматривали шкаф с выдвижными ящиками, переворачивая разнотипные вилки, ложки, и старый засохший картофель. Они обыскивали комнаты и даже расковыряли замок в комнате Матушки. Все ее корбочки с

пудрой, платьями и украшениями оказались заперты, на кровати покоилась ночная рубашка — всё казалось таким непривычным и сдержанным. На выходе девочки пытались, не вдыхая запаха яичного кекса и детской мази, сглотнуть нахлынувшие эмоции.

Они искали в портретной галерее, между длинных диванов и столов, тогда так младшенькие сидели на красной ковровой дорожке и уплетали хлеб с вареньем.

— А что насчет него? — Ева указала в конец холла. Она всматривалась в стеклянный футляр с серебряным мечом Гарольда Первого. С тем самым, который Король брал на войну. Он также брал его на заседания парламента, и по особым случаям, а также при произнесении речей. Церемониальный меч.

Азалия впервые присмотрелась к нему через стекло. Он напоминал скорее рапиру, чем привычный глазу меч — с таким лет двести назад джентльмены устраивали дуэли — старый, кое-где помятый, неотшлифованный, испещренный темными серыми крапинками по бокам резного орнамента. Азалия приблизилась и подметила тонкую царапину. Она поморщилась, ее передернуло при мысли о металлическом звуке падающего меча в порту.

— Невозможно, — возразила Брэмбл. — Он не волшебный.

— Погоди, — размышляла Азалия. — В начале года он треснул. И он довольно древний. Давайте посмотрим.

С помощью Брэмбл Азалия подняла крышку футляра и мягко поставила ее на пол. Она засучила рукав.

— Не трогай, — предупредила Ева, когда Азалия потянулась к оружию. — Только Королю можно пользоваться мечом. Это... что-то вроде поверья. Я читала.

— Уймись, Примми, — осадила ее Брэмбл.

Девочки затаили дыхание. Азалия медленно сжимала резную рукоять.

Она вскрикнула.

Девочки в панике подхватили крик, превращая его в истошный вопль.

— Ха-ха ха, — Азалия засмеялась и убрала руку. — Я вас разыграла.

Сестры сердито посмотрели на нее. Несправедливо — подумала Азалия. Если бы Брэмбл так подшутила, это вызвало бы всеобщий восторг. Азалия вздохнула.

— Всего лишь старый меч, — сказала она, водворяя стеклянный футляр на место. — Даже если бы он и был заколдованным, мы не сумели бы избавиться от него. Государственная собственность.

Девочки продолжили поиски, теряя энтузиазм к исходу дня, пока их совсем не одолело безразличие в пахнущей кожей и деревом библиотеке. Король отъехал по Д.К.В., и младшенькие играли со стремянками под железным мезонином, кувыркаясь рядом с книжными стеллажами и с глухим звуком врежаясь в стену.

Возмущенные крики и вздохи некоторых сестер привели Азалию к деревянному столу Короля, остальные последовали за ней. Ева изумленно смотрела на утренний выпуск "Вестника", который крепко сжимала Дельфиния. Обе выпучили глаза.

— Снова колонка леди Обри? — поинтересовалась Азалия, на губах промелькнула тень улыбки.

— Вы только взгляните! — завопила Дельфиния. Ее пронзительный, визгливый голос отражался от книжных полок. Улыбка Азалии погасла. Забрав у Дельфинии газету, открытую на разделе объявлений, она просмотрела заметки о помолвках, днях рождения и свадьбах. И там, между двумя публикациями о помолвках, ее внимание привлекло массивное сообщение с чернильной пометкой. Азалия прочла.

ДЕЛО КОРОЛЕВСКОЙ ВАЖНОСТИ. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

МОЛОДЫМ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ, ОТВЕЧАЮЩИМ ТРЕБОВАНИЯМ...

ЗАГАДАНА ЗАГАДКА:

ГДЕ ДВЕНАДЦАТЬ ПРИНЦЕСС ИСБЕРИ

ТАНЦУЮТ ПО НОЧАМ

ТАКЖЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ

ЗНАКОМСТВО И УМЕРЕННОЕ ОБЩЕНИЕ

С НАСЛЕДНОЙ ПРИНЦЕССОЙ

И ТРЕХДНЕВНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ВО ДВОРЦЕ.

ПИТАНИЕ И ПРОЖИВАНИЕ БЕСПЛАТНО.

ЗАЯВКИ НАПРАВЛЯТЬ ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГАРОЛЬДУ ВЕНТУОРТУ ОДИННАДЦАТОМУ, КОРОЛЮ ИСБЕРИ

— Что? — заорала Азалия.

Брэмбл выхватила из рук Азалии газету и прочла сама. Её обуяло смущение, затем ярость. Младшие сестры канючили, желая узнать из-за чего весь сыр-бор.

— Ну, это мы еще посмотрим! — размахивая газетой, пригрозила Брэмбл. Она круто направилась из библиотеки, остальные поспешили за ней. Как по заказу, входная дверь отворилась, вошел насквозь промокший от дождя Король. Едва он закрыл зонт, как перед ним выстроились девочки.

— Что, — Брэмбл трясла газету прямо перед его лицом, — что, сударь, это такое?

Король нахмурился с некоторым удивлением и досадой.

— Итак, вы нашли заметку.

— Естественно нашли! — воскликнула Дельфиния.

Они следовали за ним роем пчел, пока он неспешно снимал мокрые плащ и шляпу.

— Загадана загадка? Белиберда какая-то!

— Как вы могли?

— Теперь вся страна знает, что мы танцуем по ночам!

— Если вы сами изъявите волю признаться, — категорично заявил Король. — я с превеликим удовольствием аннулирую объявление. В этой связи как бы то ни было, вполне возможно, что вы дважды подумаете, прежде чем еще раз дать аналогичную клятву.

— Но, сударь, — возразила Ева. — Разве вы из без того не догадываетесь, куда мы ходим? Зачем затевать Д.К.В.?

Король устало вздохнул и повесил хлюпающий зонт на подставку для зонтиков.

— Ввиду того, мисс Ивнинг Примроуз, — Король назвал Еву полным именем, — что даже я вынужден признать, что несмотря на траур некоторые дела требуют вмешательства.

...общение с наследной принцессой...

Пытаясь подавить тошноту, Азалия припала к массивной библиотечной двери, рука на животе. Вспомнилась шарада на Святки, та, в которой джентльмены наступают на полоски бумаги и танцуют польскую горлицу с той леди, чье имя написано на бумаге. Однако, её положение оказалось даже хуже, ведь речь шла о замужестве, а не о простой игре.

Также всплыло и другое воспоминание: Король передает Азалии приглашение со словами

— Всё дело в том, как вообще знакомиться с молодыми людьми во время траура.

Несколько лет назад, когда она прочла, что наследную принцессу Делчестра обручили с

принцем почти на сорок лет старше нее, Азалия носилась со статьей как с писаной торбой, пока пальцы не почернели от краски.

Тем вечером Матушка расчесывала волосы Азалии. Азалии даже не пришлось ничего говорить — Матушка всё понимала.

— Ох, глупышка, — она сказала тогда. — Не волнуйся ты так. Король никогда не заставит тебя выйти замуж за нелюбимого.

— Ты — трофей на королевской охоте! — Брэмбл оборвала раздумья Азалии. Девочки возле стойки для зонтов полукругом обступили Короля, который твердо стоял на своем.

— Нет, нет и нет, — Король начинал терять терпение. — Ничего подобного. Это такой метод. Сами увидите.

— Матушка бы так не поступила! — упорствовала Брэмбл.

— Она бы не сделала из Азалии приманку! — поддержала сестру Дельфиния.

— Прекратите, немедленно! — приказал Король. — Достаточно. Смиритесь с тем, что вы имеете дело со мной, а не с вашей матерью, и это факт. Это не изменить. Можете презирать меня, как и сейчас, но когда придут гости, мы все будем вести себя достойно, и будем ужинать вместе, словно мы самая счастливая семья! Каковой мы и являемся! Что не понятно?

Король постепенно перешел на крик — девочки замолкли.

— Превосходно, — отметил он, потирая лоб перевязанной рукой. — Ожидаю повторных трапез в вашем обществе. С нетерпением.

ГЛАВА 15

Три дня спустя после занятий девочки задержались в комнатке за кухней, складывая книги и вытирая грифельные доски, когда в раздвижных стеклянных дверях показался Король. Его сопровождал джентльмен в щегольском темно-синем костюме и галстукешарфе со множеством оборок.

— Леди, — официально обратился Король. — Познакомьтесь с мистером Хаеттом. Он является нашим дальним родственником. И нашим первым гостем.

Девочки оживленно зашумели. Взгляд мистера Хаетта задержался на запачканной мелом скатерти, увядших розовых кустах и посапывающем учителе Рамсдене. На лице не дрогнул ни один мускул, лишь в глазах пробежала насмешка. Затем он нацепил улыбку и поклонился.

— Я столь многое слышал о маленьких принцессах, — произнес он, выпрямляясь. — И... Ах! Да это же будущая королева.

Он шагнул вперед и схватил руку Кловии.

Азалия зарделась. Младшенькие тихо захихикали. Пытаясь освободиться, Кловия неистово покраснела.

— Н-н-нет... нет... не я...

Нахмури брови, Король встал между гостем и Кловией и разъединил их руки.

— Мистер Хаетт, в самом деле! Она не старшая дочь. Она даже еще не в подходящем возрасте!

Младшенькие захихикали во весь голос. Ева и Дельфиния хохотали, прикрываясь учебниками. Мистера Хаетт простодушно улыбнулся.

— Прошу меня простить, — сказал он. — Их так много. Вы не познакомите меня?

Представления состоялись, только без Лилии — малютка дремала в детской. Услышав имя Азалии, мистер Хаетт смерил ее оценивающим взглядом и лицо его вытянулось.

Азалия не сомневалась, следующие несколько дней мистери Хаэтту покажутся очень одинокими.

— Вы все будете занимать мистера Хаэтта днем, — сообщил Король. — В садах.

Дошечки с грохотом упали на пол.

Уже через пять минут возле открытых кухонных дверей девочки неуверенно шурились в ярком полуденном свете. Запах похрустывающих листьев позднего лета сливался с ароматами сирени, роз, душистого горошка и жимолости. Сестер ослепили яркие насыщенные цвета зеленого, красного, фиолетового, ведь они не видели сад уже девять месяцев. Азалия вспомнила Матушку — красивую, ясную, такую живую и всегда благоухающую. А Король... он словно каменная стена в сером облачении — дисциплинированный и стройный, надежный и непоколебимый.

— Неужели нам можно? — не верила Флора, в глазах рябило.

— Можно? Можно? — вторила ей Злата.

— Сколько можно твердить? — недоумевал Король, легонечко подталкивая дочерей в сторону тропинки. — Это Дело Королевской Важности! Давайте. Вашим щекам нужен румянец.

Заверещав, младшенькие сломя голову кинулись в кусты. Остальные во главе с Брэмбл и Кловией бросились за ними, напоминая о Пятом разделе — Садовые рравила. Сады — просторные и раскидистые. Почти час требовался, чтобы обойти вокруг, а свернув с выложенной кирпичом дорожки, дети могли и заблудиться. Азалия уже собралась было последовать за сестрами вдоль аллеи, огражденной решетками для вьющихся растений, но чья-то сильная рука удержала ее. Мистер Хаэтт.

— Собственно говоря, — произнес он, невинно улыбаясь и притягивая девушку поближе. — При свете солнца вы даже недурны собой. В ваших волосах появляется дерзкая рыжина.

— Ну, честное слово, — возмутилась Азалия, пытаясь аккуратно высвободить руку. — Мистер Хаэтт, будьте любезны.

— Разве вы не находите меня привлекательным?

— Нет.

Улыбка мистера Хаэтта сползла с лица.

— А теперь слушайте сюда, — выпалил он. — Не в вашем положении проявлять разборчивость. Всем известно, что эта глупая загадка — повод выбрать будущего Короля.

— Ну и... что с того? — поинтересовалась Азалия, не оставляя попыток освободиться.

— А то, что вашему отцу зазывать поклонников пришлось объявлением в газете. И после знакомства с вашей буйной семейкой, мне понятно почему. Моего внимания достойна исключительно ваша хорошенькая сестричка. Тем не менее, если вы по отношению ко мне проявите учтивость эти несколько дней, что ж, возможно я...

— Мистер Хаэтт.

Как по команде мистер Хаэтт выпустил руку Азалии. В дверном проеме, окатывая мистера Хаэтта ледяным взглядом, неподвижно стоял Король. Азалия с благодарностью бросилась к нему.

— Мистер Хаэтт, вы свободны, — изрек Король. — Азалия — на пару слов.

Мистер Хаэтт, всем своим видом выказывая негодование, засеменял по дорожке. Король колебался, и впервые в жизни Азалия увидела, что он неловко себя чувствует. Казалось, все его эмоции свернулись в тугую переплетенную нить.

— Азалия, — наконец произнес он, — по мере развития шарады, ты сообщишь мне, если тебе... понравится... кто-нибудь из джентльменов?

Азалия уставилась на него, краснея по уши.

— Ко...конечно, — заикаясь, ответила она.

Внутренняя нить Короля заметно ослабилась.

— Именно так, — только и произнес он.

Азалия помчалась по парковым аллеям, ее черные юбки развивались в шлейфе ароматов жимолости и сирени. Она уже и забыла о сочности оживающего сада, о фейерверке разбросанных тут и там пестрых соцветий. Пускай сады немного запущенные, пускай на тропинки выполз плющ, а к мраморным статуям прицепился мох — над девушкой радушно возвышались фигурно подстриженные деревца, рощицы, а решетки обвивал цветущий виноград. Она бежала, и на ней плясали тени растений.

Что-то непостижимое таилось в этой шараде, также как и в Короле. Все эти дни Азалия думала, что необычное Д.К.В. лишь способ привлечь потенциального короля, что-то вроде бала, но позволительного во время траура. Теперь же Азалия не понимала, неужели Король затеял эту игру для нее. Почему его так волнует, нравится ли ей кто-нибудь, хотя парламент еще ничего не решил.

Да и сады. Азалия никак не ожидала, что шарада допускает сады. Неужели он знает, как девочки по ним скучали? А ужин семьей. С ним. Как странно. Казалось, раньше подобное его не заботило.

Азалия отыскивала сестер возле фонтанов, рядом с которыми теснились белые изваяния и окаймленные мрамором пруды. Лилась потоками и журчала вода, а легкий ветерок надувая туманную завесу, повсюду рассеивал маленькие радуги. Младшенькие сняли ботинки и чулочки — что было строго запрещено, ведь сады — общественное место, — и погрузили пальчики в болотистые озера.

Азалия присела на краю мраморного бортика фонтана и поведала о словах Короля. Когда она закончила, повисло задумчивое молчание, нарушаемое лишь негромким бульканьем.

— Знаете, — прикрепляя к темным волосам свежесорванный цветок, заговорила Ева. — Иногда я спрашиваю себя, а насколько Король хитер. Я имею в виду, не так как мы, конечно. Но хитрый или даже скорее расчетливый, сохраняя при этом невозмутимый вид.

Брэмбл окунула пальцы рук в пруд со стоячей водой, насылая на дремавшие кувшинки рябь. Азалия никогда не видела сестру такой серьезной.

— Если это правда, — медленно протянула Брэмбл, — то у нас всех есть больше возможности поучаствовать в выборе мужей, чем я думала.

— Не забывай, только мой брак — обязывающий, — Азалия скрестила на груди руки. — Все остальные выбирают сами.

Брэмбл подняла взгляд от воды и улыбнулась: горькая улыбка, а не привычная кривая усмешка.

— Нет, Аз. Я так не думаю.

Она встала, и не переставая грустно улыбаться, вытерла руки о юбки. Затем присела перед Кловией в изящном глубоком реверансе Шлезвиг.

— Кловия очень красивая, — произнесла Брэмбл. — Самая красивая. Видела, как мистер Хаэтт смотрел на нее? Он с превеликим удовольствием женится на ней.

Кловия смяла цветок, который пыталась приколоть к волосам Кейл.

— Кошмар, — пробормотала она, силясь улыбнуться.

— А когда в декабре ей исполнится пятнадцать, — продолжала Брэмбл, — любой, кто ее увидит, тут же за нее уцепится. Она словно золотой соловей. И она невероятно милая. Чересчур милая, чтобы возражать. Она смирится.

Кловия вспыхнула.

— Н-нет. Так... не... будет, — с трудом произнесла она.

— А я, — сказала Брэмбл, и исчезла даже ее натянутая улыбка. — Что ж... я. Приданого нет, зато есть длинный язык. Кому такое понравится? Король обрадуется кому угодно, лишь бы выдать меня замуж.

Журчали фонтаны; тонкие струйки перебивали всеобщее молчание. Азалия схватилась за живот, памятуя о тошнотворном ощущении, которое накатывало каждый раз при мысли о будущем муже. Сегодня она осознала, что и Кловия, и Брэмбл тоже мучаются. Они выглядели такими несчастными.

Азалия поднялась.

— Помните танец, которому обучала нас Матушка? — спросила она, направляясь к стоячему пруду. Среди кувшинок выступали двенадцать восьмиугольных гранитных камней, образуя круг. Камни стояли близко друг к другу, лишь слегка возвышаясь над уровнем воды. — Давайте здесь и вспомним. Прямо на камнях.

Хотя вокруг не было ни души, старших девочек не покидало беспокойство, что какой-нибудь случайный прохожий увидит их лодыжки. Тем не менее, после недолгих увещеваний все сбросили ботинки и чулочки в общую кучу, а Азалия ходила возле края пруда и помогала сестрам забраться на восьмигранники. В ожидании девочки отталкивали кувшинки пальчиками ног.

Азалия последней встала на скользкий камень, и сестры довольно захихикали, когда волны стали плескаться об их ступни. Главное в этом танце — сохранять равновесие и не упасть в воду, прыгая с камня на камень.

— У тебя всегда получается. Получается всё улаживать, — заметила Брэмбл, стараясь не подскользнуться.

— А для чего же нужны сестры, — промолвила Азалия. — Мы присматриваем друг за дружкой. Как же иначе? Король никогда не посмеет выдать тебя замуж по расчету... и я никогда не позволю такому случиться. Обещаю.

Брэмбл, не отрывая взгляда от воды, криво улыбнулась.

Азалия задала темп. Она шесть раз отсчитала по два и девочки уже приготвились перешагнуть... как вдруг из-за ближайших кустов гортензии послышался треск и шелест листьев. От неожиданности сестры едва удержались на камнях.

— Там есть кто-то, — прошептала Жасмин, все насторожились.

Азалия проследила за взором голубых глаз сестренки — на кусты.

— А-ха!

Девочки пронзительно завизжали. Подол Азалии намок, сама она с трудом сохраняла равновесие. За спиной послышался всплеск, потом еще один всплеск. Обернувшись, Азалия увидела, что Кейл и Ева сидят в пруду, откашливаясь и разбрызгивая вокруг себя воду. Очки Евы съехали набок, на голове Кейл оказалась кувшинка.

Из-за кустов раздался хохот и, опираясь на трость, показался мистер Хаэтт. Смеялся он иступленно и даже аплодировал.

— Прекрасно, сударыни, — воскликнул он. — Прекрасно. Застукал ваши танцы в общественном месте, да еще и во время траура. Ох, право же, разве не радость для Короля, если я положил этому конец?

Кейл громко набрала полную грудь воздуха и душераздирающе завопила.

— Вы ужасный человек! — Ева, прыгая к куче с чулками, пыталась перекричать Кейл. — Как вы посмели?!

Мистер Хаэтт захохотал еще иступленнее.

— У вас весьма изящные лодыжки, — выпалил он.

Схватив свои ботинки и чулки, Азалия бросилась во дворец. Напрямую — по траве и через кусты. Девочки побежали следом, оставляя мокрый след. Не переставая смеяться, мистер ХаETT побрёл за ними.

— Ваше Величество! — заорала Азалия в кухне. — Ваше Ве-ли-чест-во!

Ор Азалии, вопль Кейл и гневные возгласы других сестер слились воедино и покатались по дворцу оглушительным эхом.

Из библиотеки вышел Король — в одной руке документы, брови сдвинуты.

— Ну что? Что такое? — сердито спросил он. — Уже и пять минут поработать не даёте.

Девочки яростно пустились в объяснения, а Кейл вновь пронзительно завопила.

— Он... он... он... — задыхаясь произнесла Дельфиния, указывая на мистера ХаЕТта, который все еще хохотал. — Он... это всё он!

— Он... он... он шпионил за нами!

— А на нас даже не было обуви!

— И даже чулок!

Раздался глухой удар. Король отбросил мистера ХаЕТта к стене. Голова его ударилась о деревянную обшивку.

Вопль Кейл оборвался. Она икнула и захихикала.

— Мистер ХаЕТт! — зарычал Король.

Гость тщетно вырывался из железной хватки Короля.

— Ай, — застонал мистер ХаЕТт, — Ай, больно говорю!

Король рывком отдернул мистера ХаЕТта от стены, схватил его за мягкий шарф, точно щенка за загривок, и потащил его к главному выходу. И вышвырнув мистера ХаЕТта вон, захлопнул дверь. Снаружи послышалось шарканье по гравию.

— Больно говорю, — сказала Брэмбл, безупречно имитируя тон мистера ХаЕТта. — Говорю, говорю! А я говорю... это Дело Королевской Важности обещает быть очень забавным!

ГЛАВА 16

Тем же вечером мистер ХаЕТт в полном здравии покинул гавань Исбери. Азалию радовало, что Король, будучи приверженцем старых правил, не вызвал его на дуэль. Девушка искренне полагала, что получить пулю, даже в руку, для мистера ХаЕТта это слишком.

К сожалению отъезд гостя означал целых два дня взаперти. Девочки упрямо кушали в своей комнате, а в перерыве между занятиями Азалия устраивала поиски сахарных зубов, которые заключались в том, что она заставляла сестер обыскивать старые сундуки и пыльные шляпные коробки на чердаках, а сестры в ответ громко жаловались. И стоило Азалии отойти, как невольные помощницы разбежались.

С гораздо большим усердием девочки составляли Список королевских качеств, ведь скоро придет следующий гость. Туда входили такие пункты, как "Нравиться сестрам" и "Дарить сестрам подарки". Поэтому неудивительно, что к появлению мистера Освальда из университета Делчестра, список насчитывал уже четыре страницы.

Джентльмен привез книги, чернильницы и, обладая немалой благовоспитанностью, не возражал, когда девочки толпились возле него и дразнили за широкие кустистые бакенбарды.

— Он пишет книгу о здешних садах, — сообщил Король, сопровождая дочерей в залитый солнцем зеленый сад. — У нас уже есть две его книги. В библиотеке, с северной стороны, секция "О". Что говорите вы? Мисс Азалия? Соответствует ли он списку ваших сестер?

Азалия наострила уши. Неужели Король в самом деле ее подначивает?

— Ему нужно побриться, — Азалия решила подыграть.

— А что плохого в усах? — спросил Король, поглаживая свою коротко стриженную бородку.

Удивленная непривычно веселым настроением Короля, Азалия звонко рассмеялась.

Необычным оказался и ужин: подали запеченную в горшочках рыбу, а девочки, подтрунивая над мистером Освальдом, поставили в центр стола вазу с цветами и без умолку щебетали о садах. Король спросил, как они провели день, и сестры застенчиво ответили, что очень хорошо. Азалия спросила Короля о ране, и вместо ответа он, втянув щеки, поднял перебинтованную руку и пошевелил пальцами. Казалось, ужин ничем не отличался от предыдущего совместного ужина, но сейчас... от него веяло теплом. Внутри у Азалии защемило. Она очень соскучилась по семейным трапезам.

Следующие три дня мистер Освальд бродил по саду и чиркал в блокнотике, пока младшенькие показывали ему сорванные аютины глазки и львиный зев. Писателя покорили фонтаны, лабиринты сирени и окруженные восьмигранниками цветочные часы. Король также не пожелал оставаться в четырех стенах и устроил рабочее место на каменной скамье, захватив из библиотеки чернильницы, документы и промокательную бумагу. И пока он не отрывал взгляда от протоколов, девочки пили чай под балдахином из плюща и жимолости, а прохладный ветерок развеивал им волосы и колыхал платья.

Перед сном Азалия украшала волосы малюток слегка увядшими соцветиями, и довольные крошки вертелись перед туалетным столиком, надеясь уловить отражение в маленьком зеркальце.

Когда прибыл очередной кандидат, Азалия ползала в спальне под кроватями, но вместо сахарных зубов попадались лишь пуговицы, засохшие пауки и пыль. Пришлось прерваться и уделить внимание джентльмену.

Гостем оказался мистер Пенбрук, которому так и не удалось потанцевать с Азалией на Святках. Он и сейчас был такой же взмокший как тогда. Во время чаепития в саду он все говорил и говорил — говорил о парламенте, принятых законопроектах и о том, какой доход приносят поместья его семьи. Брэмбл стояла позади него и делала вид, что выливает чай ему на голову.

В конце концов девочки, захватив кусочки сыра, ускользнули в покрытую яркими цветами листву. Брэмбл, недолго думая, устремилась вдогонку.

— Постой, — окликнула Азалия и, хватая сестру за предплечье, едва не перевернула кресло, в котором сидела. — Нам еще надо обыскать комнату.

— Ой, Аз, ну в самом деле! — Брэмбл высвободила руку. — У нас полно времени. Чем скорее мы их найдем, тем меньше будем танцевать в трауре.

— А вдруг мы не успеем до Рождества?

— Да ну, найдутся, — Брэмбл широко улыбнулась. — Готовые расправиться с новой жертвой. А если повезет, то жертвой будет он.

Мистер Пенбрук, не вставая с плетеного кресла, улыбнулся девушкам растерянной и беспомощной улыбкой.

— Не уходи, — взмолилась Азалия. — Пожалуйста.

Брэмбл опустила в любезно-покидаю-вас реверансе, настолько идеально сохраняя равновесие, что это даже злило. После чего скрылась в кустах.

— Мисс Азалия! Наконец-то мы одни! Это судьба! — обрадовался мистер Пенбрук, хватая ладонь девушки.

— Мистер Пенбрук! — возмутилась Азалия, выворачивая одетую в перчатку руку из его цепкой хватки. — Перестаньте!

— Я безумно увлечен вами, мисс Азалия!

— Ох, ну перестаньте. У меня уже онемели пальцы. Будьте добры, отпустите.

Мистер Пенбрук освободил руку, но с покрытого блестящей испариной лица не сходила улыбка. Поглядев мимо него и даже мимо Короля, который сверлил взглядом мистера Пенбрука, Азалия увидела неподалеку увитую пурпурными цветками изгородь.

— Мистер Пенбрук, — Азалия поднялась. — Извольте пройти со мной по аллеям.

Мистер Пенбрук молниеносно вскочил. Азалия побежала к сиреневому лабиринту. Ветерок ласкал ей лицо, дурманил густой аромат сирени. Она бежала, ныряя под низко свисающие ветви.

— Не отставайте, мистер Пенбрук, — крикнула Азалия, петляя по извилистым зеленым коридорам. — Вам следует поторопиться!

— Ах, да! Ха-ха! Как замечательно, сударыня! Ах... принцесса... вы чуточку торопитесь...

— Догоняйте, мистер Пенбрук!

— Принцесса? Принцесса Азалия? Эй, кто-нибудь?

Чувство вины снедало Азалию, когда она закончила поиски в комнате. Она знала, что поступила нехорошо. К сожалению, мистер Пенбрук принадлежал к числу тех джентльменов, о которых ей нередко рассказывала Матушка. Можно отравить их лошадей, поджечь их особняки, отрезать им пальцы, а они всё равно не разуверятся, что ты премиленькое создание.

С наступлением темноты Азалия послала дворецкого на поиски заплутавшего гостя. Мистер Пенбрук вошел в столовую в полубессознательном состоянии, из волос торчали веточки, но он радостно улыбнулся Азалии. Азалия мысленно застонала.

На следующий день мистер Пенбрук не появился к завтраку. Выяснилось, что Король отправил его писать отчет на сорок две страницы о состоянии моста в Ганновере. Стыдясь по этому поводу своей радости, Азалия помогала миссис Грейби готовить куриное жаркое на ужин — любимое блюдо Короля — и в конце концов решила, что кушать всей семьей еще несколько недель не так уж плохо.

— Недавно уехал восьмой претендент, — спустя несколько недель заявила Ева. Девочки только что оттанцевали в павильоне и теперь, усевшись в круг, завязывали потрепанные пуанты. Было раннее утро. Младшенькие сладко спали, свернувшись клубочками на диванах. Остальные зевали, тем самым намекая Азалии, что пора будить детей и отправляться наверх.

— Восемь джентльменов, — покачала головой Ева. — И с каждым что-то не так.

— Ох, да всё с ними так, — возразила Азалия, шевеля пальчиками ног. Через истертые швы проглядывала кожа. Последнее время выдалось занятым — на красивых каретах подъезжали герцоги или графы, а однажды прибыл и вице-король. Виконт Скантлбери даже помог, хоть и безуспешно, искать на чердаке сахарные зубы, а сэр Дитрих оказался интересным собеседником. Азалия всех считала милыми, но никому не удалось проникнуть в ее сердце.

— Они все чрезвычайно любезны, — сказала она, будто оправдываясь, что ей никто не приглянулся.

— Ты говоришь это, только из-за природной скромности, — заявила Брэмбл. — Мы-то с ними намучились. Ева?

Ева достала сложенный лист почтовой бумаги со списком имен джентльменов, напротив которых красовались наспех набросанные чернильные заметки.

— Герцог Орлингтон.

— Дёрганый. Дальше.

— Барон Розенталь.

— Ха! Он слопал больше Айви!

— Полагаю, это не стоило учитывать... — попыталась заступиться за прожорливого гостя Азалия.

— Маркиз де Ланг, — продолжала Ева.

— Тьфу, да его от земли не видать!

— Не правда, он... — начала Азалия, но потом запнулась. Действительно, не видать.

— Иными словами, суть ясна, — Брэмбл махнула рукой, показывая Еве, что достаточно, и чопорно разгладила юбки на мраморном полу. — Среди них нет ни одного подходящего для тебя.

— Азалия, — вдруг позвала сидящая напротив Дельфиния.

Она наклонилась вперед и облокачиваясь на пол, прошептала:

— А как насчет... ну, ты поняла...

Азалия вспомнила ласковый омут карих глаз и тут же покраснела.

— ...Хранителя, — закончила Дельфиния и прикусила губу, опасливо озираясь по сторонам, словно боялась, что Хранитель может подслушать. Затем посмотрела на Азалию и ехидно ухмыльнулась.

— Хранитель? — изумилась Азалия. — Нет уж, спасибо!

Но на лицах других сестер уже застыли озорные улыбки и Азалия поежилась. Она знала — эти улыбки означали беспощадное издевательство. И несколько последних недель, когда сады меняли свои цвета с зеленого и пурпурного на золотой, красный и желтый, ей не раз приходилось мириться с насмешками. Пока младшенькие боролись за ближайшие рядом с гостем места, Дельфиния рисовала, какими получатся дети Азалии, если она выйдет замуж за того или иного претендента, а Брэмбл больно пинала старшую сестру под столом.

— Хранитель, — сентиментально промолвила Брэмбл и усмехнулась. — Разве ты знаешь кого-нибудь такого же адски красивого?

— Тише, — сквозь зубы процедила Азалия. — Возможно, он тебя слышит!

— И такого шикарного? — продолжала Брэмбл немного потише.

— И такого идеального.

— Я ни у кого не видела таких... пальцев, — вставила Злата.

Воцарилось молчание.

— Ну да, и пальцы тоже, — сказала Брэмбл. Взмахнув рукой, она встала и заставила встать других. Азалия застонала. Танец-игра, где стоящий в круге, коей оказалась она, был в роли мяча, а остальные как бы бросали ее друг дружке и при этом что-нибудь говорили.

— Итак, предположим, что Азалия находит все-таки сахарные зубы. — Брэмбл взяла Азалию за плечи и принялась закручивать. Азалия закатила глаза, но повиновалась. Легкий толчок, и девушка, вращаясь, направилась к Дельфинии.

— Она их ломает, — сказала Дельфиния, поймав Азалию и закрутив еще раз, толкнула к Холли. Этаким мячик в юбке.

— Щелк! — резанула Холли.

Азалию передернуло. Холли неуклюже повернула ее снова к Брэмбл.

— И под несмолкающие салюты, он выходит из перехода! Бум!

Она толкнула Азалию к Еве. Ева остановила Азалию и помолчав, спросила:

— И что потом? Хранителю ведь некуда идти.

Ухмылка Брэмбл растаяла.

— Полагаю, он попытается ухаживать за будущей королевой, чтоб потом жениться. Ему и так Аз больше всех нравится.

Азалия задумалась. Каково это, прижаться к Хранителю, почувствовать, как его длинные пальцы бережно держат ее голову, а губы касаются ее губ. Если он целуется также хорошо, как танцует, то...

Лицо девушки горело от волнения. Устремив пылающий взор на вход, она молилась, чтобы Хранитель не увидел ее такой.

— На красивом черном коне он подъезжает к воротам дворца, — подсказывает Дельфиния, возвращаясь к игре.

И Ева, вновь раскручивая "мячик" произносит:

— Серебряные цветы в его руке и...

— И Король открывает дверь... — пискнула поймавшая Азалию Флора.

Внезапно, девочки остановились. Юбки Азалии еще недолго шелестели, затем замерли. Все поняли, что произошло бы дальше.

— И Король бьет Хранителя прямо в глаз, — подытожила Азалия.

Сестры робко захихикали, хотя так бы и случилось. Азалия улыbnувшись, потрясла головой.

— Что ж, — произнесла Ева, поднимая сонных малюток с подушек. — В любом случае, было бы странно, если бы ты вышла за него.

— Во-во! — подхватила Брэмбл. — Ваши дети исчезали бы повсюду.

Когда девочки уходили, у арочного выхода им кланялся Хранитель. Азалия поблагодарила хозяина и заметила, как дрогнули его пальцы. Интересно, он слышал разговор? В эту секунду Азалия едва не пожелала, чтобы Король на самом деле знал о Хранителе.

Тем не менее, неприязнь, которую Король испытал бы к Хранителю, постигла других претендентов. Король рассматривал всех приезжих джентльменов своим знаменитым леденящим взглядом. Наступил морозный декабрь, укутавший инеем сад, а Король не менее холодно, будто ему всё про всех известно, взирал на виконта Дуккета.

Виконта Дуккета пригласили лишь потому, что когда-то он с Королем прятельствовал в университете. Однако, красивый, превосходно образованный, с проступающей сединой на висках виконт пожаловал ради одной единственной цели — Кловии.

— В моих краях о вашей красоте слагают легенды, — сказал он за ужином. Подавали горячий суп с булочками. Виконт поднял бокал за сгоравшую от стыда Кловию.

— Приятно убедиться, что слухи не преувеличены. За изысканную красоту, сударыня, за романтику, за сказания о золотых волосах!

Недолго думая, Король вышвырнул виконта Дуккета вон.

Обреченные торчать взаперти два дня, девочки пререкались между собой, а Кловия была готова расплакаться в любую минуту. Она подолгу глядела на сад сквозь черные занавески и затем порывисто отходила от окна.

Она также помогала старому садовнику Тому обрезать и подвязывать растения, пока не выпал снег, хотя Азалии казалось, что удовольствия ей садовые работы не приносят.

— Это я виновата, — произнесла Кловия, когда девочки готовили чай в убранной кухне.
— Если бы я не...

— Что? Не родилась такой милашкой? — закончила Брэмбл, расплескав в чайнике воду.

— Вот поэтому нам и нужно друг за другом присматривать. Аз в курсе.

— Зато теперь у нас появилось свободное время на поиски сахарных зубов, — заметила Азалия.

Девочки недовольно охнули.

Когда сестры порезали хлеб с сыром и накрыли хозяйственный стол, вошел Король. От удивления девочки встали. Рядом с Королем очутился облаченный в элегантный черный костюм Фейрвеллер. В руках он держал трость с золотым наконечником.

— Дамы, вот наш гость на следующие два дня, — объявил Король.

Послышался звон падающих ложек.

— Это розыгрыш, — не поверила Брэмбл.

— Хватит! — отчеканил Король. — Министр Фейрвеллер великодушно вызвался, чтобы вы смогли погулять.

— Но вы сказали, что Азалии не придется... — недоумевала Флора.

— Ради Бога! — остановил ее Король. — Просто потерпите его два дня. Понятно?

Фейрвеллера заставили нести корзинку. И одеяло. И горячий чайник. Он не возражал. Через полчаса компания устроилась под раскидистой сосной, удачно защищающей от порывов ветра. Фейрвеллер расстелил одеяло, распаковал бутерброды, разлил обжигающий напиток и не произнес ни слова. На одеяле не хватило места, и он стоял на коленях, опираясь на покрытую мягкой хвоей землю.

Стараясь не встречаться глазами с Фейрвеллером, Азалия дула на чай младших сестер. Ева кашлянула, прервав нависшее молчание.

— А вы, министр, не такой уж страшный, — Дельфиния осмотрела Фейрвеллера с головы до ног. — Красный камзол вам бы очень пошел. Попробуйте надеть его во время выступлений в парламенте. Все женщины будут уговаривать мужей голосовать за вас.

Фейрвеллер поджал губы.

— Я бы предпочел не упоминать политику.

Девочки обменялись взглядами.

— А вы еще о чем-то можете говорить? — съязвила Брэмбл.

— Я могу вести себя приемлемо. Зависит от собеседника.

— Ах, ну и ладно, — невозмутимо произнесла Брэмбл.

— Министр, зачем вы пришли? — спросила Азалия и поставила чашечку на блюдце. — Конечно, это мило с вашей стороны, и теперь мы можем гулять в саду. Но вам же наверняка хотелось остаться в своем особняке. Не секрет, что вы нас недолюбливаете.

Фейрвеллер поднял бледно-серые глаза, и на лице его что-то промелькнуло.

— А за тем, — медленно произнес он, — что мне известно о волшебном переходе в вашей комнате и о том, что вы его нашли.

Зазвенели чашки. Флора схватила Азалию.

— И если вы думаете, что я стану спокойно смотреть, как вас заманят в ловушку или еще похуже, ведь магия...

— В ловушку? — переспросила Кловия.

— Там безопасно! — воскликнула Флора.

— Магия-шмагия. — Брэмбл с силой опустила чашечку. — Мы вас видим насквозь! Вам просто захотелось втереться к нам в доверие. Признайте.

Фейрвеллер еще сильнее сжал губы, потом ответил:

— Это не... единственная причина.

Азалия чуть не поперхнулась. Брэмбл в ужасе раскрыла рот. Кловия покраснела, даже уши ее пылали. Флора решилась заговорить первой.

— Но ведь вы либерал, — заметила она.

— Политика здесь ни при чем, — бесстрастно промолвил Фейрвеллер.

— Мы безмерно придирчивы к потенциальным мужьям, — Брэмбл отщипнула кусок хлеба и добавила: — И к зятьям тоже.

Фейрвеллер встал, едва не ударившись о дерево головой.

— Ваша мысль мне ясна. Впрочем, как и всегда.

И он ушел. Не поблагодарил и даже не поклонился. Просто переступил через игравшую на одеяле Лили, раздвинул хвойные ветви и ушел.

— Ну ладно, так ладно, — процедила Брэмбл.

Пытаясь успокоиться, Азалия нарезала еще хлеба и укутала плечи сестер. Навалилось неприятное осознание, что надо идти домой. Азалия отгоняла образ Фейрвеллера: его противные усики и колючие серые глазки.

Через некоторое время, когда девочки уже собрали корзинку, вдруг послышался чей-то голос. Владелец этого голоса, был даже более нежеланным гостем, чем Фейрвеллер.

— Сударыня, — нараспев позвал голос, рассекая студеной воздух. — Сударыня... Я знаю — вы здесь...

— Великие камзолы! — возмутилась Брэмбл. Кровь отлила от лиц сестер. — Виконт Дуккет вернулся!

Мертвенно-бледная Кловия скользнула за дерево и побежала, куда глаза глядят. Почти в тот же миг у закрытого ветвями прохода показались натертые до блеска ботинки. За ними выглянуло красивое лицо, после чего виконт Дуккет явился целиком, стряхивая сосновые иголки и хищно улыбаясь.

— Вот вы где, — обрадовался он. — Укутались в игрушечный кокон. А где же бабочка-красавица?

— О, Боже. — Брэмбл покачала головой.

— Что вы здесь делаете? — спросила Азалия, нащупывая нож для масла в корзинке. Удалось найти чайную ложку. Лучше, чем ничего.

— Я примчался сделать предложение, — радостно заявил он. — Пока кто-нибудь другой меня не опередил. Когда ей исполнится пятнадцать, нахлынут джентльмены отовсюду, посему я планирую завладеть...

— Ваше Величество! Ваше Величество! — что есть мочи завопила Азалия.

Она знала — Король не услышит. Он в библиотеке, корпит над документами. Тем не менее, Азалия отчаянно цеплялась за надежду, что крик напугает виконта и он оставит их в покое.

— Ах, значит, она улизнула и сейчас где-то поблизости, — не сдавался виконт.

Еще одна пара глянцевого ботинок появилась под ветками.

Азалия едва не заплакала от облегчения. Едва. Это не Король. Тогда кто? Неизвестный не пытался нырнуть под ветками, как Виконт, а решительно отстранял нависшую хвою.

Фейрвеллер.

Министр взглядом обвел присутствующих: Азалия, не выпуская ложку, попятилась к стволу дерева, другие девочки прятались от виконта Дуккета за спиной у Азалии. В руках они сжимали чашечки.

После длительного неловкого молчания, Фейрвеллер обратился к Виконту.

— Кто вы такой? — сухо спросил он.

Виконт оценивающе посмотрел на Фейрвеллера, заметил его элегантный костюм и изящную трость и, постукивая каблучками, слегка поклонился.

— Виконт Анатолии, любезный, — презрительно ответил Виконт, который был на пол головы ниже министра. — Рыцарь четвертого ордена и...

— Вы — виконт Дуккет.

Виконта передернуло от тона Фейрвеллера.

— Он хосет зениться на Квовии, — прошептала малютка Жасмин.

— Я так и понял, — невозмутимо произнес Фейрвеллер. — Также мне известно, что мисс Кловия не ищет себе пару.

— Ах, разве это важно? — Виконт криво усмехнулся. — Мы с вами светские люди, разве нет? Убедить таких как она не составляет труда.

Фейрвеллер недовольно постучал пальцем по наконечнику трости.

— Министр, вы же знаете, что Кловия уехала? — Азалия прикусила губу и умоляюще на него посмотрела. Фейрвеллер ответил ей непроницаемым взглядом. У Азалии опустились руки — он не встанет на ее сторону.

— Мисс Кловия в отъезде, — спустя некоторое время сказал Фейрвеллер. — Она в Вертемберге с отцом. По делам. Если желаете, могу снарядить для вас экипаж.

Девочки не поверили своим ушам. К счастью, виконт Дуккет не заподозрил подвоха.

— Прекрасно! — воскликнул он, щелкая каблуками. — Отрадно встретить в этих местах истинного джентльмена.

Через час девочки отыскали Кловию. Она плакала на каменной скамье, окруженная заросшими фигурками деревьев — львом и единорогом. Сестры окружили бедняжку, накинули на плечи еще одну шаль и поведали о произошедшем.

— Вертемберг, надо же, — ликовала Ева. — Это аж через две страны!

К концу истории Кловия смеялась сквозь слезы.

ГЛАВА 17

— Вас и на пять минут оставить нельзя! Всех джентльменов распугали! — Король, явно недовольный, застал девочек в холле. Они играли в бирюльки. Фейрвеллера и след простыл.

Девочки застенчиво улыбнулись, но о виконте Дуккете умолчали. Король в последнее время пребывал в таком приятном расположении духа, шутил, а выходка виконта только взбесила бы его. Конечно, не обходилось без нравоучений — когда близнецы скользили по перилам, или когда Кейл проливала чернила на ковер, а Холли сшивала занавески. Но за ужином Король всегда спрашивал, как девочки провели день, и интересовался их заботами. Сестры всегда робели в его присутствии и притворялись, что внимание Короля им не требуется, пока однажды вечером Король, уехав по Д.К.В., не пропустил ужин.

Без него было... пусто.

— Он увидел, как мы мерзнем, — сказала Флора, завязывая пуанты декабрьским вечером, — и приказал мистеру Пудингу развести огонь на кухне и в комнатке за ней и добавить по два ведерка угля!

— И он всегда следит за пламенем! — заметила Злата.

— А еще он говорит, что на Рождество нам не придется принимать джентльменов!

— Вот это будет праздник! Самый лучший праздник!

Девочки просияли. С радостным возбуждением они наблюдали, как готовится к зиме сад, скручивая листики и белым инеем укутывая кусты, статуи и тропинки. Сестры нетерпеливо ждали снега и еще кое-чего очень важного — окончания траура.

— Осталось меньше месяца, — сказала Ева. От восторга ее щеки горели румянцем. Она хорошела с каждым днем, и очки нисколько ее не портили. — Чуть больше трех недель.

— Не могу дождаться! — воскликнула Холли.

— Мы сможем сами гулять в саду, безо всяких джентльменов!

— Мы сможем везде гулять!

— И носить разноцветные платья!

— И танцевать!

— Мы и так танцуем, — напомнила Азалия, но наблюдая, как малышки скачут по комнате и с восторгом разбрасывают подушки, улыбнулась. Тем вечером она показывала Рождественскую джигу — джентльмен держит руку леди на уровне глаз, и танцующие кружатся вокруг друг друга. Кавалера Азалии играла Кловия, превосходно справляясь с мужскими па.

— Расходимся, поворот, — командовала Азалия, шурша юбками. Девочки сидели на полу, словно черное пятно на мраморе. Азалия снова повернулась к Кловии...

...и столкнулась с Хранителем.

— Ой!

— Он... как бы... сменил меня, — сбоку послышался голос Кловии. На ее миловидном личике читалось удивление.

Не успела Азалия опомниться, как Хранитель поднял ее руки. Азалия задрожала. Хранитель не отрывал от нее взгляд.

— Ах, эти праздники, — сказал он, с легкостью вращая девушку. — Вы не находите неправильным танцевать без джентльмена?

Азалия поморщилась. По телу разлился жар негодования. Она не любила, когда ею помыкали, и, сама того не сознавая, вырвалась из его хватки.

— У Кловии прекрасно получалось... — возразила она.

Хранитель молниеносно перехватил руки девушки; и у Азалии сперло дыхание и задрожали пальцы — так крепко он вцепился в ее ладони.

— Вы даже не искали, — тихо произнес он. Избегая испепеляющего взгляда, Азалия уставилась на его шею. Над шейным платком выступил мускул. — Вы даже не пытались.

— Пытались, — прошипела Азалия. Кровь прилила к щекам девушки, пальцы пульсировали от боли. — Отпустите меня.

Хранитель улыбнулся, с нежностью.

— Возможно, вам следует искать чуточку усерднее.

Азалия снова выдернула руки. На этот раз в его цепких длинных пальцах остались пустые перчатки девушки.

— Мы успеем до Рождества, — произнесла она.

Хранитель спрятал перчатки в карман, и впервые Азалия увидела, насколько безжизненные у него глаза. Такие тусклые и холодные — совсем непохожие на глаза мистера Бредфорда.

— Не сомневаюсь, — процедил Хранитель.

На следующий день пальцы Азалии вспухли и разболелись. Она с усилием держала ручку и застегивала блузку, а еще ужасно злилась.

— Я не шучу! Если никто не поможет мне с поисками, то мы больше не пойдем в павильон, — возмущалась Азалия, пока девочки одевались на прогулку.

Послышался протестующий гул и топот ног. Азалия сжала кулаки, отчего пальцы заныли еще сильнее.

— А в ручье искала? — спросила Брэмбл. — Вдруг сахарные зубы учуяли там своих сородичей?

Немного погодя, Азалия, принимая во внимание замечание Брэмбл, отправилась в самый отдаленный уголок сада. Долгие годы сюда не заглядывал садовник: буйные корни избороздили кирпичные дорожки, из-за высохшей листвы не пробивалось солнце, торчали ветки. Тянуло гнилой древесиной и сорной травой. И только плющ, лишайник и корни деревьев пробивались через сплошное одеяло сухих листьев.

Следом за Азалией спешил только что прибывший премьер-министр Делчестра лорд Хоули. У него были густые бачки и усы; а из-за непомерной спесивости он даже не заговаривал с младшими девочками. Он всё канючил и канючил: куда Азалия идет, что она делает, — в итоге она сдалась и объяснила.

— Волшебный чайный сервиз? — уточнил он, переступая через корни дерева. — Разве королевская семья Исбери не продала эту древность? Я видел объявление.

— Не продала, — ответила Азалия, не вдаваясь в подробности. Несколько лет назад Матушка сильно заболела, и Король вызвал врача из Делчестра. Задумчивый доктор прописал такие дорогие лекарства, что пришлось уволить одну служанку. Король даже пригрозил, что откажется от сапожника, но Матушка его разубедила. Взамен, сестры полдня пекли на продажу кексы и булки; а Король разместил объявление о старом волшебном сервизе, но почему-то, никто не хотел покупать сахарные зубы, которые могут и глаз подбить.

Тем не менее, всё уладилось, и Матушке стало лучше... немного...

— Вам не пришлось бы продавать имущество, если бы Король увеличил налоги на ввоз и вывоз товаров, — заявил лорд Хоули, прокладывая себе путь по дикой тропе. Азалия очнулась от мыслей о прошлом.

— Налоги, — продолжал он, — и плавающую процентную ставку...

— Король не повышает налоги вот уже двести лет, — резко возразила Азалия. Она оттолкнула ветку, которая тут же вернулась и ударила лорда Хоули. Лорд выругался, но не отступил.

— Будь я королем, я бы это исправил, — проговорил он с натянутой улыбкой, отчего усы у него встали дыбом.

Безупречно балансируя, Азалия развернулась на выломанном кирпиче и широко улыбнулась собеседнику. Она прекрасно знала, что ямочки на щеках особенно заметны при такой улыбке.

— Лорд Хоули, — вкрадчиво произнесла она, — почему бы вам не поведать Королю об этой чудесной трехпартийной системе, про которую вы столько рассказываете. Он с удовольствием вас послушает.

Лорд Хоули отпихнул ветку от лица и ответил:

— Подозреваю, что я ему не сильно нравлюсь.

— Что вы? Он такой со всеми. Кроме того... — Азалия хлопнула в ладоши, все еще неотразимо сияя. — Это его так впечатлит!

— Вы уверены? — оживился лорд Хоули.

— Несомненно! Он обожает, когда ему советуют, как управлять страной!

Король в это время работал в саду недалеко от дома, и лорд Хоули решительно направился к нему. Азалия облегченно вздохнула.

Спустя несколько минут она стояла возле живописного ручья с каменным мостом и вглядывалась в бурный поток. Безнадежно. Слишком глубоко и мутно — дна не видно совсем.

Стараясь уловить отблески серебра, Азалия аккуратно наклонилась к воде. Ничего не заметив, она ловко перепрыгнула на другой камень, ближе к середине течения.

Внезапно что-то привлекло внимание девушки. Темный силуэт... но не черный, скорее темно-коричневый, — широкие плечи, в руках цилиндр и книги. И лишь только Азалия рассмотрела взъерошенные волосы...

...как тут же потеряла равновесие и плюхнулась в воду.

Ее окатило ледяными волнами. Задыхаясь от потрясения, она молотила руками и ногами; потоки уносили мокрые, тяжелые юбки. В ушах искаженным эхом раздавались быстрые удары сердца. Когда вода сомкнулась над головой, удары стали приглушеннее, мягче... Азалия запаниковала.

Теплая рука обхватила ее за талию и поставила на ноги. Жадно ловя ртом воздух, Азалия заглянула в ласковые карие глаза спасителя. Мистер Брэдфорд!

Она закашлялась от смущения — вода была ей всего по пояс. Но гораздо сильнее Азалия смутилась тому, что мистер Брэдфорд, опасаясь сильного течения, все еще придерживал ее за талию.

— Вы как? — встревоженно спросил он. С его лица стекали капли.

Он с тобой говорит! вопил разум девушки. С тобой! Скажи что-нибудь умное! Что-нибудь умное!

Азалия открыла рот:

— Мффлоскоффлфус?

— Не подходящая погода для купания, — заметил он и вытащил ее на берег. Азалия кашляла, стучала зубами и тряслась, а мистер Брэдфорд не переставал спрашивать, как она себя чувствует. Плохо. Ужасно. Сконфуженно. Вот как она себя чувствует.

— Спасибо, — дрожа вымолвила Азалия и неуверенно улыбнулась, пока он помогал ей добраться до разбитой дорожки. — Как вы здесь оказались?

— Пришел вернуть книги, — ответил мистер Брэдфорд. Даже под тяжестью воды, волосы у него торчали как обычно. — Я искал Короля.

Азалия предположила, что он заблудился... даже она иногда петляла в этой части сада. Она настойчиво заявила, что отведет его к Королю. С не меньшей настойчивостью она помогла собрать книги и найти шляпу, которую он, очертя голову, бросил в полчище непокорных корней и опавшей листвы.

Мистер Брэдфорд, к его чести, не спрашивал Азалию, что она делала у ручья; и они, ныряя под низко свисающими ветвями, шли по заросшей тропинке, оставляя на старых кирпичках мокрый след.

— Как бы вы поступили? — стараясь не дрожать, спросила Азалия. Каждый шаг сопровождали неизбежные шлеп, хрясь, плюх, шлеп. — Если бы вас избрали в Палату Парламента?

Взгляд мистера Брэдфорда просветлел.

— Понятия не имею.

— Наверно, первым делом занялись бы водостоками на Дворцовом мосту, чтобы избежать обледенения? — весело подметила Азалия, намекая на случай на Святках.

Мистер Брэдфорд стыдливо улыбнулся, рассеянно приглаживая мокрые волосы.

— Если честно, я размышляю о транспортных проблемах, — признался он. — И о железной дороге.

— Железная дорога! — воскликнула Азалия. — В Исбери?

— В прошлом году я ездил в Делчестр на выставку, — объяснил мистер Брэдфорд, вступая в ухоженную часть сада. Здесь деревья стояли ровными рядами, а непослушные плети вьющихся растений не мешали идти. Таким оживленным своего спутника Азалия прежде не видела. То и дело припрыгивая, он продолжал:

— Поразительная техника, за гранью моего понимания! Они изобрели новый двигатель.

Поршни как-то по-другому двигаются под воздействием силы пара и вырабатывают больше энергии. Это нечто удивительное. Я только и думал, вот бы построить такое в Исбури! Ведь сейчас товары ввозят и вывозят или на кораблях или в повозках...

Он все говорил и говорил — о дорогах, о пропускных пунктах, об импорте, о приросте выручки и об издержках; и к немалому изумлению в голове у Азалии пронеслось — боже мой. Фейрвеллер был прав. Из него выйдет толковый член парламента.

— ...это скушно, — заметил он в конце пути. — Но я могу целый день только об этом и рассуждать.

— Совсем не скушно, — Азалия улыбнулась. — Мистер Брэдфорд, почему вы не баллотируетесь в парламент? Вы станете достойным последователем своего отца.

Веселость мистера Брэдфорда рассеялась, словно пламя задутой свечи. Он затих, взгляд стал серьезным.

Помолчав какое-то время, он произнес приглушенным голосом:

— Правительство уничтожило моего отца. После смерти матери. Работа его изнуряла, а затем и вовсе сломала.

Азалия сочувственно прикоснулась к нему мокрой перчаткой. Легонько, возле локтя. Ей захотелось угостить его гренком, на котором тает масло и растекается ложечка меда.

Глупая мысль, но от нее веяло уютом.

Мистер Брэдфорд повернулся — его грустные глаза излучали надежду. Он положил руку — в такой же мокрой перчатке — поверх пальцев Азалии. Сердце девушки едва не взорвалось.

— Ага! Принцесса!

Отшатнувшись друг от друга, они увидели лорда Хоули, который стоял в конце тропинки и прикладывал к лицу платок. Поодаль, на каменной скамье, сидел разгневанный Король. Запинаясь, Азалия произнесла:

— Лорд... Хоули.

— Какого лешего с вами стряслось? — фыркнул он. — От вас несет как от... от... мокрой тряпки! А вы еще кто такой?

Мистер Брэдфорд замер. Застыли даже его карие глаза. Лишь капли падали с лица и одежды. Он хладнокровно смерил взглядом лорда Хоули, затем посмотрел на Азалию и снова на лорда Хоули.

— Это лорд Хоули, — объяснила Азалия, призывая на помощь всё изящество Наследной принцессы. — Он наш гость. Он здесь по... Делу Королевской Важности.

— Да. Знаю, — мистер Брэдфорд не шелохнулся. — Дело Королевской Важности. Слышал.

Все знают — подумала Азалия, стараясь улыбнуться мистеру Брэдфорду.

— Если лорд Хоули станет Королем, — сказала она, — то он повысит налоги.

— Да ну?

Джентльмены, внешне сохраняя приличия, минуту с вызовом смотрели друг на друга.

— Я ооченела, — разрядила напряженную обстановку Азалия. — Мне надо переодеться. мистер Брэдфорд, вот Король. И еще раз спасибо.

Мистер Брэдфорд заметно смягчился. Он нежно взглянул на нее и грациозно поклонился, по-военному стукнув каблуками.

— Принцесса, — попрощался он.

Азалия побежала во дворец. К следующей их встрече она собиралась во что бы то ни стало вернуть его часы. Юбки и блузка обледенели и царапали кожу, но воспоминание о ласковых карих глазах согревало, и Азалия не чувствовала ни холода, ни боли.

ГЛАВА 18

За неделю до Рождества снег превратил сады в сказочный мир — в солнечных лучах переливались обледенелые прутьики и не желающие опадать листочки, на статуях мерцали снежные шапки, изгороди и беседки укутало белое полотно. Девочки целый день играли в саду, дышали чистым воздухом, а свежий морозец игриво щипал им щечки.

Они забавлялись в снегу, скользили по замерзшему пруду и бросали снежки в барона Губерманна. Новый гость держался достойно, но ударился в бега, стоило проказницам в третий раз сбить с него шляпу, после чего девочки собрались в дальнем углу сада и наблюдали за катающимся верхом Королем.

— Он хороший наездник, — заметила Дельфиния, когда Король пустил Диккенса легким галопом. Проехав мимо, Король кивнул дочерям. Из-под копыт летели комья снега.

— Нам пора, — напомнила Азалия. — Если вы поможете мне накрыть на стол, то мы еще успеем поискать сахарные зубы в серебряном кабинете.

Послышался дружный стон.

— Неужели тебя это еще заботит? — проворчала Брэмбл.

Азалия возмутилась:

— Но у него часы мистера Брэдфорда!

— И что? — невозмутимо парировала Брэмбл. — Мистер Брэдфорд — толстосум. Купит себе другие.

Азалия негодуяще пнула снег, и белые хлопья засыпали ботинок Брэмбл.

— Как бы там ни было, я вот что думаю, — Брэмбл стряхнула снег без малейших признаков обиды. — Нам осталось-то танцевать в павильоне несколько дней, а после мы сможем плясать где угодно. Так почему бы в последнюю ночь не сказать: "Здоров, Хранитель, было потрясно, спасибо тебе, будем и дальше искать заколдованную штуковину, и как найдем, тут же к тебе заглянем. Где тебя найти мы в курсе!" Ну как? По-моему, неплохо. Просто у меня мурашки от одной мысли, что он будет шариться поблизости. Пусть сидит в своем шатре.

— Абсолютно согласна, — сказала Ева, которая так плотно укуталась в шаль, что выглядывали только очки, да тронутые румянцем щечки. — Что Хранитель будет делать, если мы освободим его? У него ни земли, ни дома.

— Хранитель? — Брэмбл поморщилась. — Да кому он нужен? А мы? Король прикончит нас, если расчухает, что мы танцевали рядом с таким экземплярчиком, как Хранитель. Насколько известно, Король последний раз пользовался переходом, когда был мальчишкой — если он вообще был мальчишкой, в чем я лично сомневаюсь. И хорошо бы так все и оставить.

Король на полном скаку остановился возле ворот. Диккенс фыркал и тряс гривой.

— Дамы, идите на лужайку, — позвал Король. — Вы и так уже тут столпились. Правила не запрещают — это королевская собственность. Давайте, вперед.

Девочки со скрипом отворили ржавую и подмерзшую калитку и вступили на ярко переливающийся в сумеречном свете снежный покров.

— Кто-нибудь хочет прокатиться? — спросил Король.

Девочки попятились.

— Нетушки, — пискнула Айви.

— Категорически нет!

— Что-то не очень.

Король сдвинул брови, отчего младшенькие вцепились в юбки Азалии и лишь украдкой поглядывали на Диккенса, который стучал копытом и выпускал из ноздрей клубы пара. Король втянул щеки, кивнул и пустил лошадь галопом.

Немного погодя, когда девочки уже вздохнули с облегчением, Король развернул Диккенса и поскакал обратно. Сестры вскрикнули и прижались к каменной стене. Галопируя мимо, Король склонился с седла и подхватил Холли. Малышка пронзительно завопила.

Азалия в изумлении увидела, как Король, крепко удерживая Холли за талию, посадил ее перед собой. Она уже не кричала, только смеялась. Король рысью промчался вокруг лужайки три раза и натянул поводья возле девочек. Холли сползла с лошади, потрясенная, но на веснушчатом лице сияла довольная улыбка.

— Мы так быстро ехали! — с восторгом произнесла она.

Девочки наперебой упрашивали покатать. Король повиновался. Он усаживал каждую перед собой и скакал вокруг лужайки. Ева, Дельфиния, Айви и близнецы ликовали, вцепившись в гриву Диккенса. Жасмин же вцепилась в шею Короля и уткнулась в его камзол, лишь изредка открывая один голубой глаз. Даже Кловия и Брэмбл согласились прокатиться, но исключительно, как они утверждали, потому, что они держали Кейл и Лилию, а малышей нельзя лишать удовольствия. Соскальзывая с лошади с Кейл на руках, Брэмбл улыбалась, хотя и немного стыдливо.

— Мисс Азалия, — Король потянулся к ней.

— Нет, спасибо, — отказалась Азалия.

Король нахмурился и пустил Диккенса взбивающим снежный ковер галопом. Почти сразу же Король помчался к Азалии и склонился с вытянутой рукой. Девушка не успела понять, что происходит, затем ее резко схватили, перед глазами замелькали бело-голубые пятна, сердце пыталось выпрыгнуть из груди, и в конце концов Король усадил ее в седло.

Когда мир перестал беспорядочно вращаться, Азалия попробовала вырваться обратно на твердую почву.

— Я не люблю ездить верхом! — закричала Азалия.

— Если перестанешь так ерзать, то полюбишь, — произнес Король. — Не слезай! А то шею сломаешь!

Король помчал Диккенса к длинным голубым теням деревьев, натянул поводья и спешился. Азалия, вцепившись в гриву лошади, осталась в седле.

— Давай сама, — предложил Король. — Я учил тебя, когда тебе было шесть. Тогда у тебя маленькой хорошо получалось. Помнишь?

— Нет.

— Ты вспомнила прошлой зимой, — тихо произнес Король, скрестив на груди руки. — Ты отлично скакала, той ночью прошлой зимой, если помнишь, конечно.

Диккенс дернулся, и Азалия, чтобы не упасть, схватилась крепче.

— Уже почти год прошел, — неуверенно вымолвила она.

— Некоторые воспоминания навсегда врезаются в память.

Король, не говоря больше ни слова, помог ей спуститься. Позже, в конюшне, пропитанной запахом сена, Король разрешил девочкам кормить и расчесывать лошадей. Девочки поочередно брали щетки, а Флора и Злата даже отыскивали в кармашках сахарные кубики. И когда Диккенс терся ноздрями о протянутые ладошки, близнецы радостно визжали.

— Где вы научились этому, сударь? — спросила Азалия, когда Король занялся другими лошадьми. — Так подхватывать людей во время галопа?

Король хмыкнул и накинул на Теккери одеяло.

— Военный опыт. Существует древняя традиция, еще со времен революции. Говорят, что

мятежники — кавалерия — прорывались через окна, шипы, и непролазные растения, подхватывали пленников и увозили их прочь из магического дворца. Конечно, история поэтизирована. Тем не менее, традиция сохранилась, и мы ее соблюдаем. Тренируемся на мешках с пшеницей и картофелем.

Азалия улыбнулась.

— Я и не знала об этом, сударь.

Король разглаживая покрывало на спине Теккери, открыл было рот, но тут же закрыл. Спустя минуту, он снова открыл рот и произнес:

— Раньше вы звали меня Папа, помнишь?

Вопрос застал Азалию врасплох.

— Нет, — ответила она.

Король помрачнел. Азалия поспешно добавила:

— Папа... мне кажется... это не очень вам подходит. Никогда даже не думала вас так называть. И девочки тоже. Я только помню, что всегда звала вас сударь. Как-то так.

Король втянул щеки и дернул за край одеяла. Он ничего не ответил. Внезапно Азалию овеяло лошадиным зловонием.

Неловкое молчание прервал восторженный возглас, и Азалия, мысленно благодаря случай, нырнула в главный проход. Оказалось, что Холли, копошась в свисающих седельных сумках, что-то нащупала. Охая, сестры столпились вокруг девочки.

В покрытой веснушками руке она сжимала черную брошку, окаймленную потемневшим серебром. В золотом свете фонарей конюшни мерцала стеклянная поверхность. Азалия подавила изумленный вопль.

— Это Матушкина! — радостно сказала она. — Не все ее вещи заперты!

— Должно быть, она положила брошь в сумку, — предположила Ева. — Наверно, боялась потерять.

— Она... носила ее всё... всё время, — пробормотала Кловия и прикоснулась к верхней пуговице воротничка. — Вот... здесь.

— Какая красивая, — с придыханием произнесла Флора.

Король уже развесил щетки на крючки, согласно порядку — от самой жесткой к самой мягкой, и вернулся узнать, из-за чего подняли такой шум. Он увидел зажатую в ладони Холли брошь, лицо его окаменело. Король протянул руку.

— Отдай. Это не твое.

Холли прижала брошь к груди.

— Я нашла ее в маминой сумке. Можно нам оставить? Она же сёрная. Я буду делиться. Сестно.

— Ее место с вещами Матушки. А не с вашими, мисс Холли.

Азалия ловко встала перед Холли.

— Сударь, почему бы и нет? Мы будем хранить ее по очереди. Это же не нарушит траура.

— Дело не в этом, мисс Азалия.

— А что, если мы просто позаимствуем ее на время? На шесть дней. А там уже и срок траура истечет.

— Мы будем внимательны, — добавила Ева.

— Ох, пожалуйста, сударь! Пожалуйста!

Младшенькие запрыгали вверх, умоляюще сложив ладони, а Айви даже рискнула подергать плащ Короля.

— Прекратить! — приказал Король, уверенным жестом заставляя дочерей замолчать. — Достаточно. Шесть дней, не больше. Шесть. Это понятно? Я поступаю вразрез с моими самыми искренними убеждениями. И чтобы, молодые барышни, ни царапинки!

Той ночью сестры танцевали кадрили. Под оживленный аккомпанемент они выстраивались в два ряда и замысловато менялись местами. Азалия, двигаясь по диагонали и наклоняясь к малышке Жасмин, обратилась к Брэмбл:

— Брэмбл, а ты помнишь, что раньше мы называли Короля Папой?

От неожиданности Брэмбл пропустила па.

— Что?

— Король. Он сказал, что раньше мы называли его Папа. — Азалия прошла с Флорой. — Он уверен в этом. И... — Азалия задумалась. — Кажется, он хочет, чтобы мы снова звали его Папой.

Музыка затихла, однако, девочки даже забыли присесть в реверансе.

— Он так и сказал? — не поверила Брэмбл.

— Нет, не совсем, — пробормотала Азалия.

— Па-па? — с придыханием медленно произнесла Холли. — Его?

— Не очень-то ему подходит, — вставила Ева. — Папа — звучит как книжный персонаж.

— Он... пытается, — заметила Кловия.

Дельфиния уселась на мраморный пол и вытянула ноги. Девочки, как обычно, танцевали до тех пор, пока на пуантах не появятся зияющие дыры.

— Не сможет он стать Папой, — заявила она сурово. — После того, что натворил. Я до сих пор в бешенстве.

Стянув черную перчатку, Азалия посмотрела на рубцы от ногтей, красовавшиеся на ладони. Девушка вздохнула.

Внезапно размышления прервал лязг. Что-то катилось по полу шатра. Брошь! Весь вечер Холли носилась с ней, как с писаной торбой, снимала и натирала подолом юбки, затем снова прикалывала. Последние несколько минут, она вертела брошь в руках и теперь выронила.

— О, Холли, дырявые руки, — Азалия зашагала к решетке, намереваясь поднять украшение. — Если не можешь ходить с приколотой...

Черные перчатки схватили брошь прямо под самым носом Азалии.

Девушка резко выпрямилась.

— Верните! — воскликнула она.

Хранитель стоял так близко, что кроме его черной фигуры, Азалия ничего не видела. Он провел большим пальцем по резной поверхности брошки и затем неторопливо перевел оценивающий взгляд на Азалию.

— Хранитель!

Медленно втягивая воздух, он взял вытянутую руку Азалии — от прикосновения жестких пальцев у девушки сперло дыхание — и прижал брошь к ее ладони.

— Я всего лишь ее поднял, — спокойно произнес он и большим пальцем потер серповидный шрам на ее ладони. Усмешка тронула его губы.

— Спокойнее, спокойнее.

Уши Азалии горели, она отпрянула и отдала брошь Холли. Возвращаясь в комнату через серебряный лес, Азалия, пытаясь избавиться от ощущения скользкого пальца Хранителя, непрерывно вытирала руку об юбки.

На следующее утро в спальне нависла тревога. Тихая тревога — слышались только перешептывания и шелест постельного белья. Холли, Айви и близнецы, с виноватым видом тщательно обыскивая кровати, изо всех сил старались выглядеть непринужденно. Азалия застонала.

— О, Холли. Прошу тебя, только не говори, что ты потеряла то, о чем я думаю.

Холли громко зарыдала.

— Я... я... я не хотела! — всхлипывала она. — Я случайно потеряла!

Теперь уже от воя проснулись все девочки и принялись за поиски. Они выворачивали платья, тщательно их осматривали, складывали, раскладывали и разглаживали. Азалия тронула Холли за подергивающиеся плечи.

— Ты принесла ее в комнату? Вспомни, — сказала Азалия. — Ты приколола брошь к блузе, после того как Хранитель ее поднял?

Холли нервно сглотнула.

— Я не помню! — выла она. — Я, наверно, ее в карман положила!

— Хранитель! — с яростью извергла Азалия.

Портьеры и простыни немного приглушили крик, но все замерли. Брэмбл в последний раз тряхнула башмаки Холли — на деревянный пол упала ложка.

— Мы... не знаем наверняка, что это он, — произнесла Кловия, заворачивая балетные туфельки в ленты.

— О! Уж я-то уверена!

Знакомое чувство бурлящей по венам крови охватило Азалию. Она вспомнила холодные безжизненные глаза, когда Хранитель прижал брошь к ее ладони. Азалия выхватила из кармана передника серебряный платок.

— Передайте учителю, что я не приду, — объявила она. — Скажите, чем-то заболела. Все равно чем. Я верну брошь.

В гневе Азалия мчалась по лесу, не обращая внимания на искрящееся серебро. Спертый удушающий воздух, совсем не напоминал свежесть сада. Мертвый воздух. Отпихнув серебряные ивовые ветви, девушка, громко стуча каблучками, пересекла мост.

Хранитель распростерся на перилах между арочными сводами. До пола свисал плащ, на глаза упала прядь темных волос. Он походил на цепляющуюся к решетке черную изогнутую паутину. Шевелились только длинные, затянутые в перчатки, пальцы.

Словно жуткие щупальца, они проворно наматывали алую паутину, внизу болталась иголка. Вышивальной нитью Флоры он играл в "колыбель для паука" и при этом бормотал детский стишок:

— *Бездумно бабочка садится
На кружевные сети паука,
Ведомая серебряною нитью,
Лишь роскошь она видит пока.
Коварно манит паучок
И "Не пугайся" шепчет
Ласкает ядом хитрых лап
А сам хватает крепче.*

— Где она?

Скрестив руки на груди, Азалия встала в центре танцевальной площадки. От напряжения стучало в ушах.

Хранитель сделал замысловатое движение руками — нить, намотанная вокруг пальцев, приобрела еще более осязаемое сходство с паутиной.

— Ах, сударыня, — произнес он.

— Где она?

Хранитель грациозно прыгнул с перил.

— Знаешь, почему меня зовут Хранителем? — спросил он. — Потому что я собираю и храню. Ты уже должна это понимать.

— Верните ее.

— Нет. Эта первая вещица вашей мамочки, доставшаяся мне. Я ее сохранию.

Под тесными элементами платья Азалии — под корсетом, манжетами, воротником — неистово бился пульс.

— О, не обижайтесь, сударыня, — протянул Хранитель. — Просто, вы не так уж упорно стараетесь. А брошь вашей матери подействует на всех вас... ободряюще.

У Азалии лопнуло терпение. Бурлящие эмоции вырвались наружу.

— Не подействует, — выпалила она. — Забирайте эту дурацкую брошь. Забирайте дурацкие карманные часы. Забирайте перчатки, вышивку и все, что вы там еще украли. Подавитесь. Радуйтесь в одиночку. Мы больше сюда не придем. И нам, прежде всего, никогда не следовало вам верить.

Сопровождаемая шелестом накрахмаленных юбок, Азалия развернулась и зашагала к выходу. От испуга жгло глаза. Хранитель расхохотался.

— Позвольте последний танец, сударыня, раз уж я не увижу вас снова.

Азалия остановилась у порога и обернулась. Сузив глаза, она запечатлела его образ в памяти: выделяющаяся на фоне серебра жилистая черная фигура, волосы с бесцветного лица убраны и завязаны в щегольской гладкий хвостик. И мертвые глаза.

— Я ненавижу танцевать с вами, — заявила она.

Азалия занесла ногу над порогом...

Раздался режущий звук. Казалось, с треском разломился огромный ледник. Окружавшие павильон серебряные розовые кусты почернели, взлетели в воздух уродливыми колючими прутьями и впились в решетку. Азалия едва успела отступить, чтобы шипы, заволакивающие выход, не вцепились в подол платья.

В шатре потемнело. На головой зашипело и с потолка разлился потусторонний желтый свет. Увидев сотни моргающих свечей, вдавленных в переплет купола, Азалия ужаснулась. На стенах оживали жуткие тени.

Азалия расвирепела.

— Немедленно открывай, Хранитель, — зарычала она. — Хватит с меня твоих глупых игр.

— Какая досада, что вы не изволите танцевать, — Хранитель небрежно усмехнулся. Он все еще не двинулся с места. — Я задумал умопомрачительный бал!

Через покрытые колючками стены шатра ворвались вальсирующие пары. Азалию обдало порывом ветра, танцующие кружились пестрыми пятнами шифона и сатина и задевали ее убогие черные юбки. Она подавила крик.

На всех были надеты витиеватые позолоченные маски животных. Мимо промчались золотой шакал и спутница с золотым клювом. Кружево и драгоценные камни окаймляли дырки для глаз. Азалия никогда не видела маскарад, но воображение неизменно рисовало ей куда более невинную картину: наряженных гусарами мужчин и дам с перламутрово-белыми масками на палочке. А здесь — сумбур покрытых золотом хищников и напыщенных исполинов.

В ослепительной веренице пестрых лент и юбок, танцоры образовали две плотные линии, создавая проход, в конце которого стоял Хранитель. Он стоял прямо и наслаждался

происходящим. Из-за тусклого света свечей он выглядел еще темнее и мрачнее; тени он не отбрасывал. Губы его искривились в усмешке.

— Добро пожаловать, сударыня, — произнес он, — ко двору Д'Иса. Вам нравится?

Азалия метнула взгляд на выход. Неужели ей не прорваться сквозь ветви?

— Еще раз спрашиваю, — раздался ледяной тон Хранителя. — Вы удостоите меня чести потанцевать с вами?

— Да чтоб у тебя ноги отвалились, — огрызнулась Азалия.

Хранитель изящно поклонился.

— Полагаю, что это "Нет, благодарю вас", — сказал он. — Тем не менее, я посоветовал бы вам не пускаться в этот танец без партнера. Это может быть, хм... опасно.

Хранитель дважды хлопнул в ладоши, и ряженные барышни синхронно щелчком открыли веера. Азалия попятилась.

— Не торопитесь покидать нас, сударыня. Я пригласил особого гостя. Уверен, вы не позволите себе уйти, не пообщавшись.

Заиграла музыка — прерывистая гнетущая симфония в миноре вместо мелодичного оркестра шкатулки. Хор расстроенных скрипок перешел на форте и танцующие одновременно исполнили па.

Азалия бросилась к выходу. Ей преградили путь. Перед ней кружились в танце медведь, кот и волк. Леди подняли веера и взяли за руки зверей-джентльменов. Азалия отскочила и чуть не врезалась в проталкивающуюся рядом рысь. Яблоку негде было упасть — пары в тесноте двигались друг за другом, сминались женские юбки.

Это всего лишь магия, пыталась успокоиться Азалия. Это НЕ реальность.

Она попробовала пробиться между рысью и волком. Пара резко развернулась, и мужская рука сильно ударила Азалию по лицу.

Бедняжка не поняла что произошло — она лежала на полу, лицо горело от боли.

Съежившись, она успела одернуть руку и спасти ее от туфли с пряжкой, выполняющей шассе. Очень даже реальной. Танцующие и не думали останавливаться.

Утопая в юбках, Азалия с трудом поднялась, и через мгновение пары резко развернулись и направились против часовой стрелки. Оставив кавалеров, дамы раскрыли веера и замахали ими на спрятанные за черно-золотыми масками лица.

Словно в тумане, женщины вскинули руки. Спасаясь от с бледно-розового веера, Азалия отшатнулась и задела веер другой дамы. Сначала она ничего не почувствовала, потом на помятых золотых юбках заметила капли крови. Вытянув шею, девушка увидела, что веер разрезал рукав и прошел глубже.

Азалия зажала порез и отыскала взглядом Хранителя. Тот стоял в дальнем конце площадки — на блестящем красно-золотом фоне выделялась его черная фигура. Он скалился, глядя на Азалию.

Танцующие повернулись кругом и скрестили руки. Хранитель в этой перестановке исчез. У Азалии пересохло во рту. Она сглотнула и встала в ряд, следуя за сменами па. Девушка проговаривала действия, призывала ноги не пропускать движения вальса и кадрили и всячески пробивалась к выходу. В горле щипало от горького металлического привкуса страха, тянуло к земле. Она дрожала всем телом, но тот же страх заставлял ее идти вперед.

Приступая к очередному па, Азалия застыла как вкопанная.

Среди вычурных вихрей танцоров проглядывался неподвижный силуэт в простом платье. Бледное лицо, ямочки на щеках, слегка выбившиеся из прически золотисто-каштановые волосы — у Азалии подкосились колени.

Отпрыгивая назад и отпихивая чужие юбки, Азалия пыталась поближе рассмотреть женщину. Веером ударило по лицу, но девушка даже не почувствовала. Сквозь мельтешащую толпу, Азалия вновь увидела фигуру — сердце бешено заколотилось.

Светло-голубое платье — старое, заштопанное, но опрятное. К воротнику приколоты черная брошка. Азалия крепко зажмурилась.

Танцующие кружились, прижимая свои ладони к ладоням партнеров, затем, словно по команде, расступились на два ряда. Азалия никогда не видела столь тягучего и долгого движения. Плавно, будто под водой, колыхались перья, юбки плыли еще медленнее. Азалия вновь оказалась в одном конце живого прохода, а на другом конце...

...Матушка.

В голове гулко раздалась некогда подслушанные обрывки фраз.

Души жертв...

Его Королевское Величество мог брать в плен души...

У Азалии перехватило дыхание.

Публика разделилась на пары и затанцевала кадрили вокруг матери и дочери. Мелодия ускорила, теперь звучал шумный, распалюющий вальс. Разодетые в дорогие ткани фигуры слились в одно большое размытое пятно. В этом водовороте застыла ошеломленная Азалия, тем не менее, ее эмоции бесновались похлеще пронесившихся мимо ряженных.

Не отводя взгляда от ясных глаз и доброго, но с печатью боли, лица Матушки, Азалия шагнула вперед. Казалось, Матушка силится улыбнуться. Азалия присмотрелась и заметила алые полоски на ее губах, окруженные багровыми подтеками. Нет, не может быть...

У нее зашит рот.

Азалия громко вскрикнула. Обезумев, она помчалась к Матушке, по пути нащупывая в кармане ножнички. Но сегодня она слишком быстро одевалась и не успела по обыкновению их взять. Руки неистово тряслись, ноги подкосились, Азалия начала падать.

Матушка подхватила ее и крепко сжала в объятиях. Она не призрак. Она настоящая! Не эфемерный дух, как описывают в книгах. Матушка обняла Азалию еще сильнее и погладила по волосам. Прижимаясь щекой к блузке, Азалия боялась поднять взгляд, она прерывисто вдыхала аромат детской мази и белого кекса.

Азалия хотела что-то сказать, но слова комком застревали в горле. Матушка слегка отстранилась и вытерла слезы на лице дочери. Даже с зашитыми губами, кровоподтеками, красными от слез глазами, Матушка пыталась улыбнуться. Пыталась утешить.

— Матушка...

Между ними, отдаляя их друг от друга, пронеслись танцующие. Комната завертелась. Азалия отчаянно пробивалась через скопище народа, стремясь вновь уловить желанный силуэт, но видела только пестроту нарядов. Матушка исчезла.

— Хранитель! — завопила Азалия. — Хранитель!

Тяжелыми юбками ее повалило на пол, какая-то женщина наступила на руку каблуком. Из последних сил Азалия поднялась и обуреваемая истерикой, двинулась напролом, но танцующие в ответ толкали ее еще свирепее.

Музыка зазвучала громче, Азалию опять отпихнули на землю, в этот раз бедняжка ударилась головой. В глазах рябило. Подолы юбок задевали ее — неспешные, скользкие, как снежинки, которые ложились все медленнее и медленнее...

Музыка затихла.

Азалия смутно осознала, что осталась одна. Вспыхнуло серебристо-белым, и павильон в мгновение ока вернулся в привычное состояние. Девушка, тяжело дыша, лежала на мраморе. Она даже не знала, слезы это или кровь.

В поле зрения появился черный ботинок, затем колено — это Хранитель присел перед ней. Он задышался, на лице гримаса усталости, но глаза... глаза ликовали.

— Как вы посмели, — отчаяние душило Азалию. — Как вы посмели! Я убью вас!

Длинными пальцами Хранитель погладил царапину на ее руке. Азалия попыталась собрать всю волю в кулак, чтобы лягнуть обидчика, но не смогла. Она беспомощно распласталась на мраморе, будто кровь до последней капли покинула ее вены. Даже не хватило мочи встrepенуться, когда он прижал пальцы к ее шее.

— Тише. Полно же. Тише, — прошептал он и провел ладонью по подбородку бедняжки.

— Какая прелестная идея, — шепотом продолжал он. — За исключением одного "Но" — я не могу умереть.

— Он — это ты, — задыхаясь, выдавила Азалия.

— Несомненно.

Он прижал пальцы к ее губам.

— Полагаю, — прошипел он, — что сейчас ты размышляешь, каким образом можно оградить твою мамочку от дальнейших страданий. Разве нет?

Азалию передернуло.

— И я скажу тебе как, сударыня. Мне нужна свобода. Это все, что мне нужно. Найди и уничтожь заколдованный предмет. Даю срок до Рождества.

Он нажал пальцем на ее губы, как если бы призывал молчать.

— Это наш с тобой секрет, — наказал он. — Никому ни слова. Все в твоих руках.

Выполнишь мои условия и не причиню больше вреда твоей мамочке. Неужто это не справедливая сделка?

Азалию затрясло.

Хранитель встал, рябью заструилась его накидка. Он что-то выхватил из воздуха и бросил на пол. Сахарные зубы сверкнули серебром и со звоном перекатились возле Азалии, а когда остановились — вздрогнули.

— И еще, — добавил Хранитель, обжигая ледяным взглядом. — Ты никогда снова не откажешь мне в танце.

ГЛАВА 19

Азалия не знала, как вернулась в спальню, только смутно помнила, как неуверенно шагнула через мерцающую стену камина и, разбрасывая повсюду сажу, упала на колени.

Свернувшись клубочком, она долго лежала на полу; голова раскалывалась.

Потом она стянула платье и машинально короткими идеально ровными стежками зашила порванный рукав. После этого она налила в раковину воды и промыла порез. Дамское зеркальце отражало ее мертвенно-бледное лицо, пока еще не обезображенное кровоподтеками. Пока.

Она тронула губы. Тут же горло перехватило спазмом, и она быстро отвернулась от зеркала.

На полу, сквозь складки смятого платья, прорывалось тусклое серебряное свечение. Каким-то образом девушке удалось перед уходом сунуть сахарные зубы в карман. Теперь же, рассмотрев их как следует, погнутые и потертые, она нервно сглотнула. Сахарные зубы оказались вывернуты наизнанку, и ранее смотревшие внутрь резцы неестественно выпячивались наружу.

Азалия представила, как Хранитель от нечего делать гнет их и скручивает, а те только вздрагивают в гнущей тишине павильона.

— Вы ведь у него с самого начала, да? — прошептала она.

В ответ щипцы для сахара встрепенулись.

Через несколько минут, уже одетая, девушка зажгла лампы в портретной галерее, освещая футляр с серебряным мечом. Такой старый и тусклый... даже свет не отражает.

— Должно быть, это меч, — вслух произнесла Азалия, обращаясь лишь к бережно обернутым и спрятанным в передник сахарным зубам. Она прикоснулась к стеклу над тонкой царапиной на мече и покачала головой. — Наверняка, он волшебный. Только, как узнать, как он действует?

Усевшись на пол, Азалия прижала колени к груди и спрятала голову в объемные юбки, густо окружившие ее со всех сторон.

Его Королевское Величество и Хранитель — одно лицо. В памяти всплыл затерявшийся на чердаке портрет старика с землистой морщинистой кожей. Художник преувеличил, изобразив его омерзительным и заскорузлым. Но мертвые черные глаза не ввали. Пытаясь унять дрожь, Азалия билась лбом о коленки.

Он захватывал души в плен...

Если Хранитель думает, что она снова приведет к нему сестер, он сильно ошибается. Во что бы то ни стало необходимо не допустить их перехода через камин... и утаить правду. Хранитель узнает, если она им расскажет. Ему ведомо всё. Сморщившись, Азалия вытерла губы о платье. Те швы...

Он обещал не трогать Матушку, так? Он не посмеет... не сейчас, когда от Азалии зависит его свобода. И, пытаясь утешить сахарные зубы, Азалия погладила подол, и кончики ее губ слабо дрогнули в подобии улыбки.

— У меня есть срок до Рождества, — промолвила девушка. — Пять дней. Полно времени, что скажешь?

Сахарные зубы шелохнулись.

Пропустив чаепитие, Азалия бродила по коридорам в поисках сестер. В холле второго этажа до нее донесся глухой стук, сопровождаемый разного рода бряцаньем. Звуки доносились из кладовой мезонина.

— Кто здесь? — спросила Азалия. Затем, осознав, что кто-то заперт внутри, она повернула вставленный в замочную скважину ключ и открыла дверь.

Высыпались веники. Высыпались тряпки. Высыпался джентльмен. На голове — ковш. На шее — неприятно зеленый галстук.

— Лорд Тедди! — воскликнула Азалия.

Лорд Тедди вскочил на ноги.

— Здоров, принцесса А! — приветствовал он, снимая ведро и сияя от счастья. Его кудрявые волосы напоминали гнездо. — Нам не хватало вас за завтраком! Я съел вашу кашу. Надеюсь, вы не в обиде за это.

— Что вы здесь забыли? — удивилась Азалия.

— О! Ха! Я так и знал, что спросите. Я здесь по Делу Королевской Важности. Шарада, знаете ли! Хотя, конечно, вы имели в виду, почему я в шкафу с вениками, так это потому, что после завтрака мы играли в мокропратки и... меня кто-то запер.

— Безусловно, Брэмбл, — заключила Азалия. — Обычно она запирает претендентов в галерее. Вероятно, вы ей совсем не нравитесь.

Лорд Тедди помрачнел.

— Олух, — огорчился он. — Это я про себя. А она такая проворная и ловкая, как хлыст.

Азалия подивилась, с какой скоростью он переключился на свое своеобразное чувство юмора, ни дать ни взять — эмоциональная резинка. Карие глаза просветлели.

— Ну, что сказать? Для этого нужна немалая отвага! — провозгласил он. — Ни одна девушка со мной так не поступала. Какая же она эксцентричная! Какая отважная!

— Вы принесли портрет Матушки?

Пружинка в позвоночнике Лорда Тедди резко дернулась.

— Э-э, — протянул он. — Если честно, нет.

— Ох!

В воображении Азалии совершенно произвольно возник портрет Матушки, но на этот раз — с заштопанными губами. В животе закололо, и Азалия невольно прислонилась к перилам мезонина, хватая ртом воздух, чтобы не стошнило. Она всячески стремилась стряхнуть образ из мыслей.

— Э-э, — лорд Тедди запнулся, глядя, как она задыхается. — Э-э, собственно говоря, с вами все в порядке? Цвет вашего лица... я не хочу сказать... что... Эй, кто-нибудь? Кто-нибудь, говорю? Здесь вообще есть слуги?

— Мне уже лучше, — выдавила из себя Азалия. — Просто... нужно выйти на воздух.

Неуверенной поступью Азалия пошла вниз по лестнице, но стены ходили ходуном, и она, опершись лбом о холодный железный столбик, присела на верхней ступеньке. Лорд Тедди изо всех сил старался приободрить спутницу. Он угостил ее карамельным жгутом, декламировал лимерики*, угадывал ее любимые танцы и рассказывал о своих танцевальных предпочтениях. В конце концов, Азалии удалось прогнать изображение из головы и улыбнуться, наблюдая как лорд Тедди жонглирует монетками, и они приземляются ему на макушку.

*(Лимерик — форма короткого стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы)

— ...понятия не имею, где Кловия, возможно, в саду, помогает старине Тому. Последнее время она туда зачастила... Жас, что?

По коридорам разносился голос Брэмбл. Собиравший на ковре монетки лорд Тедди, выпрямился, и впервые Азалия увидела, как он замер. Из-за угла, окруженная едва поспевающими, а потому, почти бегущими младшими сестрами, явилась Брэмбл. Девочки, завидев лорда Тедди, дружно взволновались и стадом черных юбок бросились к нему.

— Лорд Тедди! — вопила Айви.

— Ворд Тедди! — кричала Кейл. Она совсем недавно начала говорить и за всеми повторяла.

— Эй там! — отбивался лорд Тедди. — Эй! Что вам всем вдруг понадобилось? — сияя от счастья, он подпрыгнул. — А? Ой... ну хорошо, хорошо!

Он выудил из кармана перевязанные лентой сладости. Визжа, девочки без запинки распределили угощение между собой, снимая обертки и вдыхая карамельно-мятный аромат. Одна Брэмбл осталась на своем месте, выпятив челюсть и сжав руки.

— А Брэмбл фкафала, что вы фбежали в леф ф бабочками, — заявила Айви, заглядывая в карман жилета лорда Тедди в надежде найти еще конфетки. Она шепелявила с тех пор, как у нее выпали два передних зуба.

— Я был в лесу с бабочками, — подтвердил лорд Тедди. — Но решил вернуться к чаю.

— Чай мы пили целую вечность назад! — воскликнула Ева. — Вы, почитай, проголодались!

— О! Практически нет! — воодушевленно успокоил ее лорд Тедди. — Я мало ем! Достаточно кусочка ветчины и одну или две конфетки — и я бодр и свеж как огурчик!

Нависла тягучая тишина. Айви виновато посмотрела на зажатые в кулачке сладости.

— У нас есть хлеб, — произнесла Брэмбл. Голос ее гулким эхом раскатился по коридору.
— И сыр. Сожалею, если мы недостаточно хороши для вас.

Лорд Тедди окинул взглядом старое, не раз штопанное платье Брэмбл, и на малую толику секунды радость его погасла. Однако тут же загорелась снова. Мочки ушей окрасились пунцовым.

— Обожаю хлеб! — возликовал он. — Обожаю хлеб с сыром и сыр с хлебом! Постоянно так кушаю! Не удивлюсь, если превращусь в гигантский сырный шар, настолько я его люблю!

Брэмбл отвернулась от него. Уши у нее также побагровели. Когда она подняла взгляд, то на верхней ступеньке заметила Азалию, спрятанную за кринолинами и юбками. Брэмбл протолкнулась через толпу и кинулась к Азалии.

— Аз, — позвала она, падая и на колени и хватая руку Азалии. — На тебе лица нет! Что случилось? Что этот с тобой сделал?

— Ничего, правда ничего, — Азалии пришлось удержать сестру, так как последняя уже рвалась покалечить порда Тедди. В ее глазах пылал желтый огонек. — Успокойся, он здесь ни при чем.

Брэмбл еще раз испепелила взглядом лорда Тедди, но, когда она посмотрела на Азалию, радужка ее спокойно переливалась зеленым. Поймав выбившуюся прядку старшей сестры, она заботливо заправила непослушный локон за ухо.

— Это из-за брошки? — спросила она.

Азалия крепко сжала пальцами железный парапет. Края балясины кололись. Брэмбл скорчила гримасу.

— Кловия говорила, что Хранитель не вернет брошь, подлый ворюга, — рявкнула она. — Зашибенно. Король придет в бешенство, узнав о нашей потере.

— Кого заботит Король? — отозвалась Азалия. — Если придется, сама сообщу ему о пропаже. Но... сначала надо кое о чем позаботиться, — она покосилась на лорда Тедди. Тот доставал монетку из черной шевелюры Жасмин, девочки при этом хихикали, а Жасмин широко улыбалась.

— Расскажу тебе обо всем ночью, — пообещала Азалия. — Когда нашего гостя не будет рядом.

Тем вечером после распития кофе в библиотеке, где лорд Тедди объяснял младшим девочкам правила игры с пером и старыми чернилами, сестры отправились наверх мимо корзину с отремонтированными пуантами. Дельфиния уселась в уютное креслице и, проводя пальцами по волнистым светлым волосам, любовалась своим отражением.

— Я решила выйти за него замуж, — сообщила она. — За лорда Тедди.

— Не дури, — осадил ее Брэмбл, разбрасывая на кровати подушки. — Тебе он нравится, только из-за денег.

— Ну и что? — ввернула Дельфиния. — Я очень даже хорошенькая. А он, если перестанет рифмовать невпопад и научится одеваться по-человечески, и еще начнет сдерживать свой глупый смех, то через пару-тройку лет мы...

— Он вычислит твой расчет. Так что попридержи коней, курочка. Такие как он не женятся на нищих. — скрестив руки, Брэмбл плюхнулась на один из потертых пуфиков.

Продолжая расчесываться, Дельфиния поджала губы. Азалия воспользовалась паузой и положила на стол, дотоле покоившиеся в кармане, сахарные зубы. Девочки в испуге отшатнулись.

Убедившись, что щипцы не двигаются, а лишь иногда позвякивают, сестры осторожно приблизились к столу. Сейчас сахарные зубы не напоминали злого нарушителя спокойствия, и, увидев, что они вывернуты наизнанку, девочки зашептались.

— Кто мог... сотворить такое? — возмутилась Кловия, ласково поглаживая несчастную кухонную утварь.

— Разумеется, Хранитель! — выпалила Азалия. — Конечно же он!

Брэмбл выхватила из стоящей на столе вазы засушенную розу и отломала бутон.

— Мерзавец, — процедила она, отрывая листики. — Когда я его увижу, я покажу ему куськину...

— Нет! — вскрикнула Азалия.

Девочки замерли с лентами от пуантов в руках и уставились на Азалию. Последняя приложила ладонь ко лбу. Голова сильно болела.

— Я имею в виду... что я сама разберусь с Хранителем, хорошо? — оправдывалась она. — А насчет зубов... что ж.

Присутствующие с жалостью воззрились на искореженный кусок металла. Сахарные зубы беспомощно тряслись на столе. Решено было устроить постельку для них из коробки для пудры, усыпанной перетертыми сухими лепестками. Азалия согласилась пробраться на кухню за сахарными кубиками и, возможно, чайной чашечкой, чтобы скрасить одиночество зубов. В глубине души Азалия отчаянно цеплялась за надежду, что если она задержится подольше, то младшенькие уснут, и она уговорит всех не идти в павильон. Такого ранее не случалось, но Азалия заметила, что, прислонившись к Кловии, Кейл и Лилия клевали носом.

Отворив скрипучую кухонную дверь, Азалия увидела Короля. Он пил холодный кофе за протертым хозяйственным столом и в мерцании свечи изучал документы. Его рука шла на поправку, хотя до сих пор различима скованность движений. Он поднял голову, и Азалия невольно накрутила шаль на пальцы. Под суровым взглядом Короля, Азалии всегда казалось, что она пытается устоять на перилах третьего этажа.

— Уже явно поздно, мисс Азалия, — упрекнул ее Король, опустив чашку. — Вам надлежит сейчас быть в своей в кровати.

— Да, сударь, — согласилась Азалия, впившись в бумаги. Он никогда не выпускает документов из рук. Интересно, впервые подумала она, а ему самому нравится работать с бумагами?

— Ты пришла что-нибудь поесть? Ты же знаешь правила.

— Нет, сударь.

— Ты пропустила ужин, — сказал Король и сделал пометку ручкой. — Ты пропустила завтрак и чай, а еще я заметил, как ты подкармливала мисс Айви. Могу ль я увериться, что ты не за едой сюда спустилась?

— Можете, — ответила Азалия. — Будь я голодна, то поела бы. Я хочу взять что-нибудь для девочек.

Услышав тон дочери, Король втянул щеки. Азалия, натянутая как стрела, открыла ближайший к печи ящик и принялась шарить в поисках сахарных кубиков.

— Потеряли, да? — не отводя взгляда от бумаг, спросил Король. — Сегодня никто не носил. Я знаю с точностью до минуты, когда я видел ее в последний раз. Я дарил эту брошь вашей матери, мисс Азалия, а теперь вы ее потеряли.

Азалия затихла, лишь рука дрожала, застыв на холодной банке грушевого варенья, между периковыми и сливовыми джемами.

Естественно он заметил пропажу. Вряд ли что-то способно укрыться от него. Он знал всё...

Или... Не всё. По крайней мере о магии он ведал гораздо больше, чем она. И тут внутри затеплилась надежда. Возможно, ситуация с сахарными зубами поможет кое-что выяснить. Азалия сглотнула.

— Сударь, — обратилась она, закрывая дверцы шкафа и опираясь на него спиной. Резная ручка врезалась в корсет. Дрожь не унималась. — Хм. Вы помните... что сахарные зубы были волшебными?

Король поднял глаза.

— Были? — переспросил он.

Поднявшись в комнату, Король легонечко подтолкнул сахарные зубы. Те повалились на бок, лязгая о полированную поверхность стола. Нервно покусывая губы, позади теснились девочки.

— Жалкий вид, — констатировал Король, внимательно изучив зубы, поглаживая их большим пальцем. Сначала он хотел выгнуть их в нужную сторону, но потом понял, что, если так сделает — металл лопнет. Подумав, он вернул предмет на стол. — Что с ними случилось? Кто их так помял?

Азалию обдало холодными колючими мурашками. Она закашлялась и попыталась их стряхнуть. Должно быть, все испытали нечто подобное, потому как девочки, растирая ладони и съезжившись, повскакивали с пуфов и кроватей. Ева дергала за кончики темных волос. Клятва...

— Давайте рассуждать логически, — произнес Король. — Где волшебный чайный сервиз? Я уже давно его не видел.

Девочки тревожно переглянулись, но Кловия громко заговорила первой. Она сидела на краю кровати и гладила темные кудряшки Лилии.

— Не волнуйтесь. Это моя вина. Я расскажу ему.

Кловия описала, как в приступе бешенства, размозжила сервиз и выбросила его в ручей. На протяжении всей истории она держалась с достоинством, только бледность угадывалась на красивом лице, однако... что удивительно — она не заикалась. Сперва Король нахмурился, затем брови его поползли на лоб, а потом и вовсе он просто смотрел на нее со слегка приоткрытым ртом. Азалия мысленно предположила, что если бы кто-нибудь другой сотворил такое, то Король бы, как пить дать рассердился. Но на милашку Кловию Король мог только глазеть в изумлении.

— Ваша мать часто думала, — медленно начал он, дослушав рассказ, — что настанет день, и ты сотворишь что-то поистине удивительное. Определенно, такого я не ожидал.

Брэмбл ухмыльнулась и подмигнула Азалии.

— Что же теперь делать, сударь? — спросила Флора.

— Что же делать? — повторил Король, переводя внимание на вздрагивающие сахарные зубы. — По-моему, нам следует их обесчарить.

Он ушел, а через несколько минут явился вновь, плотно закрыв за собой дверь. Его раненая рука сжимала старый, испещренный серебряный меч. Погруженный в размышления, Король рассматривал сахарные зубы.

— Обесчарить, — промолвила Азалия, вертя странное слово на языке. — То есть лишить магии?

— Именно.

Девочки увлеченно наблюдали, как он торжественно и бережно опустил меч на сахарные зубы. Прикосновение серебра к серебру ознаменовалось мягким дзинь.

В мгновение ока сахарные зубы утратили лоск. Внешне ничего не изменилось, но... Азалия не находила нужных слов. Каким-то образом, зубы казались умиротворенными и более не шевелились. Послышался дружный выдох.

— Вот так, — произнес Король. Он очень заботливо, словно бездыханное тельце воробушка, поднял зубы и спрятал в карман, затем обратился к дочерям:

— Что делала мама?

— Что, простите?

— Когда приходила пора спать, — уточнил Король. — Расскажите мне.

Сестры обменялись тревожными взглядами — он говорил о Матушке.

— Обычно она помогала девочкам помолиться, — робко ответила Азалия. — И... иногда читала сказки.

Король поставил меч на стол рядом с вазой.

— Хорошо, — сказал он, когда послышались перешептывания. — Я прочту вам сказку.

Шепот стих.

Жасмин соскользнула с кровати и принялась рыскать в сундучке Евы. За ней послушно волочились следом ленты так и не завязанных пуантов. Кристально голубые глазки Жасмин светились надеждой. Она подошла к Королю и в крошечной ручке четырехлетнего ребенка протянула ему книгу.

Устроившись на ковре, Король облокотился о кровать Дельфины и Евы; младшенькие, разглядывая картинки, стеснительно уселись рядом. Кловия прижала к груди Лилию и улыбнулась, отчего проявилась ямочка на правой щеке, а Брэмбл, не вставая с пуфика, ошеломленно смотрела на Азалию.

— В некотором царстве... — начал Король приглушенным голосом.

Он прочитал "Ханса и Гретхен", "Гусей на краю света", "Хрупкую принцессу". Он не смеялся и не озвучивал реплики разными голосами, как Матушка; тем не менее... он справлялся. Комната наполнилась аурой тепла и уюта, в камине потрескивал огонь.

Веки девочек тяжелели, головы падали на бок. Клонило ко сну и Короля, он читал все медленнее и медленнее, пока, наконец, не встрепенулся и, следуя указаниям Азалии, уложил дочерей по кроватям. Затем он забрал меч, пожелав перед уходом спокойной ночи.

Меч! зажужжал разум Азалии. Пытаясь разобраться в собственных мыслях, она перекатывала на столе засушенный бутон розы. Все-таки, меч волшебный! Азалия не знала как именно, но теперь не сомневалась, что с его помощью Гарольд Первый обесчарил замок несколько сотен лет назад. Неудивительно, что Хранитель жаждет избавиться от него! Ведь меч и его может обесчарить!

Внутри затеплилась надежда, и Азалия, сняв с кольшка шаль, побежала в холодный коридор. Бесшумно, босая, она преодолела лестницу и свернула в портретную галерею. В тусклом освещении поблескивали углы стеклянных футляров и золотые кисти бархатных канатов. Азалия направилась к нужному стенду. Король всегда клал вещи на место, и сейчас Азалия радовалась этой его привычке. Она схватила стеклянный футляр с мечом и через десять минут уже сидела в своей комнате.

Никого не потревожив, она зажгла лампу и потушила в камине огонь. Снова и снова она прокручивала в голове план. Она обесчарит переход. Брошь и часы будут навсегда потеряны, но теперь это уже не важно. Главное, что Хранитель утратит силу...

А утратит ли? Азалия колебалась. Клятва на крови... да и меч поврежден...

— Цыц! — приказала Азалия непослушным мыслям. Двумя руками она ухватила за рукоять, шагнула в камин и прислонила серебряное лезвие к метке "ДИ".

Ничего не произошло.

Конечно, когда Король обесчаривал сахарные зубы, тоже ничего не происходило, но тогда она что-то почувствовала — едва уловимое изменение. Запал Азалии затух, уступая место здравомыслию.

И о чем она только думала? Обесчаривание перехода не поможет — Хранитель не может умереть, так? Он останется в шатре, с теми же способностями, только очень разозлится. Азалия догадывалась, что он и без того в ярости, поскольку девочки сегодня пропустили танцы. Если бы ей и удалось лишить проход магии, то Хранитель навсегда завладел бы душой Матушки...

В приступе паники Азалия выхватила платок и потерла им о волшебную метку.

Знак нагрелся до обжигающей температуры. От радости у Азалии немного потемнело в глазах, и она отняла руку. Сглотнув и прихватив меч, она направилась из камина прочь, оставляя за собой черные следы копоти.

Кухня оказалась пуста, и Азалия, тяжело дыша, ворвалась в библиотеку. Несмотря на поздний час, она, не утруждая себя стуком, бесцеремонно распахнула дверь настежь. Оказавшись, к ее удивлению, в непроглядной темноте, девушка зажгла лампу и увидела Короля. Тот лежал под старым одеялом на софе возле пианино. Азалия подошла ближе — Король вздрогнул.

— Сударь! Сударь, вы... Вы что, спите здесь каждую ночь? — нахмурившись, Азалия обвела взглядом жесткую мебель. — Это же неудобно.

Азалия поставила обе зажженные лампы на стол, и Король с непривычки прикрыл глаза ладонью.

— Азалия, ну что ты, в самом деле!

— Я по неотложному делу, — заявила Азалия, взмахивая мечом в направлении Короля. От создавшегося дуновения колыхнулся черный чехол на пианино. — Сударь, скажите, этот меч можно починить?

Король приподнялся, и увиденное не прибавило ему хорошего настроения.

— Великие... плащи, Азалия. Это государственная собственность! А ну живо верни его в галерею.

— Сударь, прошу вас, — молила Азалия, готовая расплакаться. — Скажите, его можно починить? Вы можете вернуть ему полноценную волшебную силу? Как работает его магия? Сударь, пожалуйста!

Внезапно сердце Короля смягчилось. Возможно, он не устоял перед полными отчаяния глазами дочери. Он вздохнул, потер лицо и встал.

— Пойдем со мной, — позвал он. — Пора тебе кое-что узнать.

ГЛАВА 20

Азалия поежилась и натянула плотнее шаль; в холодном воздухе галереи при дыхании клубились облачки пара, различимые даже во мраке. Король разжег камин и добавил углей.

Затем он положил меч на красный бархат постамента и накрыл его стеклянной крышкой. Несмотря на очевидную изможденность, он держал спину прямо, а плечи расправленными. Мысленно Азалия сравнила его с накрахмаленной сталью.

— Только члены королевской семьи и премьер-министры знают, что сокрыто, — пояснил он. — Об этом не принято распространяться.

— Так значит, меч волшебный?

— И нет. И да.

Не чувствуя вкуса, Азалия жевала бутерброд. По пути сюда они заглянули на кухню, и Король, завернув в салфетку кусочек сыра и хлеба, передал скромное яство дочери. Теперь они сидели возле очага на изысканной софе, длинные ножки которой периодически поскрипывали.

— Азалия, ты ведь знаешь о Клятве на серебре. Верно?

При мысли о платке в груди девушки слегка кольнуло.

— Не совсем, — медленно начала она. — Лишь в общих чертах. Если... дать обещание на серебре, то... оно помогает тебе сдержать это обещание? Прямо как... клятва на крови... Азалию передернуло, и она умолкла. Король задумчиво наблюдал за ней.

— Да, — подтвердил он. — Сродни клятве на крови, которую дал Его Королевское Величество до свержения его с престола, но абсолютно противоположное по характеру. Она столь же сильная, но в роли посредника выступает серебро.

— И поэтому серебро... становится волшебным в некотором роде?

— Именно так. Но такая магия намного мощнее. Мощнее магии перехода или чайного сервиза, ведь она запечатана твоим словом. Во времена Повелителя Д'Иса у людей мало что имелось, но все серебро они всегда хранили при себе. Обручальные кольца, семейные реликвии и прочее. Народ верил, что серебро самый чистый из металлов, а потому плавил имеющееся на мечи и клялся защищать свои семью и свою страну. В парламенте мы по сей день так поступаем.

Клятва на серебре. Могущественная магия. Магия, запечатанная серебром. Кусочки головоломки соединялись в голове Азалии в единое целое. Положив бутерброд на колени, она достала из кармана платок Матушки, и, прокручивая его в руках, вспоминала как взволнованно Матушка прижимала кусочек ткани к ее ладоням.

— Не вижу смысла, — произнесла Азалия. — Будь это правдой, платок Матушки был бы волшебный. Но он ничего не обесчарил. Или... — Азалия припомнила, что ей не удалось мечом обесчарить переход. — Может все дело во мне?

Король поднялся и, взяв кочергу, направился к затухающему камину.

— Дело не в тебе, — ответил он. На его освещенном тлеющими углями лице отчетливо вырисовывались морщины. — Короли и министры уже много поколений дают клятвы на этом мече. Оттого и магия глубже проникает. Для поклявшихся. Для гостей, посетителей и даже для тебя это обычный меч. Отсюда следует, что твой платок волшебный для тебя и сестер, но по сути он не обладает силой. Ты же не думаешь, что одно обещание...

— Два, — быстро вставила Азалия. — Матушка заставила меня дать обещание. Перед... перед тем, как она... умерла. Оно...

Чувствуя себя глупо, девушка опустила глаза на подол с хлебом. Она никак не могла списать со счетов то первое обещание... оно казалось таким сильным.

Король задумался, рассматривая платок в руках дочери; в свете лампы серебро мягко переливалось.

— Я подарил этот платок твоей матери, — наконец сказал он. — На свадьбу.

Азалия сжала ладони, молясь, чтобы он не потребовал дар обратно.

Он не потребовал, а всего лишь спросил:

— Что ты пообещала? Можно узнать?

Азалия погладила вышитые буквы. Даже сестры не знали о ее первом обещании.

— Что... я позабочусь о девочках, — вымолвила она.

Последовавшая тишина совсем не походила на неловкое молчание.

— Хотя я не сильно в этом преуспела, — пробормотала Азалия.

Тяжелая рука Короля опустилась на плечо дочери. От неожиданности подобного проявления чувств Азалия потеряла дар речи. Король резко убрал руку, но ласково произнес:

— Ты прекрасно справляешься. Наивно полагать, что платок столь же могущественный, как и меч, но не стану отрицать, что, как бы то ни было, в нем таится глубокая магия. Благодаря тебе.

Сдерживая эмоции, Азалия уставилась на остатки хлеба с сыром. Она вспомнила Матушку, как они сидели рядом в танцевальном зале, и Матушка, приложив ладонь к груди Азалии, рассказывала о самой глубинной магии. О согревающей мерцающей искорке, которая, как Азалия уже знала, не шла ни в какое сравнение с ледяными мурашками Клятвы на серебре.

— А что насчет другой магии? — поинтересовалась она. — О которой часто говаривала Матушка. Той, без названия.

Последовало длительное безмолвие. Король, разглядывая шторы, потер идеально подстриженную бороду. Глаза горели, но в них угадывалась печаль.

— Да, говорят, существует третья разновидность магии.

Позабыв про еду, Азалия ждала продолжения. Король натянуто переступил с ноги на ногу и устремил взор на кочергу.

— Так и есть, — в конечном итоге признал он, — самая глубинная магия. Такая глубокая и редкая, что даже не имеет названия. Серебро не требуется. Она взаимодействует с частичкой тебя самого, изнутри. С твоей душой. Клятва врезается столь глубоко, что размывает грань между смертным и бессмертным, пересекаемую душой. Много странного произошло по воле безымянной магии. По крайней мере, так говорят.

— Что например?

— Не знаю.

— Вы... никогда с ней не сталкивались?

— Нет.

— А вы верите, что она существует?

Король вздохнул.

— Не знаю, Азалия. Правда, не знаю. Но Матушка верила. Горячо верила.

Азалия, вперившись взглядом в дрожащее свечение огня в очаге, размышляла о теплой мерцающей частице. Она уже давно не ощущала заветную искорку, даже когда танцевала. Легко уверовать во что угодно рядом с Матушкой. Но сейчас, мысли о Матушке вызвали образ белых губ и алой нити, и девушке казалось, что во внутренности бурлящими потоками вливалась студеная вода. Азалия быстро встала, опрокидывая на пол хлеб и сыр, и поспешно направилась к стеклянному футляру с мечом.

— В начале года я его повредила, немножко, — заговорила она. — Если его починить, магия восстановит свою силу?

— Скорее всего, нет. Чтобы достигнуть того уровня, необходимо приносить клятву на нем бесчисленное множество раз.

— Ох, — поток ледяной воды вновь наполнил Азалию изнутри, ее колотило, зубы стучали друг об друга. Король накинул ей шаль на плечи, от неожиданности Азалия подскочила на месте.

— Уже поздно, — сказал Король. — Если хочешь, я разведу камин в вашей комнате.

— Сударь, — обратилась Азалия по пути из галереи, — клятва на крови, которую дал Его Королевское Величество... не умирать, пока он не убьет Гарольда Первого... разве Гарольд Первый не умер от старости?

— Говорят, что он поклялся не умирать, пока не убьет генерал-капитана. Что ж, нет, тот, к сожалению, умер от крайне глубокой старости.

— К сожалению? — удивилась Азалия.

Король втянул щеки, очевидно, тема вызывала в нем презрение. В тусклом свете он чрезмерно походил на портрет первого короля, висящего в галерее позади него: те же светлые волосы, коротко-стриженная борода и подбородок.

— Он сошел с ума, — пояснил он. — Наш первый король. Это... часть семейной тайны. Он сверг Повелителя Д'Иса, обесчарил замок мечом, но... — Король дернулся. — Он думал, что Его Королевское Величество все еще здесь. Во дворце.

Кровь отхлынула от лица Азалии.

— Он считал, что дух, или что-то вроде этого, Его Королевского Величества все еще живет в фундаменте или обшивке здания. Сейчас, конечно, глупо так думать. Тем не менее, он передал титул генерал-капитана своему сыну Гарольду Второму и спятил окончательно. По ночам он бродил по замку в уверенности, что Его Королевское Величество вернется и убьет...

— Генерал-капитан! Генерал-капитан! Ведь это вы! — воскликнула Азалия.

— Мисс Азалия, прошло уже много лет! На тебе лица нет... из-за какой-то сказки!

— Первый король! Он говорил...

Азалию оглушило.

Ее состояние во многом походило на испытанный шок в семилетнем возрасте, когда она упала с лошади и от страха перестала дышать. Ощувив гнетущую пустоту, она тогда принялась судорожно ловить ртом воздух. Сейчас к тому же тело ее покрылось жесткими колючками. Дыхание сперло, в горле застрял ком, из легких выкачало весь кислород. От кончиков пальцев на ногах до макушки ее омыло чудовищной волной ледяных мурашек. Бедняжка начала задыхаться.

— Святые небеса, Азалия, что с тобой?

Клятва! От стремительных уколов боли Азалия припала к стене. Не в силах сосредоточиться из-за головокружения, она даже не сразу поняла, что Король взял ее на руки.

Через пять минут в общей спальне поднялся гам. Лилия проснулась и заплакала. Кейл завопила, она всегда шумела уставшая. Король опустил Азалию на кровать, а девочки зажгли свечи и лампы и столпились возле новоприбывших. По коже Азалии до сих пор бегали холодные мурашки, и она тяжело дышала.

— Что стряслось? — спросила Кловия, смачивая в тазике салфетку и вытирая Азалии лоб и щеки.

— Похоже на припадок, — предположил Король. — Может, ее исподнее чересчур туго зашнуровано?

Все девочки, не исключая Азалию, заметно покраснели.

— Сударь, — обратилась к нему Ева, — предполагается, что вам не известно слово на И!

— Разве? Прошу прощения.

Когда к Азалии вернулся здоровый цвет лица, сестры вытолкнули обеспокоенного Короля из комнаты и принялись раздевать старшую сестру. Азалия надеялась, что как только снимут корсет, она сможет отдышаться, однако, она почувствовала себя лучше только спустя два часа и две чашки обжигающего чая. Как бы то ни было страх от безысходности положения остался, и спала Азалия на редкость спокойно.

На следующий день Азалия едва проснулась к ужину. Она влетела в столовую, стяхивая сонное оцепенение, и застала накрывающих на стол сестер, чьи щеки горели румянцем

после игр под открытым небом. Девочки щебетали о текущих мероприятиях, а Кловия выглядела особенно прелестно — волосы подобраны, фигуру подчеркивает корсет, — настоящая леди, хотя ей всего пятнадцать. Пятнадцать! Сегодня же день рождения Кловии, а Азалия чуть всё не проспала, она уже пропустила Главное надевание корсета и праздничную кадриль. Невзирая на подступающую дурноту, она стиснула руки Кловии и, попытавшись улыбнуться, произнесла:

— С днем рождения! Неужели я столько всего проспала?

— Тебе нездоровилось, — сказала Кловия, ответно сжимая пальцы Азалии.

— Я искуплю свою вину. Даю слово. Тебе нравится корсет?

Кловия попыталась сдержать улыбку, но лицо залилось краской.

— Я... в животе чувствую как стучит сердце!

— А то! Вот что значит быть леди! — выкрикнула Брэмбл из всеобщей сутолоки. — Потрясно, да? Обожаю корсеты.

За ужином Азалия без аппетита отхлебнула картофельного супа. Беспокоясь о времени, рука ее все время тянулась к карману с ранее лежавшими там часами. Она боялась, что Хранитель с каждой минутой, которую они проводят не с ним, злитесь все сильнее и сильнее.

Король, напротив, наблюдая Азалию за столом, выглядел довольным, а лорд Тедди казался более чем довольным, потому что таков он был, этот лорд Тедди. Младшенькие сражались за ближайшие к нему места и требовали его внимания.

— Ну хоть Азалия вспомнила, — прошептала Дельфиния. В этот момент Азалия кормила Лилию. — Король ничего не сказал. Ни словечка!

— Он забыл. Я так и знала, — процедила Ева.

— Святые камзолы, Кловия! — Азалия метнула взгляд на сидящего во главе стола. — Ты ему не напомнила?

— Мы... мы же в трауре, — пролепетала Кловия, разглаживая на коленях салфетку. — И... он расстроится, если поймет, что забыл.

— Будь для него это важно, — чопорно отозвалась Дельфиния, — он бы вспомнил.

На противоположной стороне стола царил безудержное веселье — лорд Тедди болтал без умолку, а девочки повизгивали от смеха. Гость уплетал за обе щеки суп и печенье — удивительно, как при этом он оставался худощавым, — и читал "Путеводитель по Исбери", который он специально привез из Делчестра.

— Целый раздел посвящен одним садам! Фонтанам, статуям и прочим садовым штучкам, — восклицал он, а девочки карабкались друг на друга, разглядывая гравюры. — Здесь написано, что, если вам очень повезет, то предоставится возможность увидеть редкие цветы Исбери!

Девочки буйно захихикали, а Холли даже подавилась супом.

— Это мы! — закричала она, откашлявшись. — Мы — цветы Исбери!

— Да! Вы все прекрасные бутончики! — сияя, провозгласил Лорд Тедди. Он оглядел Брэмбл, чьи ярко рыжие волосы украшала веточка остролиста, и улыбнулся.

— Кловия, — заговорил Король. Весь вечер он бросал на Кловию растерянные взгляды, и Азалия знала почему. Сейчас Кловия особенно походила на золотистую копию Матушки: волосы собраны в высокую прическу, глаза сияют и та же озаряющая улыбка.

После неловкого молчания, Король, запинаясь, продолжил:

— Кловия... ты сегодня... очень красивая.

Синие глаза Кловии заблестели.

— Вы правда так считаете? — спросила она.

Король еще раз растерянно взглянул на нее, потом на Азалию, которая одними губами беззвучно проговорила "день рождения".

Король смутился пуще прежнего. Азалия снова повторила попытку. Король открыл рот, но, нахмурившись, тут же закрыл.

— У нее сегодня день рождения, — выпалила Дельфиния, не в силах больше сдерживаться. — Уже целый день у нее главный день рождения, и она ждет, что вы вот-вот вспомните, а вы все никак!

Король замер, так и не успев поднести бокал к губам, на его лице застыло непроницаемое выражение.

— День рождения?

— Ее совершеннолетие, — пояснила Азалия.

— А вы забыли, — пискнула Холли.

Король вышел из оцепенения, поставил бокал на стол и задумчиво произнес:

— Да уж. Я... я не очень-то помню, когда мой собственный день рождения.

— Мое совершеннолетие было в январе, — сжимая бокал, вставила Брэмбл. — Вы тоже забыли. Вас даже не было здесь.

— Весной мне исполнилось восемь, — хныкнула Холли, — и мне не подарили ни одного подарка!

Тут в разговор вступили все девочки.

— В апреле мне стукнуло тринадцать, весь день лил дождь, а у меня даже не было праздничного наряда...

— А нам стукнуло десять... всего два месяца назад...

— Обычно на день рождения я получаю книгу... но... в этом году...

— Вы и о моем дне рождения позабыли...

— И о моем...

Девочки понурились. Король хотел что-то сказать, но не смог подобрать слов.

— Сударь! — жалобно заскулил Лорд Тедди. — Вы и о моем дне рождения замятовали!

У Брэмбл вырвался изумленный смешок, и сама не ожидавшая этого, она шлепнула себя по губам. Напряженность испарилась. Девочки застенчиво засмеялись, чему лорд Тедди заметно обрадовался. Вероятно, ему нечасто встречались барышни, находящие его забавным. Скорее всего, наградой его часто были одни оплеухи.

— Достаточно, — изрек Король с явным облегчением.

Еву послали за вином, и после откупоривания Королем бутылки повеяло некой торжественностью. Примечательно, что Кловия перевернула бокал вверх дном.

— Я бы предпочла воздержаться, — решительно заявила она.

— Да ну? Как Фейрвеллер, что ли? — съехидничала Брэмбл.

— Да, — спокойно отвечала Кловия. — Как Фейрвеллер.

Отказ Кловии от вина немедленно спровоцировал поддразнивания, особенно старалась Брэмбл, но Король в ту же минуту закрыл и убрал бутылку.

— Сегодня день рождения Кловии, — произнес он. — Она вольна делать, что пожелает. Что бы вы хотели на свое совершеннолетие, мисс Кловия? Наверняка, у вас есть пожелание.

Учитывая тон Короля, Азалия предложила сестре попросить пони. Кловия лишь ослепительно улыбнулась.

— Можно нам елку? — молвила она.

Лицо Короля утратило всякое выражение. Азалия прикусила губу. Еще недавно рождественские хлопоты брала на себя Матушка. Даже, испытывая недомогание, она помогала с оформлением. И всегда, напевая песенки и весело смеясь, она вырезала ягодные гирлянды и рисовала акварелью.

— Пожалуйста, — взмолилась Кловия. — Мы можем... отправиться в библиотеку и... и смастерить игрушки и гирлянды. Правда? Как семья... как раньше.

— А что насчет тан... — начала было Дельфиния, но Азалия больно пнула ее под столом.

— Какая замечательная идея, — согласилась она. — Ах, сударь! Прошу вас, скажите да!

Втянув щеки, Король постукивал пальцами по бокалу.

Младшенькие наперебой принялись упрашивать:

— Ах, пожалуйста! Пожалуйста!

— Только ради дня рождения Кловии, — наконец произнес он, и, сопровождаемый восклицаниями: "Ура!", добавил:

— Мы подумаем о возможности поставить елку. Наш дом в трауре. Не забывайте об этом!

— Хорошо, сударь! — пропищали младшенькие, прыгая вокруг стола, пытаясь исполнить кадрили.

Кловия светилась от счастья, и от анельского света ее сияния в комнате стало светлее.

ГЛАВА 21

И вот, меж уставленных книгами стен библиотеки, Кловия принялась за дело. Она усадила преуспевшую в рисовании Дельфинию раскрашивать почтовую бумагу акварелью, а Холли и младшеньких мастерить елочные шары из пряжи. Даже лорд Тедди не остался в стороне и изо всех сил кропел над безупречным завязыванием узлов. Давно уже в библиотеке не звучало такого беззаботного смеха и не царил столь желанного уюта — в кружках остывал горячий сидр, в воздухе витало предвкушение праздника, а Король, занятый написанием речи, удивленно поглядывал на дочерей.

Лишь Азалии было не до веселья. Ее одновременно и радовало и волновало то, что увлеченные рождественскими приготовлениями, девочки позабыли о танцах. Не переставая дрожать, Азалия то и дело кололась иголкой, которой нанизывала сушеные ягоды. В конце концов, в очередной раз поранив большой палец, она извинилась и убежала вверх.

Час стоял поздний. Холодея от страха, девушка шагнула через волшебный переход с единственной мыслью:

"Пожалуйста... Пожалуйста... пожалуйста... пусть с Матушкой будет все хорошо..."

Крепко обхватив плечи шалью, она помчалась через серебряный лес и остановилась только на мосту, сжимая в ладони единственную надежду на спасение — платок. Он ведь волшебный. И, возможно, не позволит Хранителю совершить поистине ужасный поступок. В поддержку своих мыслей Азалия вспоминала, как однажды его передернуло от вида платка.

На серебряном фоне маячил плоский силуэт — это Хранитель бродил по павильону.

— Ах! — воскликнул он и даже не остановился, чтобы поклониться. — Добрый вечер, принцесса. Значит, Ее Высочество все же соизволило удостоить меня сегодня своим присутствием. Потанцевать пришли?

Азалия стояла как вкопанная на мосту и молчала.

— А где остальные?

— Сегодня... день рождения Кловии, — пролепетала она.

— А вчера ночью?

Не зная, что ответить, Азалия отчаянно теребила серебряную ткань.

— Говори же, — настаивал Хранитель. — Простое любопытство. Раньше вы никогда не пропускали танцы.

— Король... прочитал девочкам сказку, и... они заснули.

— Как мило, — процедил Хранитель, облачиваясь на дверной проем. Между его пальцев мелькала алая вышивальная нить. Азалия зачарованно смотрела на нее, и девушке показалось даже, что нить меняет цвет.— Особенно учитывая как вы всем скопом его ненавидите. И не дергайтесь так, сударыня. Думаете, по вам это не заметно? — усмехнулся Хранитель, нить под его длинными пальцами извивалась и все более походила на паутину. — Если вас это утешит, то я с неменьшим чувством презираю вашего папочку.

— Вы даже не знаете его.

— А должен? Достаточно того, что он генерал Вентуорт. Я живу ненавистью к нему. И эта ненависть придает мне сил, питает меня.

Азалия украдкой взглянула на раскинувшиеся за ней ивовые ветви и еще сильнее скрутила платок.

— Мистер Хранитель, пожалуйста. Насчет Матушки... вы... вы не могли бы... может быть... смогли бы разрезать...

— Не исключено, — оборвал ее Хранитель. — Иди домой и приведи завтра сестер. И больше не пропускайте визитов. Тогда посмотрим. Ты искала?

— Едва ли у меня есть выбор.

— Конечно, нет, глупышка.

Увидев, как в тусклом свете мелькнула свисающая с нитки игла, Азалия вжалась в резные перила моста.

— Теперь уходи. А завтра приводи сестер и продолжайте свои танцульки. Вы ведь больше не посмеете пропустить ни одной ночи, — голос Хранителя звучал пугающе спокойно.

Хранитель поднял руки, держа перед собой сплетенную паутиной нить, и на ней сквозь бледную мглу алела надпись:

3 дня.

— Мастерски! — смеялась Матушка, от ее заливистого смеха легчало на душе. Волосы, по обыкновению, слегка растрепаны, неизменно добавляя ей очарования. — Ты гораздо лучше, чем я! Вверх, выше, выше. Очень хорошо! Дамские плащи — в библиотеку, мужские шляпы в...

— В вестибюль. Да, я помню, — Азалия тоже улыбнулась и поднялась, кринолин шелкового бального платья продолжал колыхаться.

— Замечательно. Мужчины будут сходить по тебе с ума. Танцуй со всеми одинокими кавалерами и выбери для себя самого лучшего.

Подле Матушки даже беседа о ее будущем муже не вызывала столь тошнотворного чувства, как обычно. Матушка, подобно патоке в пироге, подслащивала любые напасти.

— Я очень хочу, чтобы ты смогла прийти, — сказала Азалия.

— Твой отец придет.

Азалия уныло покачала головой.

Быть может потому, что в этот раз Азалия не следовала предписанному сценарию, а может, потому что ей не хватило духа взглянуть Матушке в глаза... но внезапно послышался душераздирающий треск, и покрытые цветочными обоями стены обернулись мрачным, увитым черными колючками павильоном, внутри которого бесновались

танцующие пары в масках. По щекам Матушки катились слезы. Она попыталась улыбнуться, но не смогла из-за плотно сшитых губ, и гримаса боли исказила ее лицо.

Азалию сбило с ног волной напудренных париков и объемных кружевных платьев.

Она упала, желудок скрутило...

... и дернувшись, она проснулась. Едва дыша.

Огонь в камине уже потух, и в комнате было холодно. Дрожа, Азалия неуклюже соскочила с кровати и добавила углей. Пытаясь изгнать из памяти разряженных призраков, отпихивающих Матушку, она зажмурившись повторяла:

— Это всего лишь сон. Сон... сон...

Но она все еще могла различить запах детской мази и яичного кекса.

Накануне вечером Азалия, сдерживая рвотные позывы, бессознательно вернулась через переливающуюся завесу. Спустя пару минут явились девочки, восторженно переговариваясь о новых украшениях: расшитом остролисте и шишках с ароматом корицы. Помогая сестрам снять одежды, Азалия натянуто улыбалась, а потом, не раздеваясь, свернулась в кровати калачиком и уснула беспокойным сном.

Решив, что прогулка поможет избавиться от душераздирающего образа Матушки, девушка накинула шаль и ступила в морозное утро.

На рассвете окутанное студеной мглой кладбище мерцало голубоватым светом. Каждая веточка, каждая скамейка и железные ограждения покрывал толстый слой инея. Азалии показалось, что она гуляет по зимнему дворцу, и девушка потеплее укуталась.

Со статуи плачущего ангела над могилой Матушки свисала сосулька, а на голову изваяния упала снежная шапка. Матушка бы нашла это забавным. А Азалия и не думала веселиться. Концом шали она смахнула снег и сбила сосульку. Чувствуя себя покинутой, она уставилась на памятник и, прогнав остатки сна, впала в отчаяние.

Зачем она вообще сюда явилась? Ее вела смутная мысль, что на могилы приходят, чтобы поговорить... или как-то связаться... с умершими. Она надеялась, что каким-то неведомым образом, возле места вечного покоя Матушки, она поймет, как поступить, хотя бы получит намек.

Но теперь, дрожа от холода под голыми деревьями и замерзшей статуей, Азалия осознала, что на кладбище никого, кроме нее, нет. К горлу подкатил комок.

— Где же сейчас эта глубинная магия, Матушка? — срываясь на плач, сокрушалась Азалия. — Где теплая мерцающая искорка? Если бы она существовала, то ты могла бы сделать так, чтобы я хотя бы... хотя бы смогла рассказать кому-нибудь. Ты же говорила, что это сильнее обычного волшебства! Чем мистер Хранитель... и... и...

Едва она произнесла "Хранитель", как острые шипы сковали горло, и девушка, хватая ртом воздух, упала на колени. Покалывание постепенно утихало, и дышать становилось легче.

— Я даже с мертвыми не могу поделиться, — прошептала она и положила голову рядом с изваянием, желая, чтобы ледяной камень обжег ей кожу.

— Глупая клятва. Ну почему я такая безмозглая?

Раздался скрип железных ворот.

На кладбище вошел молодой человек с венком из остролиста в руках. Одет он был в плотный коричневый плащ, на голове — шляпа, а еще от взгляда не укрылись красивый длинный нос и невообразимо взъерошенные волосы.

У Азалии промелькнула безумная мысль притвориться статуей. Однако, понятия не имея, как ее осуществить, девушка вплотную прижалась к изваянию, от всей души желая провалиться сквозь землю. Мистер Брэдфорд сразу заметил несчастную фигурку,

ютившуюся у подножья плачущего ангела. И тут Азалия с ужасом поняла, что он, скорее всего, слышал ее вопли.

— Принцесса! — позвал он, снимая шляпу. — Прошу меня извинить. Иногда я прихожу сюда с утра пораньше до начала мессы. Я вовсе не хотел вам мешать.

— Вы совсем не помешали, — ответила Азалия, словно они беседовали за чашечкой чая, а не дрожали от холода на кладбище. — Я всего лишь... наносила визит.

— Иногда это помогает.

— Нет. Не помогает. Здесь пустота, — не согласилась Азалия.

Мистер Брэдфорд внимательно посмотрел на нее. Затем, шумно ступая по снегу, приблизился к могиле Матушки, встал на колени и положил остролист рядом с Азалией. При этом девушка почувствовала тепло его руки.

— Сударыня, мой магазин расположен неподалеку, и там всегда поддерживается тепло. Могу я предложить вам чашку чая? Вы, кажется, замерзли, а горячее питье вас обязательно согреет.

— Со мной все в порядке, — запротестовала Азалия, пытаясь подняться. — Мне необходимо вернуться во дворец. Нельзя, чтобы меня видели. Траур, сами знаете. Мне идти не далеко.

— Мой магазин ближе. К тому же ваши губы посинели.

— Уверена, что не посинели.

— Ваша правда, больше похоже на фиолетовый.

Азалия поджала губы, пытаясь согреть их и одновременно спрятать, и взглянула на мистера Брэдфорда. Воротник его местами перекрутился, кое-где подогнулся, а темный галстук лежал криво. Удерживая себя от попыток поправить ему одеяние, Азалия вплела пальцы в шаль.

— Прошу вас, — не сдавался мистер Брэдфорд.

А в его глазах — Азалия вдруг поняла, что они цвета коричневого хлеба, — читалось столько тревоги, что Азалия смягчилась.

— Знаете, когда-нибудь вы спасете меня, и я не буду так жутко выглядеть.

— Что вы? Вы всегда прекрасно выглядите, — сказал мистер Брэдфорд.

После этих слов Азалия готова была его расцеловать.

Идти и правда пришлось совсем не много — всего один квартал от собора. И слава Богу, потому как ступни Азалии обернулись ледышками, и ее пришлось почти нести. Мистер Брэдфорд с энтузиазмом помогал ей всю дорогу, как если бы она весила легче перышка. Он накинул на девушку свой плащ, через который Азалия ощутила тепло самого мистера Брэдфорда.

В магазине пахло деревом и маслом. Несколько десятков часов — с кукушками, с колокольчиками, с маятниками в форме розы — выстроились вдоль стен и у стеклянной витрины. И в этом чудесном старинном здании непрерывно тлели угольки, — да, здесь могли себе такое позволить.

В то время, как Азалия медленно оттаивала возле печки, мистер Брэдфорд поставил чайник и достал из кладовки под лестницей другие плащи и накидки.

— Вы часто здесь бываете? — поинтересовалась Азалия, удивляясь непринужденному поведению спутника.

— Да, я постоянно помогаю мистеру Грюнингсу с часами, — признался мистер Брэдфорд.

— Помогаете?

— Мне нравится разбирать механизмы.

Вот в чем дело, подумала Азалия. Она вспомнила, как однажды Король переставил все книги в библиотеке согласно определенному порядку, потому что считал, что так ими удобнее пользоваться. Азалия рискнула предположить:

— И потом, вам нравится их иначе собирать?

Мистер Брэдфорд просиял.

— О, да! Некоторые часовые механизмы совершенно устарели, и приходится заводить их, как минимум, дважды в день. Не сомневаюсь, что и в столь крохотных предметах возможно эффективнее генерировать энергию. — Продолжая улыбаться, мистер Брэдфорд повернулся к отжившей свое верхней одежде. На одном из крючков чулана висел чрезвычайно старый, обветшалый плащ. Мистер Брэдфорд взглянул на ноги Азалии. — Может, еще пальто, чтобы укутать ноги?

Азалия расправила юбки, проследила за его взглядом... и зажмурилась от смущения. Тем темным утром, она, отчаявшись найти ботинки, схватила из корзинки с танцевальной обувью пару, которую она посчитала своей. Что ж, она ошиблась лишь на половину. Одна туфелька, зеленая, и в самом деле принадлежала ей, а другая Брэмбл и была красная. Вид был ужасный и... отчасти даже праздничный.

— Я... я иногда бываю импульсивной... немного, — с досадой призналась Азалия и спрятала ноги под юбки.

— Так значит, слухи не врут. Вы в самом деле танцуете по ночам.

Азалия хотела возразить, но ее внимание привлекло движение за окном. Статная белая лошадь стучала копытами по булыжной мостовой. По ступенькам кто-то поднимался.

Собрав в охапку юбки, Азалия метнулась в ближайшее укромное место — в кладовку.

Мистер Брэдфорд уже ждал ее. Он прижался к стене, а когда она запрыгнула, спрятал ее юбки и закрыл дверцу.

Непроглядная тьма укутала их. Свалилась метла на чью-то голову, судя по всему на голову юноши. Звон колокольчика сообщил о посетителе.

Последовало неловкое молчание.

— Ой, — сказал голос мистера Брэдфорда.

— Простите, — прошептала Азалия, осознав, что навалилась на своего спутника. От него пахло мылом, хвоей и свежим бельем. С трудом она удержалась, чтобы не уткнуться в его галстук и не вдохнуть полной грудью.

— Это, ох, из-за тесноты, мне кажется... — запинаясь промолвил он.

Азалия с жаром зашептала:

— Прошу вас, пожалуйста. Там Фейрвеллер. Не дайте ему меня увидеть. Пожалуйста.

Раздался стук прогулочной трости о стойку. Мистер Брэдфорд взял Азалию за руку.

— Потерпите, — сказал он. Затем, сопровождаемый шелестом юбок, плащей и грохотом злостчастной метлы, он вышел и плотно прикрыл за собой дверь. Азалия следила за происходящим через щелочку, пропускающую тоненький лучик серебряного света.

— Доброе утро, министр, — поздоровался мистер Брэдфорд. — Магазин еще закрыт. Мистер Грюнингс прибудет где-то через два часа.

— Я увидел свет и решил зайти, — это говорил Фейрвеллер, как обычно без всякого намека на эмоции. — Я заказывал женские часы из Делчестра, их еще вчера должны были прислать. Они к вам поступили?

Женские часы? Азалия наклонилась, желая получше рассмотреть Фейрвеллера.

— Я полагаю, вчера вечером был завоз. Как они выглядят?

— Серебряные. На ленточке. И... — На лице Фейрвеллера что-то промелькнуло. Как же Азалия хотела оказаться поближе! — И нежные. Хрупкие и изящные настолько, что... к ним даже страшно прикасаться, боясь сломать.

От удивления Азалия открыла рот. Фейрвеллер! Фейрвеллер влюблен! Она едва не расхохоталась. Ох, бедняжка, издевательски подумала Азалия про возлюбленную Фейрвеллера. Должно быть часики дорогушие, раз он выписал чек. Мистер Брэдфорд извлек из подсобного помещения маленькую коробочку и передал ее покупателю. Тот взял ее с предельной осторожностью и понес словно новорожденного младенца. Изумлению Азалии не было конца и края.

Едва входная дверь захлопнулась, Азалия выскочила из кладовой.

— Святые небеса! В моем чулане леди! — деланно воскликнул мистер Брэдфорд.

— Вы это слышали? — недоумевала Азалия. — Фейрвеллер! Влюблен! Держу пари, часы — подарок на помолвку. Кто же она? Леди Кавершем? Тогда она точно спятила!

Мистер Брэдфорд улыбнулся. Продолжая строить догадки, Азалия помогла приготовить чай, и молодые люди уселись на стулья-стремянки перед чернеющей печью. Закутанная в два плаща девушка постепенно согревалась, попивая горячий чай из старинных кружек.

— Надеюсь, он по-настоящему влюблен в эту даму, — сказала Азалия, задумчиво помешивая напиток. — Да, Фейрвеллер мне не нравится, но я надеюсь, что она его тоже любит. Надеюсь, она не выходит за него замуж из-за денег. Это было бы так... печально. Она должна ценить в нем, прежде всего, разум и душу.

— Вы романтик? — спросил мистер Брэдфорд.

— Нет. Не в этом дело, — возразила Азалия. — Думаю, об этом все мечтают. Например, я бы хотела, чтобы кто-нибудь, вроде...

Она резко замолкла, ужаснувшись, что она сначала говорит, а потом думает. Она едва не сказала: "кто-нибудь, вроде вас".

А потом она осознала весь смысл происходящего.

Она влюблена!

Кружка затряслась в руках, Азалия сморгнула. Влюблена! Она никогда даже не задумывалась о любви — а зачем? Парламент выберет ей мужа. Но вот перед ней он — идеальный правитель (даже сам Король признал бы это) и идеальный джентльмен с добрыми глазами цвета коричневого хлеба и утонченными манерами, прагматичным умом, взъерошенными волосами, робкой улыбкой... Какой же он очаровательный.

Азалия внезапно устыдилась и покраснела.

— Согласен, — продолжал разговор мистер Брэдфорд. Даже голос у него приятный. — Думаю, вы правы.

— Ха. Так-то! — выпалила Азалия, испытывая легкое головокружение.

— По правде говоря, мне даже немного жаль вашу старшую сестру.

Тиканье настенных часов обернулось ударами хлыста.

Азалия медленно опустила кружку.

Ох...

Она совсем забыла! Он до сих пор думает, что она Брэмбл! Теперь в голову полезли еще менее радужные мысли. Вероятно, часы его утеряны навсегда. И... с какого перепуга, он ее жалеет?

— Жалеете? — тихо переспросила Азалия.

— Она супруга будущего короля. Сомневаюсь, что в таком союзе можно рассчитывать на искренность.

Азалия крепко сжала чайную ложку.

— Но... что если она... найдет того, кто... возможно... искренне ее полюбит? — не сдавалась Азалия.

— А будет ли он тогда хорошим королем? — ответил мистер Брэдфорд. — Мне кажется...

— Из вас бы вышел отличный король, — перебила его Азалия.

Мистер Брэдфорд явно не ожидал такого ответа и некоторое время просто помешивал чай.

— Сомневаюсь, — наконец изрек он.

— Не сомневайтесь. — Азалия, настолько крепко вцепилась в кружку, что обожгла ладони. — Вы благоразумный и добрый, и разбираетесь в политике...

— Дело в... королевском сане, — краснея, принялся объяснять мистер Брэдфорд. — Я... я никогда не хотел быть королевской особой.

Внутри у Азалии всё упало. Сердце, желудок, кровь до последней капли и все остальные внутренние органы человеческого тела рухнули к пяткам. Обескураженная, она пялилась на дно кружки.

— Вы и в самом деле так категоричны? — спросила она.

— Это было бы... жутко, вы не находите?

— Жутко, — повторила Азалия, скрывая за улыбкой наворачивающиеся слезы.

— Ваш отец превосходно справляется, — поспешил уверить мистер Брэдфорд, очевидно поняв, что разговор свернул в другое русло. — Он превосходный король... даже, лучший. Я всего лишь хотел сказать, что...

— Нет-нет, — сдавленно произнесла Азалия. — Вы абсолютно правы. Ни один разумный джентльмен не согласится быть королем. Наследной принцессе очевидно не стоит рассчитывать на многое.

Азалия поднялась, поставила кружку на стеклянную витрину возле чайника и туда же положила ложку. Более ее ничто не задерживает.

— Я всего лишь хотел сказать, что... — пытался закончить мысль мистер Брэдфорд, — что... что... мисс Брэмбл... Он встал, склонился вперед, потом откинулся назад, не решаясь подойти, в конце концов он остался подле печки, все еще нервно помешивая чай — дзинь, дзинь, дзинь.

— Я всего лишь хотел сказать... мисс Брэмбл, я знаю вы в трауре. Но я подумал, что возможно... могу навещать вас. После траура. Конечно, если вы не возражаете. Разумеется. И если ваш отец не возражает. Разумеется.

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Дзиньдзиньдзиньдзиньдзинь...

— Мне пора уходить, — заявила Азалия.

Самообладание напрочь покинуло мистера Брэдфорда. Азалия понимала, что он слишком сообразительный молодой человек, чтобы неправильно истолковать ее ответ.

— Разумеется, — произнес он.

— Мое отсутствие заметят за завтраком.

— Раз-умеется, — заикаясь согласился мистер Брэдфорд. Неведомым образом ему удалось вернуть серьезный вид и он помог Азалии собраться. — Если желаете, я могу вызвать экипаж и сопроводить вас обратно. Возьмите пальто — на улице мороз.

— Мне не нужен экипаж. Я прогуляюсь.

Азалия едва сдерживала рыдания.

— Нет, — запротестовал мистер Брэдфорд с какой-то незнакомой ноткой в голосе. — Вы замерзнете. Поэтому вы поедете в экипаже.

Азалия круто развернулась, намереваясь посмотреть ему прямо в глаза...

И мистер Брэдфорд добавил:

— Пожалуйста.

Она уступила. Пришлось. Нельзя винить человека за то, что он добр к ней. Азалия укуталась в старомодный женский плащ, а мистер Брэдфорд нанял карету. Через несколько минут они уже катили ко дворцу, сидя друг против друга и пребывая в неловком молчании. Внимание молодого человека, казалось, полностью поглотил лежащий на коленях хлыст. Он все вертел и вертел его в руках, и в итоге прорезал перчатку. Азалия чувствовала себя несчастной.

Как она могла вести себя так глупо? Она же всегда знала, что случится так и никак иначе, она лишь опрометчиво понадеялась, что...

Азалия отвернулась к окну и заплакала. Тихонечко, про себя. Так плачут, когда в горле стоит ком, на душе отчаяние, но еще можно сдерживать слезы.

— Вы на меня сердитесь, — наконец произнес мистер Брэдфорд, и откинувшись на кожаном сидении, нащупал в кармане платок для Азалии. — Я... Я, наверно, поступил неправильно. Надо было сначала спросить вашего отца или попросить тетю, чтобы она позвала вас на чай, или...

— Нет. Вы здесь ни при чем. Обстоятельства так сложились.

Мистер Брэдфорд пару раз сморгнул и продолжил с той самой непривычной резкостью в голосе:

— Обстоятельства. Разумеется. Естественно, так сложились обстоятельства. Вы вольны принимать ухаживания от любого кавалера, правильно я вас понял?

Он снова принялся исступленно вертеть рукоять кнута.

— Раз уж я не позволил вам замерзнуть до смерти, откройте мне эти обстоятельства, мисс Брэмбл. Имеет ли ко всему этому отношение некий мистер Хранитель?

Азалию обуял страх, кровь отхлынула от лица. Она тот час подняла голову, но теперь мистер Брэдфорд уставился в окно, избегая ее взгляда.

— Я слышал вас на кладбище, — промолвил он, наблюдая за мелькающими домиками и кирпичными магазинами — Простите меня, я не должен был подслушивать. Он один из участников вашего Дела Королевской Важности?

Азалия скривилась. Мистер Брэдфорд расценил это как отрицательный ответ.

— Значит, он просто джентльмен.

Азалия попыталась сглотнуть, но во рту пересохло. Мистер Брэдфорд повернулся, вид у него был явно озадаченный.

— Здесь замешана... магия?

Азалия поперхнулась. Экипаж дернулся и остановился возле дворцовых ворот, и девушка, не дожидаясь помощи мистера Брэдфорда, бросилась к двери.

— Я уже опаздываю. Спасибо за чай. До свидания.

Мистер Брэдфорд выпрыгнул из кареты секундой позже.

— Подождите... мисс Брэмбл...

— Не называйте меня так! — не выдержав, воскликнула Азалия.

В добрых глазах мистера Брэдфорда мелькнули уколы боли.

— Принцесса Брэмбл...

— Я принцесса Азалия. Ради бога, Азалия я, — вырвалось у девушки. — Тогда на празднике я дала вам платок Брэмбл. Я... собиралась рассказать вам. Прошу меня извинить.

Мистер Брэдфорд нахмурился, но тут же его темные брови поползли на лоб. Он открыл рот, но не вымолвил ни слова.

Азалия не могла больше смотреть. Она вбежала в ворота, промчалась вдоль сада, легкие у нее горели, пышные юбки путались под ногами. Она припала к кирпичной стене замка, всхлипывая и пытаясь изгнать воспоминание о мистере Брэдфорде и о том как его ранили ее замечания.

Ей не скоро удалось успокоиться, и, когда уже не осталось ни мыслей, ни эмоций девушка вошла внутрь. Теплый воздух кухни ожег ей щеки. В эту минуту она, как никогда, хотела рухнуть в кровать. Тем не менее, минуя стеклянные двери комнатки за кухней, Азалия замерла. Вместо привычного утреннего зрелища — клюющих носом девочек и просматривающего почту Короля, — она увидела живо беседующих сестер и лорда Тедди, который раздавал всем лепешки. Озадаченный Король сидел во главе стола. Лорд Тедди смеялся и разглагольствовал столь громогласно, что Азалия без труда его слышала через перегородку.

— Кладете ягоды или корицу, или то, что вам по душе и загибаете края... отлично сработано малышка-Холли! Потрясно! О, здоров, принцесса А!

Азалия попыталась скрыться, но в мгновение ока лорд Тедди распахнул стеклянные двери и затянул девушку в комнату.

— Я не очень голодна, — оправдывалась Азалия, усаженная на стул, но не в силах сопротивляться, спросила:

— Чем вы тут занимаетесь?

— Ба! — просиял лорд Тедди с испачканным в муке носом. — Именно это сказал ваш отец. А я как раз объяснял всем, я как раз объяснял, что вчера за завтраком наблюдал за мисс Брэмбл и увидел, как она ненавидит кашу, да и кто может ее за это винить, в самом деле? Вот я и подумал, что сделаю умопомрачительный презент! Поэтому мы с Булочкой отправились вчера на рынок и сегодня поднялись ни свет ни заря, и приготовили делчестрийский завтрак. Убийственно получилось, правда, Булочка?

Сложно представить, что на самом деле думала о госте миссис Грейби. Она поставила на стол кувшинчик со сливками, буркнула: "Да, милорд", — и ушла на кухню.

— Мы едим пальчиками! — воскликнула Айви, чьи руки оказались по локоть в повидле.

— Возьмите нож и вилку, — отчеканил Король. — Мы не животные! Столовое серебро, немедленно.

— Нет, это все испортит! — запротестовал лорд Тедди. — Завтрак предназначен для разбрасывания. Иначе, как человеку проснуться?

Король втянул щеки.

— Молодой человек, — произнес он тоном, не сулящим для лорда Тедди ничего хорошего. — Разве ваш корабль не отходит сегодня?

Гость помрачнел.

— Ах... да. Отходит, — он грустно улыбнулся и, запинаясь, продолжил: — Я... я так не хочу уезжать. Последние несколько дней были потрясными. Потрясающе потрясными. Я... я ужасно рад пребыванию рядом со всеми вами. Я... чувствую себя здесь почти как дома.

Лорд Тедди с надеждой взглянул на Короля поверх опрокинутых банок с повидлом.

— Я так хотел бы подольше погостить у вас, — сказал он. — Если бы мне предложили, я бы даже не задумываясь, согласился.

Сохраняя ледяное выражение, Король сложил на груди руки. Азалия поддалась сочувствию и произнесла:

— Возможно, вы сумеете нас навестить в следующем году, лорд Хафтенравеншер.

Лорд Тедди приободрился. Чуть-чуть.

— О... хорошо. Или вы приезжайте ко мне в особняк! Матушка закатит грандиозный бал, у нас ужасающе огромный бальный зал, вам понравится!

После этой речи лорд Тедди обратился к Брэмбл, которая до сир пор не проронила ни слова. Она даже не поздоровалась с Азалией, даже не подняла взгляд от передника, на котором она перебирала потертое кружево манжеты. Она снова и снова лихорадочно приглаживала потрепанные края ткани, а губы ее побелели от усилия, с которым она их сжимала.

— Вам нравится завтрак, Брэмбл? — спросил лорд Тедди. — Правда ведь, гораздо вкуснее каши! Да..? Принцесса. — ведомый надеждой, он придвинул к ней баночку с повидлом.

Брэмбл подняла глаза и вперилась в лорда Тедди таким яростно зеленым взором, что улыбка на его лице застыла.

— Миссис Грэйби! Миссис Грейби! — позвала она. — У нас осталась каша?

— Что? — обескураженно спросил лорд Тедди. — Вы не желаете...

— Я люблю кашу! — огрызнулась Брэмбл.

— Но...

— Не желаю вашей дурацкой благотворительности! — закричала Брэмбл. — Катитесь в ваш дурацкий особняк! Оставьте нас в покое! И она запустила в него лепешкой, но промахнулась, и лепешка приземлилась на пол повидлом вниз.

— Мисс Брэмбл! Извинитесь, немедленно! — вмешался Король.

Брэмбл оттолкнула стул в сторону и, закрывая лицо руками, выбежала из комнаты. Брэмбл никогда не плакала, в привычном понимании этого слова, а лишь судорожно всхлипывала. И сейчас из холла доносились затихавшие скрипучие вздохи.

Лорд Тедди смотрел на стеклянные двери, потом обвел взглядом завтрак из лепешек, потом снова посмотрел на двери. Он поджал губы, откинулся и отодвинул тарелку.

— Дьявол, — проворчал он голосом, в котором уже не звучали веселые нотки. — Скоро отходит мой корабль, так ведь? Значит, мне нужно поторапливаться! Всего доброго!

Через пару минут Азалия отыскала Брэмбл на банкетке за портьерой. Девушка сидела, сгорбившись, и всхлипывала, тщетно пробуя одной рукой починить кружево на рукаве. В свете дня ее ярко рыжие волосы горели огнем.

— Ненавижу его, — бормотала она. — И себя ненавижу.

Азалия взяла сестру за руку и сама заштопала ей рукав, затем распустила ей волосы и расчесывала их, пока Брэмбл не погрузилась в прерывистой сон. В некоторой степени, Азалия ее понимала.

Поддавшись угрюмому настроению старших сестер младшенькие не преминули закапризничать. Дух Рождества исчез. Судя по всему, Король обратил внимание на плохое настроение дочерей, потому как днем того же дня из холла донесся топот тяжелых ботинок, а также кто-то повелительно раздавал указания. Когда девочки прибежали посмотреть, из-за чего поднялся такой гвалт, то они увидели, как Король, припорошенный снегом и сосновыми иголками, заносит в главные дворцовые двери огромную елку. Сестры запищали от восторга.

— Елка для Кловии!

— Ура!

Девчушки взяли за руки, встали в круг и принялись вразнобой напевать рождественские песни.

— Это не елка! — сурово возгласил Король, и девочки замерли. — Наш дом в трауре. И это обычное дерево, и только. Я просто подумал, что оно будет неплохо смотреться. В холле. Вот и все.

Сестры переминались с ноги на ногу, пока Король устанавливал елку у мезонина, а подтаявший снег уже растекался лужицами по деревянному полу.

— А нам позволено украсить это дерево-которое-не-елка-а-просто-дерево-в-холле? — спросила Брэмбл.

Король смерил взглядом опухшие глаза и впалые щеки Брэмбл и сдвинул брови.

— Коль вы воспрянете духом, барышня, — заключил он, а когда двойняшки притащили из библиотеки корзину с гирляндами и шарами, добавил: — А где мисс Кловия?

Присутствующие удивленно огляделись по сторонам. Кловия отсутствовала.

— Наверное, снова помогает старому Тому в саду, — предположила Дельфиния. — В последнее время она частенько туда сбегает.

— Вот еще сидр, — пропищала Холли, неся с кухни кружку разогретого сидра. Азалия накинула шаль и направилась на улицу.

— Я позову Кловию.

Последний раз снег шел несколько дней назад, поэтому на расчищенных тропинках Азалия не нашла следов. Немного поразмыслив, она решила пойти к излюбленным уголкам Кловии — каменным скамейкам возле заросших фигурных деревьев и ступенькам возле пересохших фонтанов, — а по дороге высматривала тележку старого Тома.

Азалия уже почти отчаялась найти сестру, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Вдали от пешеходных троп, привязанная к беседке, стояла крупная белая лошадь с белоснежной гривой. ЛедиФейр, лошадь Фейрвеллера!

Старая садовая беседка служила в Исбери чем-то вроде укромного местечка для влюбленных. Дети их часто бранили за то, что они не давали парочкам поворковать наедине, а подсматривали через решетку, подслушивая, как джентльмены читают стихи или сентиментально признаются в любви своим леди.

Тогда это казалось забавным. Теперь же, испытав первые порывы неопытного сердца, Азалии уже не хотелось шутить на эту тему.

Значит здесь... Фейрвеллер...

Любопытство одержало верх над доводами разума, и девушка по-кошачьи прокралась вдоль дорожки, наклонилась к решетке между кустами и выглянула.

Обзору открылись только ноги, самое интересное скрывала скамейка. Азалия сразу признала начищенные до блеска ботинки Фейрвеллера, а вот обувь леди оказалась не на высоте, чем-то напоминая жесткие ботинки Азалии. Так, значит девушка из бедной семьи, а это исключает леди Кавершем. Азалия терпеливо слушала.

— Вы приставляете ногу обратно, носки вместе, шаг в сторону, — послышался голос Фейрвеллера. — Шаг назад другой ногой. Хорошо.

Он обучал свою даму неизвестному Азалии вальсу. Ноги леди двигались с изрядной долей грациозности. Даже в ботинках, у нее прекрасно получалось. Как и у Фейрвеллера. Азалия помнила, как умело он танцевал на Святках.

Девушка что-то тихо сказала, но Азалия не расслышала.

— У вас очень хорошо получается, — это снова говорил Фейрвеллер. — Вы бесподобны.

По движениям ног девушки, Азалия догадалась, что Фейрвеллер ее закружил. Потом ее ботинки остановились перед ботинками Фейрвеллера. Девушка тихонечко рассмеялась сладкозвучным смехом, а далее...

Молчание. Азалия в ожидании барабанила пальцами по решетке.

— Я обращался к Отцу Бенедикту.

Голос Фейрвеллера прозвучал тихо и сдавленно. Женские ботинки попятились.

— Он сказал, что готов в любое время. Мы можем отплыть сегодня. На моем корабле. Я отвезу вас в Делчестр. Там такие огромные бальные залы, вы там превосходно...

— Нет.

Тон у девушки был решительный, а от тембра ее голоса у Азалии побежали по спине мурашки.

— Сударыня. Ваш отец никогда не одобрит. Я слишком хорошо его знаю.

Азалия приникла к решетке. Побег... запретная любовь... если Фейрвеллер ухаживает за девушкой без разрешения ее отца, то дело окончится дуэлью. Азалия поежилась.

— Так организовывать свадьбы не положено, — возразила его спутница. — На свадьбах должна присутствовать семья. Я никогда не соглашусь на церемонию без моих сестер.

Азалия перестала дышать. В ее ушах застыли слова "моих сестер" и то, как хрустально промолвила их девушка.

— Если ваши сестры придут на нашу свадьбу, сударыня, то только, чтобы убить меня.

Азалия медленно поднялась.

— Что ж, по крайней мере, они придут.

Фейрвеллер засмеялся, — какой незнакомый звук, — и через решетку с засохшим виноградом, Азалия увидела темную фигуру, притянувшую к себе девушку со светло-золотистыми локонами, румяными щечками и улыбкой, сиянием напоминающий ангельский хор.

Кловия.

ГЛАВА 22

Азалия ахнула и стремительно направилась в беседку. На пути ей попала заснеженная тележка старого Тома, из которой девушка со злостью схватила пару обледенелых садовых перчаток.

Услышав топот приближающихся ботинок Фейрвеллер и Кловия отпрянули друг от друга. Фервеллер повернулся к Азалии...

...и получил пощечину ледеными перчатками.

— Как вы смеете! — закричала Азалия. — Только потому, что она красивая и добрая, не значит, что вы можете... можете так поступать! — и Азалия снова с размаху хлестнула его по благородному, белесому лицу. От нахлынувшего возмущения девушке жгло глаза. — Вы сами знаете! Король такого не потерпит никогда!

При слове "король" Фейрвеллера передернуло.

— Я не... — начал он.

Шлепок!

— Министр, думаю, вам пора идти, — вмешалась Кловия, хватая руки Азалии и оттаскивая ее подальше, пока той не удалось снова нанести удар. — Все в порядке. Я с ней поговорю.

Фейрвеллер несколько раз открыл и закрыл рот, при этом отчаянно глядя на Кловию, затем поднял шляпу с заиндевевшей скамейки, снова посмотрел на Кловию, взобрался на ЛедиФейр и ускакал прочь.

Когда стук копыт затих вдаль, Кловия сняла маску безмятежного спокойствия и рассмеялась. Сквозь смех и слезы она обняла Азалию, приговаривая:

— Я так рада, что ты узнала! Так рада! Невыносимой пыткой было держать все в себе! Я думала, что взорвусь!

Азалия издала приглушенный стон.

— Да... полагаю, это слегка шокирует, — сказала Кловия.

— Слегка?

Кловия усадила сестру на шаткую скамью и зажала ее ладонки в своих.

— Тебе, возможно, кажется, что он поступил, как... хам. Но он совсем не виноват. Я люблю его целую вечность, Лия. Уже целый год!

Тут Азалия заметила изящные часы с ленточкой, приколотые к талии сестры. Великолепные часы с серебряным витиеватым орнаментом. Кловия нежно коснулась подарка.

— Знаешь... поскольку я... не очень хорошо... говорю, мне нравится просто... наблюдать за людьми, — произнесла Кловия. — С той поры, как Фейрвеллер стал премьер-министром, я за ним наблюдаю. А ты знала, что он член нашего домохозяйства?

— Лишь формально, — ответила Азалия.

— Да, — подтвердила Кловия и разгладила складку на черной юбке. — Но он также всегда поступал соответственно. Даже... даже, когда мы так ужасно с ним обходились. Помнишь когда... когда Айви было четыре годика, она потерялась в саду?

— Помню, — медленно сказала Азалия. В памяти возник образ Айви одним осенним днем — пробираясь меж кустов, она со шляпной коробкой преследовала подпрыгивающую птичку. Все посмеялись и отправились срезать цветы для Матушки. Об Айви вспомнили, только когда не увидели ее за ужином. Девочки стали обвинять друг друга в недосмотре за сестрой, а затем побежали на поиски в остывший сад.

— Тем не менее, она вернулась, — не соглашалась Азалия. — Сама знаешь, Айви не уйдет далеко от накрытого стола.

— Она вернулась, потому что... потому что министр Фейрвеллер со своей охотничьей собакой обыскали лес, — торжествовала Кловия. — Я... я стояла возле задних ворот, когда из тумана на луг вышел он, ведя под уздцы ЛедиФейр, на спине которой сидела Айви. Совсем... совсем как на картинке в одной из книг Евы... не считая того, что Айви стошнило прямо на него, когда он снимал ее с лошади.

Азалия открыла было рот, но тут же закрыла.

— И... и в прошлом году к нам приезжал врач из Делчестра, — начала Кловия.

— Да ну! — прервала ее Азалия, растирая ботинком по деревянному полу засохший листик. — Только не говори, что он и здесь руку приложил. На лекарства мы тогда сами собирали!

— Почти за все, — отрывисто заявила Кловия, — заплатил министр Фейрвеллер.

— Не может быть! — Азалия покраснела.

— Я... я слышала его разговор с врачом. Поздним вечером. И... и мне пришлось послать письменный запрос, чтобы докопаться до сути. Министр держал свой поступок в большом секрете... ему пришлось! Король бы никогда не принял такой помощи!

Кловия взволнованно мерила шагами пол беседки. Скрипели деревянные планки, шелестели юбки. Девушка сжала кулачки.

— В прошлом году леди Кавершем... помнишь ее? Она разыскала меня в саду и... и сказала, что даст мне пенни, если я доставлю послание министру Фейрвеллеру.

— Любовное письмо? — удивилась Азалия. — Какой ужас. По крайней мере, ты получила монетку.

— Вовсе нет! — сверкая глазами, воскликнула Кловия. Она резко повернулась, и юбки ее подпрыгнули. — Разумеется, деньги я не взяла. Когда она ушла я... я смотрела на письмо, отдававшее жутким парфюмом и... и не могла смириться с мыслью, что эта дама заинтересует Фейрвеллера. Он слишком хорош и благороден для нее и... и... — Кловия потрясла кулачками. — И я поняла, что сама его люблю! И что я выйду за него замуж! Фейрвеллер — мой!

— Ничего себе, — пискнула Азалия. Она съежилась из-за тирады Кловии, вцепившись в скамейку. В ладони впилась дюжина торчащих щепок. Внезапно девушка поняла, что чувствовал чайный сервиз в последние мгновения жизни. — Что ответил Фейрвеллер, когда ты принесла письмо?

— Ах да, письмо, — произнесла Кловия, слегка успокоившись. — В-общем-то... ничего. Я вроде как... случайно... порвала его на мелкие кусочки.

— Случайно, — повторила Азалия.

— И выбросила в огонь, — добавила Кловия.

— Да уж.

Кловия поправила лежащую на плечах шаль и застенчиво улыбнулась.

— И теперь он, все-таки, мой. В итоге он заметил меня. Хотя я думала, что придется треснуть ему по голове книгой или чем потяжелее.

Все еще лучась радостью, она присела возле Азалии.

— Но он пришел ко мне.

Несмотря на потрясение, разум Азалии заметил кое-что важное.

— Кловия, — воскликнула она, — ты не... не...

— Не заикаюсь? — Кловия просияла. — Почему же? Есть немного. Но с министром так легко беседовать и... хм. Он говорит, что у меня красивый голос, — скромно добавила она.

Азалия не знала, что ответить.

— Он предлагает сбежать.

— Я слышала.

— Но... я так не могу! Он уверен, что Король никогда не допустит нашей свадьбы. Ах, если бы Матушка была с нами, она уговорила бы Короля. Но... — Кловия тронула завитушки на часах, а затем с ослепительной улыбкой обратилась к Азалии: — Ты можешь с ним поговорить!

— Определенно, я не лучшая кандидатура, — пробормотала Азалия.

— О, Лия! А кто, кроме тебя? Ты же у нас теперь вместо Матушки!

Закусив губу, Азалия ноготками вытаскивала занозы из ладони. Король придет в ярость. Фейрвеллер ухаживает за Кловией во время траура, да еще и без позволения Короля. Попахивает дуэлью. Азалии не нравился Фейрвеллер, но она не хотела ему навредить. По крайней мере, не до такой степени. В довесок к угрозе Хранителя, новые известия подкосили ее похлеще тяжелых кринолинов. Азалия закрыла глаза.

— Я посмотрю, что могу сделать, — пообещала она.

Кловия вскочила и, готовая разрыдаться от счастья, обняла старшую сестру.

После обеда того же дня, когда девочки шумно пекли на кухне мучные фигурки с имбирем, чтобы повесить их потом на елку, Азалия, снедаемая тревогами, прошмыгнула в библиотеку. Дверь оказалась не заперта.

Увидев дочь, Король встал. Сидящий напротив него джентльмен также приподнялся. Взглянув на кустистые брови и черные круги под глазами незнакомца, Азалия не припомнила его и мысленно сравнила с затяжным ливнем, после чего собралась ретироваться в холл, но Король ее остановил:

— Азалия, подожди, не уходи. Мы уже закончили. Доброго дня, мистер Гасперсон.

— Доброго дня, — отозвался джентльмен, растягивая слово "дня"; и когда он проковылял мимо, Азалия отстранилась от него на приличное расстояние.

— Это еще что такое? — спросила девушка, когда дверь захлопнулась. — Я думала, мы не ждем гостей на Рождество.

— Что? А! Конечно, не ждем. Он приходил по... официальному ДКВ, вроде того. Присядь. Мне нужно с тобой поговорить.

— Отлично, — ответила Азалия, усаживаясь на софу напротив стола. — И мне нужно с вами поговорить.

— Превосходно. Поговорим вместе.

Король открыл стоящий позади шкаф и извлек оттуда графинчик с брэнди и два бокала. Плеснув немножко в каждый их них, он передал один бокал Азалии со словами:

— Не часто нам удастся побеседовать.

Азалия с опаской взирала на стакан. Что Король намерен ей сообщить? Как известно, добрые вести не начинаются со слов: "Нам нужно поговорить".

— Скажи, Азалия, — начал Король. — Что ты думаешь о лорде Хафтенравеншере?

Не отпив ни капли, Король пристально смотрел на Азалию.

— О лорде Тедди?

— Именно.

Припоминая дешевые трюки и безграничную жизнерадостность лорда, Азалия улыбнулась.

— Он благопристойный и крайне веселый человек, — произнесла она. Младшенькие его обожают. Даже Дельфинии он понравился. И я заметила, что он положил глаз на Брэмбл.

— Правда?

Улыбка спала с лица Азалии. Недоумевая, девушка поставила стакан на колени.

— Он что, надеется во второй раз поучаствовать в шараде? Об этом речь?

— Нет-нет. Вовсе не об этом, — поспешил успокоить ее Король.

Азалия подумала о брошенной на пол лепешке с джемом и вздохнула. Никак не удавалось забыть об искорке в глазах лорда Тедди, когда он смотрел на Брэмбл. Сомнений нет, он без ума от нее, но он все делал неправильно. Азалию почти мучило любопытство, действительно ли ее семья для него всего лишь веселая забава или нет.

— Хорошо. Не думаю, что Брэмбл снова выдержит подобное унижение, — сказала она.

— Унижение?

— Утром! Сегодня! — с негодованием выпалила Азалия.

— Ах, да. Я помню, — сказал Король и сел на свой жесткий стул с высокой спинкой.

Азалия отхлебнула брэнди, малюсенький глоточек, только чтобы ощутить на языке обжигающий вкус древесины и затхлой обуви. Она вновь размышляла о полной надежды улыбке лорда Тедди, когда он смотрел на Брэмбл, и Азалии стало жаль его.

— Можно попробовать пригласить его на бал к нам на Святки, — предложила она. — Если он на самом деле влюблен в Брэмбл, то пусть докажет свою искренность без этих шарад. Он должен как-то показать, что мы для него не просто развлечение.

По лицу Короля побежали морщины.

— Бал на Святки? — переспросил он.

— О, да, — выпрямляясь, подтвердила Азалия. — Я как раз хотела с вами об этом поговорить. Думаю... с окончанием траура нам стоит праздновать Святки. Не ради меня, разумеется. Вы и сами знаете — для меня они не имеют смысла. Но для Брэмбл и Кловии. Им уже исполнилось пятнадцать, и им пора встречаться с джентльменами. С настоящими джентльменами, а не теми, что приходили из-за шарады. Если у девочек не будет подобной возможности, то они рискуют влюбиться в... абы кого. Возможно, Кловия смогла бы выступить в роли хозяйки.

Теперь хмурый вид Короля принял законченное выражение. Азалия поспешила продолжить:

— Все с нетерпением ожидают окончания траура. Вовсе не обязательно устраивать грандиозный бал, достаточно будет тихого и скромного... Пожалуйста.

Азалия затаилась в ожидании. Король встал и, пребывая в растерянности, принялся расхаживать возле стола. Когда он наконец заговорил, то не смотрел дочери в глаза.

— Азалия. Насчет траура...

Азалия опустила бокал с брэнди.

— Вы с сестрами хорошо держались во время траура, — промолвил Король. — Я вами доволен. Но траур, это символ, способ существования. Это... я...я не думаю, что мы готовы перестать скорбеть.

Азалии потребовалось время, чтобы осознать, к чему он клонит.

Она медленно выдохнула.

— Для вас это даже не настоящий траур. Вам позволено танцевать и у вас есть тувфельки.

Азалия снова издала приглушенный звук.

— И в саду вы гуляете.

Перекладывая бокал из одной руки в другую, Азалия отстраненно наблюдала за колыханием янтарного напитка.

— Даже не знаю, как я им об этом сообщу, — пробормотала она. — Девочки с таким воодушевлением ждут незавешенных окон и платьев, и прочих радостей жизни.

Король сохранял спокойствие.

— Азалия, я знаю, что для тебя с сестрами траур мало что значит, но для меня это очень важно. На самом деле важно.

Азалия задумчиво поглаживала парчовый цветок на подлокотнике, не зная удивляться ей или нет. Все шло из рук вон плохо, слишком наивно было надеяться на успех в разговоре с Королем. До Рождества — всего три ночи. В глазах потемнело. А еще надо придумать, как одолеть Хранителя. Брэнди в бокале задрожало. Как узнать, что сильнее клятвы на крови?

Теплая мерцающая искорка... Точно! Спасение в ней. Матушка все время о ней рассказывала. Сейчас Азалия не могла определиться наверняка, чувствовала ли она согревающую частичку по-настоящему. Однако, если это самая сильная магия, то нужно попробовать ее как-то использовать. Азалия подняла взгляд на Короля, который рывками убирал брэнди в шкаф. Сердце девушки сжалось.

— Как бы я хотела, чтобы вам было с кем поговорить, — тихо сказала она. — Я по любому поводу могла обратиться к Матушке.

— Я не твоя мать, — отрезал Король, закрывая шкафчик.

С этим не поспоришь. Азалия поставила бокал на стол, чувствуя себя изможденной, и с трудом нашла силы, чтобы встать. Должно быть ее неуклюжесть бросалась в глаза, потому как не успела она дойти до двери, Король ее окликнул: — Азалия. Что случилось?

В мягком свете лампы, Король выглядел столь обеспокоенным, что на миг Азалии показалось, что она может ему довериться.

— Сударь, — помешкав произнесла она, — когда мы танцуем по но...

Пшшшшсссс....

Чудовищные колючки облепили тело и сжали горло, лишая способности говорить. Азалия начала задыхаться. В венах вздымалась кровь.

Голова закружилась, подкатила тошнота. Черные точки перед глазами расплывались пятнами.

— Азалия... — голос Короля прозвучал в отдалении.

Мир канул во тьму.

Когда Азалия пришла в себя, в голове у нее пульсировало и пришлось несколько раз сморгнуть, чтобы сфокусировать взгляд. Она лежала на диване возле пианино и смотрела в полотно. Король присел рядом с ней; лоб его избородили глубокие морщины.

Рядом всплыло еще одно лицо — серьезное, доброе и столь же встревоженное. А еще — с глазами цвета коричневого хлеба.

Азалия застонала, прокручивая в памяти последние события.

— Я же не падала в обморок?

— Падала, — отозвался Король.

Азалия застонала.

— Сейчас мистер Пудинг принесет тебе немного хлеба. Ты слишком часто пропускала приемы пищи в последнее время, так не годится, сударыня.

Король укрыл ее одеялом до самого подбородка. Азалию окутало ароматом свежего белья и хвои, и она догадалась, что это вовсе не одеяло, а теплый плащ мистера Брэдфорда.

От смущения у Азалии закрутило в животе, и она попыталась сесть. Твердой рукой Король уложил ее обратно.

— Не вздумайте вставать, сударыня.

— Мистер Брэдфорд, а вы что здесь делаете? — поинтересовалась девушка.

— Капитан Брэдфорд пожелал поучаствовать в шараде, — ответил вместо него Король. — Я, естественно, уже отказал ему. Праздник, все-таки.

— Как-нибудь в другой раз, конечно же, — сказал мистер Брэдфорд.

От его мягкого голоса у Азалии защекотало в груди.

— Вы упали за секунду до моего прихода, — произнес он, на лице его читалось беспокойство. — Как только вам станет лучше, я уйду.

Азалия прижалась щекой к парчовому подлокотнику, мечтая свернуться клубком. При виде добрых серьезных глаз мистера Брэдфорда на девушку по очереди нахлынули боль, радость и отчаяние. Она никак не могла взять в толк, почему он не избегает встреч с нею. А еще она знала, что ему не с кем справлять Рождество, и сострадание взяло верх.

— А почему бы и нет? — обратилась Азалия к Королю, укутывавшему ее основательнее.

— Он может остаться. Он любезно предоставил мне плащ... и... часы...и... Пожалуйста, у него совсем нет семьи, и на Рождество он останется один.

Королю, возможно, показалось, что она немного бредит, поэтому он приподнял ворот пальто, спрятав подбородок Азалии.

— Итак, капитан, — наконец произнес он. — По всей видимости, принцесса Азалия не возражает принять вас в качестве гостя на Рождество. Если, конечно, вы не передумали.

Мистер Брэдфорд отвесил поклон.

Король хмыкнул.

— Вам повезло, сегодня у нас обоих великодушный настрой.

Проспав ужин на жесткой софе библиотеки, Азалия проснулась от того, что вокруг нее, то и дело тормозя спящую, суетились одиннадцать сестер. Азалию приволокли в комнату, по пути скармливая ей прихваченные со стола угощения, и несмотря на слабость, девушка чувствовала себя лучше. Приготовления к ночи танцев шли полным ходом. Собирая расчесанные волосы в пучок и завязывая бальные тапочки, девочки, кроме Азалии, безучастно глядящей на свои туфельки, вели оживленную беседу.

— Никогда не отгадаешь, кого к нам занесло, Аз, — выпалила Брэмбл, пока Кловия водила гребнем по каштановым локонам Азалии.

— Мистера Брэдфорда.

Брэмбл выронила шпильки.

— Он пришел поучаствовать в шараде, — сообщила Азалия, решив сразу открыть карты.

— И я попросила Короля его оставить, иначе он остался бы один на Рождество. Не могла же я его выпроводить.

— Его пригласила ты? — Брэмбл сузила глаза, а ее усмешка стала напоминать оскал лисицы в курятнике. — На Рождество? Так, так, таааак!

Азалия приготовилась к Безжалостному подтруниванию.

— Мммм, — протянула Дельфиния, когда девочки расселись на пуфах вокруг "жертвы".

— Статный, высокий. Длинный нос. Но эти глаза... пфф!

— Фи, ваши отпрыски народятся кареглазыми. Сама знаешь, темный обычно доминирует.

— Ах, перестаньте! — воскликнула Азалия.

Едва различимый стук прервал дальнейшие нападки. Это не был быстрый стук миссис Грэйби или громкие, тяжелые удары Короля. Кто же это? Находившаяся ближе всех к двери Злата приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

— Там никого, — отчиталась она и, в подтверждение своих слов, распахнула дверь пошире, впуская потоки воздуха.

Предплечья Азалии пробил озноб.

— Что-то мне не по себе, — пожаловалась Жасмин, своим звонким голосом озвучивая всеобщее ощущение. Азалия встала.

— Давайте скорее выдвигаться, — сказала она.

Чувство тревоги сопровождало их и через магический проход и через серебряный лес. Девочки инстинктивно жались друг к другу. Азалия дрожащими руками несла фонарь. А когда они подошли к Хранителю, поклонившему их войти, руки Азалии затряслись еще сильнее. Перед тем как Хранитель исчез в дымке тумана, их взгляды встретились, и, боясь выронить лампу, Азалия спешно поставила ее на пол.

Несмотря на две пропущенные ночи, никто не выказал особого желания танцевать. Азалия усадила на колени все еще напуганную Жасмин. Брэмбл выдавила из себя ухмылку пару раз, но осталась сидеть на диванчике, размышляя о чем-то. Дельфиния решила не утруждаться обучением младшеньких, а Еве не хватало для этого командного тона. Двойняшки сами еще ходили в ученицах; поэтому заниматься с Холли, Айви и Кейл предоставили Кловии, а остальные молча наблюдали.

— Пробуйте снова, — медовым голосом отзывалась Кловия на неуклюжие реверансы малышек. — Матушка... Матушка всегда говорила, что для идеального реверанса необходимо переделать тысячу па.

Тоненькие брови Кейл изогнулись.

— Матушка? — переспросила она.

— Не придурайся, капустная ты голова, — не выдержала со своего места Брэмбл. — Ты помнишь Матушку.

В синих глазах Кейл по-прежнему не было понимания.

— Она умерла, — прошептала Жасмин.

Азалия повернула Жасмин к себе и вгляделась в ее кукольное личико. Забавно, насколько взрослой порой кажется четырехлетняя девочка. Помнит ли она Матушку, которая гладила ее по черным кудряшкам и давала потрогать, как пинается ребенок в животике. Неужели такое возможно забыть?

Кловия смахнула русую прядку с глаз Кейл и ласково пояснила:

— Она сейчас на небесах.

— На небесах! — эхом пискнула Кейл.

Азалия начала задыхаться, словно ей слишком туго затянули корсет в душевой комнате. Едва она сообщила девочкам, что пора уходить, как в затянутом дымкой выходе появился черный силуэт Хранителя. Позабыв, что на коленях у нее сидит Жасмин, Азалия машинально встала и побежала вперед, преграждая Хранителю путь к сестрам, пока тот непринужденно шествовал к центру павильона.

— Всем ли вы довольны? — поинтересовался он шоколадным голосом. — Кажется, вы сегодня в скверном расположении духа.

Стыдливо улыбаясь, девочки уверили его, что все у них в порядке. Азалия молчала. От напряжения, с которым они с Хранителем буравили друга взглядом, девушке померещилось, что шатер запульсировал в такт ее сердцебиению. Первым метать молнии прекратил Хранитель.

— Я решил немного развлечь вас, — сказал он, обращаясь к девочкам, и в его глазах промелькнул плутоватый огонек. — Вальсом. Уже почти год ни одна из вас не имела удовольствия лицезреть парный танец. Мисс Азалия?

И он протянул к ней затянутую в перчатку руку. Азалия пристально уставилась на черную ладонь, которая, казалось, увеличивалась в размерах. В голове снова и снова проносились слова, сказанные Хранителем в темном павильоне: "Никогда больше не откажешь мне в танце..."

После продолжительной паузы, Азалия взяла его за руку.

— Как любопытненько, — произнесла Дельфиния, подаваясь вперед вместе с младшими сестрами. Кловия и Брэмбл, напротив, смутились.

— Но мы так и не были друг другу представлены надлежащим образом, — возмутилась Кловия. — Мистер Хранитель...

— Нет, все нормально, — перебила ее Азалия. — Вам не помешает посмотреть на мужские па.

В центре площадки Хранитель поставил Азалию в танцевальную позицию. Закрыв глаза и вдохнув, Хранитель длинными пальцами погладил Азалию по выступающим над корсетом лопаткам. Азалия, стараясь не дышать, стояла не шелохнувшись.

— Ты в превосходной форме, — прошептал он. — Если, конечно, перестанешь трястись.

Заиграла музыка — Унголианский вальс. Следуя нечеткому ритмическому рисунку, Хранитель плавно вел Азалию по кругу, потом кружил ее и аккуратно возвращал в

танцевальную позицию. Его движения отличались напускной любезностью. И почему-то от этого становилось только хуже. Когда пара проскользила мимо сидящих, юбки Азалии задели лица девочек. Те захихикали.

— Ах, ты танцуешь как ангелочек, — зашептал Хранитель. — Ты лучшая из всех моих партнерш, а я танцевал со многими. Я знал, что ты лучшая. Когда я впервые увидел, как ты скользишь по мраморному...

Азалия оступилась. Хранитель заботливо вернул ее в ритм и прошептал:

— Ты скользишь, прямо как твоя мать.

Азалия споткнулась, и на этот раз понадобилось несколько тактов, чтобы вновь влиться в танец. Руки бедняжки задрожали в безукоризненной хватке Хранителя.

— Прошу вас, Хранитель, — взмолилась девушка, серебрянные предреметы вокруг нее слились в единое пятно. — Мне нужно больше времени, пожалуйста.

— У тебя было до неприличия много времени, барышня, — произнес он и в серебряном круговороте Азалии вспыхнуло черным — платья девочек.

— В нашем соглашении не предусмотрено больше времени. Ищи усерднее.

— Пожалуйста... мистер Хранитель. Король продлевает траур. Если бы у меня было больше времени...

— Сплошные отговорки, — сказал Хранитель. — Слишком много слов, на мой взгляд. Твоя мамочка страдает тем же пороком. Точнее, страдала.

Азалия попыталась пнуть негодяя, но колени предательски подогнулись. С быстротой молнии Хранитель поймал девушку, затем щелкнул длинными пальцами в перчатке, и музыка стихла.

— Достаточно, — произнес он, напустив на себя прежнюю мучительную обходительность. — Уверен, вам пора к сестрам. Отдохните. Смею надеяться, наш следующий танец будет безупречным.

ГЛАВА 23

Той ночью Азалия спала плохо, периодически подсакивая от кошмарных видений. Тем не менее, взяв себя утром в руки, она тщательнейшим образом подобрала туалет — надела любимое платье, предварительно заштопав на нем дырку, аккуратно заколола волосы и, глядя в зеркало, разгладила малейшие складки. До сих мистер Брэдфорд наблюдал ее с худшей стороны, пришла пора это изменить.

Когда она тихонечко закрыла за собой двери, войдя в комнатку за кухней, сестры уже приступили к завтраку. Все посмотрели на вошедшую.

— Так-так, ну что за милашка! — съехидничала Брэмбл.

По столу прокатилось дружное хихикание. Дельфиния что-то прошептала Еве, которая, в свою очередь, шепнула что-то близняшкам. А те шепотом что-то ответили. Скалясь Азалии, они сморщили носики. Мистер Брэдфорд же ошемленно взирал на девушку, застыв с ложкой каши в руках.

— Доброе утро, — поздоровалась Азалия.

Мистер Брэдфорд вздрогнул.

— Доброе утро, — произнес он и поспешно встал, хотя ему следовало встать сразу при ее появлении. Посему, от его запоздалой реакции Дельфиния и Ева прыснули от смеха. Азалия залилась румянцем.

— Азалия, прошу, садись рядом со мной, — предложила Дельфиния. Свободный стул рядом с ней был также рядом со стулом мистера Брэдфорда.

Азалия, бросив на Дельфинию испепеляющий взгляд, села рядом с вымазанной кашей Лилией. Дельфиния, Ева, Холли и двойняшки снова захихикали.

— Хватит, — распорядился сидевший во главе стола Король, глядя поверх письма с зеленой печатью. Увидев Азалию, он нахмурился. — Азалия, ты должна лежать в постели.

— Мне лучше, правда, — успокоила отца Азалия.

Девочки снова захохотали.

— Намного лучше и даже еще лучше, — ехидно прокомментировала Брэмбл.

Желая умереть на месте, Азалия опустила веки.

— Итак, мистер Брэдфорд, Мы составили для вас целый список... — садясь рядом с гостем, обратилась Флора. По другую сторону от него Злата держала в руке сложенный лист бумаги.

— Как известно, занятий сегодня нет.

— Потому что канун Рождества!

— Праздник!

— Давайте сверимся... девять утра: мы показываем вам дерево, и вы помогаете повесить украшения на верхние ветви. Нам нужен кто-то высокий.

— В десять часов, мы играем в бирюльки...

— Далее мы ведем вас к большой сосне в саду...

— Если снег прекратится.

Азалия некоторое время ковыряла ложкой кашу, а потом решила, что и вовсе не голодна. Подтолкнув тарелку поближе к Айви, она выскользнула через раздвижные двери.

Напоследок девушка оглянулась и увидела, как сестры, тараторя и размахивая ложками, облепили мистера Брэдфорда — Кейл тянула его за костюм, пытаясь накормить овсянкой, Айви, напротив, ела из его тарелки, Лили забралась к нему на руки и дергала за нос, — а Король, как ни в чем ни бывало, раздумывал над письмом с зеленой печатью.

В холодном воздухе галлерей при дыхании клубились белые облачка пара, но Азалия не разожгла камин, а впустила солнечный свет, отодвинув портьеру наперекор правилам траура. За окном кружились снежные хлопья, тени от которых плясали вокруг Азалии и меча, покоящегося на пьедестале.

Азалия долго изучала отживший свое меч.

Погнутый, поцарапанный, испещренный пятнами. Переломить его не составит большого труда. Но посмеет ли она?

Посмеет освободить Хранителя? Азалия представила последствия: Хранитель вновь накладывает на дворец чары, захватывает власть над королевством, вновь наступает царство террора. И... клятва на крови... Чувствуя подкатывающую тошноту, Азалия поджала пальцы на ногах. Несомненно, он будет преследовать Короля.

Азалия отошла от пьедестала. Она не желала подвергать опасности свою семью.

Хотя... если она освободит Хранителя, то Король, наконец, обо всем узнает. А он ведь может быстренько избавиться от негодяя.

Одно но... клятва на крови. Хранитель не умрет, пока не...

Резко отскочив, Азалия прижалась к заиндевелому окну. И будто еще не очнувшись от кошмарного сна, девушка до сих пор ощущала прикосновение холодных рук Матушки.

Дверь в галерею распахнулась, впуская сумбур восторженных голосов. Поначалу девочки, отвыкшие от дневного света, прикрывали глаза, а затем уткнулись носиками в подмерзшее стекло полюбоваться снежной бурей.

— Вы же в бирюльки играть собирались, — удивилась Азалия, отходя от окна, чтобы сестрам было больше места.

— Смена планов. Мы проводим для мистера Брэдфорда экскурсию по замку, — объяснила Брэмбл.

— Причем совершенно бесплатно! — пискнула Холли.

Несмотря на то, что Айви и Кейл тянули гостя за обе руки, ему удалось достойно поклониться.

— Сударыни столь щедры, — сказал он.

В его устремленных на Азалию глазах угадывалась озорная искорка. Девушка не сомневалась, что сохраняя серьезное лицо, в душе он ухмыляется. Девочки уселись в прямоугольнике света, падающего сквозь стекло, и, разглаживая юбки, рассматривали молодого человека.

— Вы упомянули, что учились в университете. Скажите, пожалуйста, что вы изучали? — робко спросила Ева.

Азалия покраснела. Она не возражала, когда сестры допрашивали прочих джентльменов, но этого она хотела избежать.

— В-основном, политику, — отвечал мистер Брэдфорд, тоже краснея. — Еще философию и некоторые науки. Но... большей частью, политику.

— Какое совпадение, — невозмутимо подметила Брэмбл.

Флора подняла указательный палец и спросила:

— Будьте любезны ответить, сэр. Вы обучались танцу?

— Мистер Брэдфорд приподнял уголки губ и, кивнув Флоре, ответил:

— В Делчестре не ступить на танцевальную площадку, не будучи при этом умелым танцором.

Девочки дружно издали радостный возглас, а Айви даже захлопала в ладоши. Ажиотаж нарастал.

— Нас учили, — рассказывал мистер Брэдфорд, улыбаясь теперь во весь рот, — как сопровождать леди; как кружить ее, чтобы не задеть цветок в ее прическе; как кланяться в конце танца... — при этих словах, он поклонился, держа одну руку у талии, а другую заведя за спину. — А еще, учили, как брать руку спутницы, — двумя руками он взял ладонь Златы. — Нежно, словно крылышко голубки.

Находясь обычно в тени Флоры, Злата, не избалованная вниманием, до ушей залилась краской. Девочка сияла от счастья. Остальные умоляли мистера Брэдфорда показать модные делчестрийский танцы. Глядя на завешенные окна, он колебался.

— Я не очень хороший учитель.

— Ничего страшного! Ну пожалуйста! — щебетали младшенькие.

— Вы можете потанцевать с Азалией, — предложила Кловия с медовой улыбкой на устах. Мистер Брэдфорд приободрился.

— Вы позволите? — поклонился он Азалии; в глазах его промелькнула надежда, перемешанная с волнением, и не лишенная озорства. — Если, конечно, ваш следующий танец свободен.

— Дай ему руку! — выкрикнула Холли.

Азалия повиновалась. Ее рука утонула в его ладони. Девушка с трудом удержалась от желания стукнуть большим пальцем по выпирающим сквозь перчатку костяшкам мистера Брэдфорда.

Кавалер повел свою даму к центру залы подальше от стеклянных витрин и красных бархатных канатов. Опираясь на уверенную руку спутника, Азалия испытывала легкое

головокружение, в животе порхали бабочки. Едва обоняния достиг слабый аромат свежего белья, сердце девушки принялось отстукивать жигу Эсперальдо.

Юбки Азалии рассекли воздух, когда мистер Брэдфорд поставил ее в танцевальную позицию. Он отличался высоким ростом, и Азалия выпрямилась насколько смогла, но ее глаза так и остались на уровне его подбородка. Девочки поддались вперед, запечатлевая в памяти каждое движение. Мистер Брэдфорд нежно положил руку на спину партнерши, чуть ниже плеча, а в другой рукой поднял руку девушки. Он прекрасно обучен.

— Не исключено, что в конце концов поведет Азалия. Она, жуть как любит, командовать, — громко произнесла Дельфиния.

Азалия закрыла глаза. Сестры! Она же их и придушить может!

— *A trois-temps waltz**. Вальс на три такта. Если вы не возражаете, — криво улыбаясь объявил мистер Брэдфорд. Тем не менее вкупе с помятым галстуком и взъерошенными волосами ассиметрия практически не проявлялась.

Несмотря на непоколебимость партнера, от Азалии не укрылась почти незаметная дрожь его пальцев.

— Мне нравится вальс, — отозвалась Азалия и улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках.

Танец начался. В противоположной стороне комнаты девочки затаили дыхание.

Не сказать, чтобы мистер Брэдфорд был идеальным танцором. На переходах он оступался, па делал плоскими, но...

Следовать за ним оказалось умопомрачительно легко. Она словно читала его мысли по движениям руки, ног, тела... Он наклонился направо, и пара повернулась как единое целое. Он вел ее вдоль галереи быстрыми шагами. Азалия закружилась — неясными очертаниями расплылись позолоченные рамы, окно, стеклянные футляры, вокруг поднимались и опускались юбки, — но вот он поймал ее и вновь вернул в закрытую позицию. Азалия почти слышала зарождавшуюся в душе мелодию.

Матушка однажды рассказывала о совершенном, как она назвала, переплетении, объяснив, что достичь его сложно, требовалось, чтобы достоинства партнеров объединялись, маскируя слабые стороны друг друга, выливаясь в единый восхитительный танец. Азалия почувствовала, что она заключена в самом танце, а не бессмысленно следует за партнером, как бывало раньше. А какое разительное отличие от танца с Хранителем! Нет ни ужасного ощущения, что она ему должна, ни боязни дышать, ни желания все поскорее закончить. Кружась с прикрытыми веками под рукой мистера Брэдфорда, откидываясь назад, предчувствуя, как он ловит ее, Азалия испытала пронизывающий трепет истинного парного танца.

— Святые небеса, вы хорошо танцуете! — запыхавшись, воскликнула Азалия.

— А вы просто изумительно, — переводя дыхание, ответил мистер Брэдфорд. — Словно я танцевал с волчком!

Азалия споткнулась на переходе между фигурами.

— С волчком?

— С очень изящным, хрупким вращающимся волчком — юлой, — пояснил он смущенно.

Азалия рассмеялась. Мистер Брэдфорд перешел на шаг с задержкой, еще несколько тактов и остановился. Молодые люди встали так близко, что Азалия различила запах крахмала на галстук патрнера.

— Сомневаюсь, что нам удастся еще побыть наедине, — тихо произнес он грудным глубоким голосом. Помедлив немного, он смахнул каштановую прядку с лица спутницы.

— Принцесса Азалия.

В ту же секунду нахлынули воспоминания: вот она, закутанная в старый женский плащ, стоит возле экипажа и дрожит от холода; и ее фраза, очерняющая мерзлую тишину безнадежными вызубренными звуками: "Я принцесса Азалия..."

Игравшая внутри мелодия замерла.

— Мистер Брэдфорд, зачем вы пришли сюда, во дворец? — спросила Азалия.

Искорка в глазах гостя слегка померкла. Он открыл было рот, но потом закрыл. И больше не открывал. Азалия отстранилась со словами:

— Полагаю, вам следует танцевать не со мной, а с Брэмбл.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

— И это всё? — возмутилась Брэмбл со своего места. В падающем прямоугольнике дневного света, поджав губы и сложив на груди руки, сидели девочки. — Несчастный вальс? Самый банальный вальс? Нас обманули.

Изогнутая улыбка вновь осветила лицо мистера Брэдфорда, и он быстро притянул Азалию. Юбки зашуршали.

— Давайте покажем им мой любимый танец! — подмигнул он. — Польку!

Азалия танцевала польку всего два раза в жизни и теперь училась заново, едва поспевая за скачущим партнером. Она никак не ожидала, что мистер Брэдфорд любитель польки. Лорд Тедди — да, но мистер Брэдфорд? Однако, он прекрасно справлялся. Юбки девушки вздымались волнами и падали лавиной. Атмосфера оживилась — сестры пустились в пляс, хлопая в ладоши и напевая веселый мотив. А когда Азалия, переводя дух, замедлила темп, мистер Брэдфорд, подхватил Кейл и подбросил вверх. Малышка пищала от восторга. Девочки закружились, черными платьями, словно соцветиями, покрывая красный ковер. Вместе с ними за окном кружились снежинки.

Не глядя по сторонам, Холли самозабвенно гарцевала по галерее и, заливаясь смехом, врезалась на полном ходу в стеклянный футляр с мечом.

Медленно, будто под водой, футляр упал по диагонали и разлетелся на мелкие кусочки.

Кто-то закричал. Меч по полу покатился к одному из неприкосновенных диванчиков. Паника охватила Азалию, ужас обуял ее разум. Она кинулась к дивану и, упав на колени, схватила меч.

Слава Богу, несмотря на ветхость, меч не сломался. Едва не лишившись чувств от радости, Азалия чрезвычайно осторожно положила его на диванчик. После она убедилась, что Холли не поранилась и не ушиблась, послала Флору со Златой за метлой и усадила младшеньких подальше от опасного места. Мистер Брэдфорд, поднимая крупные осколки, без остановки бормотал извинения. Через несколько минут вернулись двойняшки, а за ними, ко всеобщему огорчению, шествовал Король.

— Он сам пришел, — оправдывалась тоненьким голоском Флора.

— Оно само упало, правда, — пискнула Холли.

При виде беспорядка, Король втянул щеки, девочки испуганно притихли. Азалия, в попытке предотвратить нравоучения, протянула меч Королю со словами:

— Сударь. Он поврежден и, может быть, не исправен. Пожалуйста, отнесите его кузнецу. Прямо сейчас. Его необходимо починить.

Король нахмурился, удивленный умоляющим тоном дочери.

— На улице буран, мисс Азалия.

— Тогда завтра. Нужно починить его, как можно скорее. Пожалуйста.

Вероятно, бледное, измученное заботами лицо дочери побудило Короля пообещать, что первым делом утром следующего дня займется мечом. А сейчас, убирая осколки, он все-таки приступил к нравоучениям, разъясняя, что девочкам придется собственноручно

штопать чулки, дабы покрыть расходы на такой дорогостоящий ремонт. Однако, несмотря на менторский тон, он заботливо следил, чтобы никто не наступил на стекло и не поранился. Азалия же, погруженная в собственные переживания, подметала молча.

Вечером загадочный стук повторился.

Кто-то осторожно постучал в дверь, когда Азалия, ощущая слабость, прислонилась к камину, а Кейл на пару с Айви докучали ей просьбами завязать им туфельки. Злата отворила дверь и, как в прошлый раз, распахнула ее пошире, демонстрируя сестрам пустоту. Никого. Азалия подозрительно прищурилась, одновременно испытывая, как по телу прокатилась болезненная дрожь.

— Не нравится мне это, — забеспокоилась Холли. — Волосы дыбом становятся, как не нравится.

Азалия вышла из комнаты и внимательно осмотрела коридор и холл. Ее не покидало беспокойство. К горлу подкатил ком, девушка нервно сглотнула. Неужели Хранитель стал сильнее? Неужели он уже может колдовать за пределами павильона? Не повинно ли в этом недавнее падение меча?

— Сегодня нам лучше остаться в комнате, — сказала Азалия, вернувшись. — Странно всё это, очень странно. Давайте останемся. Мы и так сегодня танцевали.

Послышались недовольные протестующие возгласы. Стиснув зубы, Азалия схватила лампу и повела сестер в серебрянный лес. Беспокойство ее возрастало с каждым шагом по покрытой серебристым настом земле, а мысль о встрече с Хранителем откровенно ужасала. Да и девочки не отличались спокойствием. Жасмин, вцепившись в юбки Азалии, то и дело громко шептала:

— Здесь есть еще кто-то. Я чувствую, здесь кто-то еще!

— Жас, рот закрой! — сердилась Брэмбл, трясущимися руками прижимая к груди Лилию.

Замыкающая вереницу, Холли пронзительно вскрикнула.

— Кто-то наступил на мою шаль! — завопила она.

Холли кинулась поближе к сестрам, сбрасывая шаль на серебрянную дорожку. Шаль принадлежала Кловии и была великовата для Холли, малышке приходилось волочить ее по земле, оставляя за собой переливающийся серебром шлейф. Азалия протиснулась назад.

— Глупости, — сказала она, сжимая светильник дрожащими руками, отчего серебрянные листики мерцали и переливались. — Уверена, ты всего лишь зацепилась за ветки. Например за вот эти ветки, видишь их?

Встав на колени, Азалия смахнула с вязанной шали сосновые иголки. Затем встряхнула ее, отчего в воздухе закружилось облачко серебристой пыли, сложила вчетверо, быстро встала и...

И ударилась головой о что-то твердое.

— Ой! — вскрикнула девушка.

— Прошу про...

Мужской голос резко умолк. Азалия побледнела. В туманной дымке никого не было. За ее спиной сестры от удивления выкатили глаза.

— Это привидение! — тоненьким голоском пропищала Флора.

Девочки закричали, поднимая юбки двумя руками и стремглав помчались к мосту.

Но Азалия оказалась проворнее. Она вырвалась вперед и, ухватившись за перила, преградила путь на мост.

— Вернемся назад, — произнесла она. — Разве вы еще не поняли? Хранитель пытается напугать нас. С меня довольно. Нам надо вернуться в комнату. Немедленно.

Девочки уставились на нее с выражением испуга и разочарования одновременно. Синие глаза Жасмин, болотные глазки Холли, темно-голубые глаза Евы — все в замешательстве глядели на Азалию.

— Но, — робко возразила Айви, — нам остался только один завтрашний день.

— Нам вообще не следовало сюда приходиться. Это изначально было глупо.

— Остынь, Аз, — вступила в разговор Брэмбл, поднимая Лилию повыше. — Мы тоже не перевариваем Хранителя, но разве это повод пропускать танцы? Перестань суетиться.

Пальцы Азалии вцепились в холодные гладкие перила.

— Вас что-то беспокоит? — прозвучал позади слащавый голос Хранителя.

Скрестив руки на груди, он стоял, привалившись к арочному пролету, с плеч его ниспадал плащ. Происходящее его, явно, забавляло.

— Залия говорит, нам надо идти домой, — сказала Холли.

— И она абсолютно права, — торжественно объявил Хранитель. Он выпрямился, и на фоне белоснежно-перламутровой танцевальной площадки прорисовался его благородный силуэт. — Едва ли мне хватает времени, дабы привести все приготовления к завтрашнему балу.

Услышав его слова, девочки раззявили рты.

— Настоящий... бал? — переспросила Холли.

— Но мы еще не совершеннолетние, — напомнила Айви.

— Не переживайте! Вы приглашены на этот бал. Это ваше законное право, ведь вы принцессы. А я, гостеприимный хозяин, к вашим услугам.

Хранитель сложил вместе ладони, затем раскрыл их и подул. С рук его, как и при первой встрече, взметнулись перламутровые снежинки и, ярко мерцая во мгле, полетели к девочкам. Едва ли не позабыв обо всем на свете, Азалия чувствовала, как снежные пушинки касаются ее лица. Она ясно представила, как сестры танцуют в павильоне, а волшебный снег, точно разгоряченный партнер, кружится рядом; стол ломится от десертов с карамелью и шоколадом, а с потолка спадают белые ветви остролиста и блестящие украшения.

Флора восторженно вскрикнула и вытянула из своего черного передника карточку.

Остальные тут же полезли в карманы и тоже нашли там волшебные карточки. Показывая их друг другу, девочки прыгали от радости — это были приглашения на завтрашний бал с их именами, тисненными серебром. Азалия выбросила свое приглашение в озеро.

Коснувшись водной глади, приглашение на миг застыло, а потом исчезло в мутных водах.

— Так что сами видите, вам действительно лучше вернуться в комнату. У меня сегодня еще много хлопот, — голос Хранителя звучал убаюкивающе, особенно на фоне медленно падающих в озеро снежинок.

— Конечно-конечно, — улыбнулась половинкой губ Брэмб, пребывая в некотором благоговении. — Не будем вам мешать. Все равно, Аз сегодня не здоровится. Но к завтрашнему вечеру мы ее подлечим, — и воодушевленно посмотрев на Азалию, Брэмбл развернула девочек в сторону ивовых веток.

— Подождите, — остановил их Хранитель. — Мисс Азалия.

У Азалии душа ушла в пятки. Скрепя сердце, она обернулась и, собрав последнюю волю в кулак, взглянула в мертвые глаза Хранителя.

— Я приглашаю вас на танец, — произнес Хранитель. — Сплетение, если позволите. В прошлый раз мы его так и не закончили.

Не сдерживая улыбок, сестры принялись легонечко подталкивать Азалию вперед. Они тоже обожали сплетение, глаза их загорелись в предвкушении. Оживилась даже Брэмбл. Одна лишь Кловия предостерегающе схватила Азалию за руку.

— Нет... мистер Хранитель, — пролепетала Кловия. — Разве вы не видите, что она приболела?

Хранитель щелкнул пальцами, и появился огненно-красный кушак. Вспомнив алую нить, Азалия поежилась.

— Не... не волнуйся, все нормально, — Азалия тронула Кловию за плечо, высвобождаясь от ее хватки. — Я станцую.

Покусывая в предвкушении губы, девочки следили с моста, как Хранитель то ли сопровождал, то ли тащил Азалию к блестящей танцевальной площадке. Вцепившись в один из концов кушака, девушка мечтала только об одном: поскорее закончить танец и вернуться оттуда.

— Желаю удачи, мистер Хранитель, — усмехнулась Брэмбл, пока сестры пристраивались поудобнее, чтобы всем было хорошо видно. — Азалию еще никто не ловил. Хотя, можете попытаться.

Не отводя мертвенного взгляда от своей жертвы, Хранитель достал из шелкового камзола часы мистера Брэдфорда и, открыв крышку, швырнул их на пол. От звонкого лязганья Азалия вздрогнула.

— Три минуты, — засек Хранитель, щелкнул длинными, затянутыми в перчатку, пальцами, и зазвучала музыка.

С самых первых па Азалию застали врасплох — ей еще никогда не приходилось танцевать в столь стремительном темпе. Она кружилась и внутрь, и наружу, и под кушаком, уворачиваясь от тугих браслетов, готовых сковать ей запястья с головокружительной быстротой. Хранитель не проронил ни слова, лишь прищурил глаза и сильно сжал губы.

Азалия попевала за неистовым темпом, но каждый вздох обжигал легкие, а под корсетом струился пот. Наверняка, три минуты уже вышли. Взбешенная, Азалия снова выскользнула из-под петли и пнула Хранителя по коленке.

Хранитель резко дернул кушак, да так, что Азалия выбилась из ритма. Он быстро, одной рукой, закрутил девушку и обмотал ее руки тканью, точно паук, окруживший мошку.

Плавно. Крепко. И быстро. Азалия поняла, что попалась, только когда Хранитель властно притянул ее к себе — запястья девушки пульсировали от боли, пальцы покраснели.

Обвив одной рукой бедняжку за талию, другой — Хранитель закручивал потуже кушак на ее запястьях.

— Ее поймали! — с моста послышался разочарованный хор голосов.

Азалия попробовала высвободиться. Хранитель сжал ее еще сильнее. Кушак обжигал кожу.

— Спокойно, спокойно, — переводя дух, он слегка повернул ладонь и алый кушак впился в руки Азалии. — Превосходный танец, сударыня. Вы определенно лучшая из всех, с кем мне доводилось танцевать. Вам следует гордиться таким результатом.

— Пустите меня.

— Какие сладкие губки, — произнес он, не выпуская жалящий кушак. — Меня часто одолевает любопытство: так ли вы хорошо целуетесь, сколь и танцуете?

Его пальцы потянули за кушак, причиняя Азалии невыносимую боль, колени девушки подогнулись. Он убрал руку с ее талии и вплеп длинные пальцы в ее волосы.

Тяжело дыша, он наклонился к ее шее. Волоски на затылке у Азалии встали дыбом. Задышавшись, она не могла выдавить из себя ни звука, а длинные пальцы все крепче сжимали ее локоны и холодные губы, едва касаясь кожи, продвигались к её губам...

Внезапно Хранитель отскочил и, откинув голову назад на девяносто градусов, издал сдавленный животный рык.

Мельком увидев, как у мучителя дернулся кадык, Азалия стряхнула с себя оковы. Кровь хлынула к онемевшим пальцам. Девушка подобрала юбки и выбежала через арку, помчалась вниз по серебрянным ступенькам, подавляя напоминавшие всхлипывания звуки.

— Аз! — Брэмбл подхватила сестру, чтобы та не грохнулась в обморок. — Что с тобой? На тебе лица нет. Почему он тебя не отпускал? Мы видели только его спину. Что у вас произошло?

Азалия только трясла головой.

— Ничего... Ничего.

— А что... что с ним случилось? В самом конце?

Азалия вопросительно посмотрела на Кловию.

— Он... потерял равновесие, — пояснила Кловия. — Или... что-то в этом роде.

— Похоже было, что его хвостик взбунтовался против него, — добавила Брэмбл.

— Взгляните туда, — прошептала Злата.

Все обернулись в сторону павильона. Влача за собой то и дело вздымающийся плащ, Хранитель сновал из угла в угол. Глаза его блестели, он что-то судорожно искал, осматривая каждый сантиметр мраморного пола.

— Надо скорее уходить отсюда, — призвала Азалия. — Больше мы сюда ни ногой.

ГЛАВА 24

С ноющими от боли запястьями Азалия уложила сестер в постель, предварительно помогая им раздеться, распустить волосы и стянуть туфельки. Потом она разожгла огонь в камине и погасила лампы. После, захватив свечу, девушка преодолела два лестничных пролета к бальному залу. К счастью, двери оказались не запертыми. Дрожа всем телом, Азалия рухнула перед ближайшим трюмо. Вдыхая знакомый аромат пропитанных мускатом стен, Азалия немного успокоилась и, закатав рукава, принялась рассматривать пульсирующие раны.

Волдыри окольцевали опухшие и покрасневшие запястья. В глазах щипало.

Хранитель понял, что она сдалась. Так оно и было. Сейчас ей казалось, будто нить и игла зашили ее горло. Она закрыла лицо руками, и не в силах даже заплакать, беззвучно содрогалась от спазм.

— Принцесса.

Едва не опрокинув свечу, Азалия отскочила от зеркала.

— Простите... не пугайтесь... это... я.

В тусклом свете как всегда взъерошенный стоял мистер Брэдфорд, однако лицо его было чрезвычайно серьезным. Он присел перед Азалией на колени. На сгибе его локтя висел старый истрепанный плащ. Азалия вспомнила, что такой висел в у него в магазине.

— Что случилось? — спросила Азалия. — Почему вы...?

— Мисс Азалия, я следил за вами.

Азалия сдвинула брови. Мистер Брэдфорд достал платок и, развернув его, явил старые золотые часы с орнаментом на крышке.

Нахмурившись, Азалия наблюдала, как он вкладывает часы в ее ладонь. И тут она осознала...

Вскрикнув, Азалия отшатнулась, часы упали на мраморный пол.

— Это же ваши часы! — воскликнула девушка.

Одной рукой мистер Брэдфорд взял обе ладони Азалии и провел пальцами по ее воспаленным запястьям. Азалия судорожно охнула. В ту же минуту джентльмен накинул ей на плечи камзол и разжег камин.

— Да, мои. Да, я следил за вами. Я прошел за вами через переход. И через серебряный лес. Я видел всё.

Азалии показалось, что она пытается освоить незнакомые па, но постоянно сбивается, ноги заплетаются и она топчется по партнеру.

— К-как? — только и смогла вымолвить она.

Мистер Брэдфорд теребил нить, торчащую из изъеденного молью плаща.

— Это вроде как, семейная тайна. Взгляните.

Он встал, отошел на несколько шагов и с театральной наигранностью накинул на плечи старый плащ.

И растворился в темноте.

Азалия подскочила к красным бархатным портьерам, недоумевая, куда спрятался ее собеседник. Куда он исчез. Ей стало страшно — это так напоминало проделки Хранителя.

Тотчас же мистер Брэдфорд появился откуда ни возьмись, только плащ на этот раз он держал в руках.

— Призрачный плащ!

Мистер Брэдфорд проводил ошеломленную Азалию к огню. Колени ее подкосились, и она плюхнулась на пол, утопая в черных юбках.

— Он самый. — Неуклюже смяв плащ, мистер Брэдфорд снова присел перед ней на колени. — Его передавали в нашей семье из поколения в поколение. Ваш прародитель, Гарольд Первый, пожаловал его нашей семье, однако, как вам известно, в Исбери не балует нас событиями, поэтому мы ни разу его не пользовали. Когда я увидел вам на кладбище, такую бледную и изможденную, я понял, что вы в беде. Я это почувствовал.

В его глазах отражались язычки пламени. Азалия глядела на него в упор, не в силах отвести взгляд.

— Вот... вот я и решил, что надо действовать, — запинаясь, добавил он.

— Вы что ли видели всё?

Мистер Брэдфорд приподнял в подобии улыбки уголки губ.

— Я стучался.

— А вы видели Мистера... Мистера...

— Мистера Хранителя? — со злостью выпалил мистер Брэдфорд. — Да, я видел мистера Хранителя. Сложно было его не заметить. А еще я видел, как он пытался поцеловать вас. Я едва голову ему не оторвал!

Азалия никак не ожидала, что такой серьезный и благородный джентльмен как мистер Брэдфорд способен на такую ненависть и в ужасе закрыла рот ладонью. Мистер Брэдфорд нежно взял ее руки и, обнажив ее опухшие запястья, аккуратно их коснулся.

— Так это вы его остановили, — воскликнула Азалия, стыдливо опуская глаза. — Вы не допустили, чтобы он... он...

— Именно, сударыня! — широко улыбнулся мистер Брэдфорд. — Его хвостик так и напрашивался, чтобы его хорошенько дернули.

Азалия издала удивленный смешок. Мистер Брэдфорд расплылся в улыбке.

— Расскажите мне все, — попросил он, усаживаясь напротив. — Все, что можете.

И тут Азалию прорвало. На одном дыхании она выпалила историю об обнаруженном волшебном переходе, о знакомстве с мистером Хранителем, о туфельках, о танцах каждую ночь, о клятве и о часах. Далее, но уже прерывисто и с запинками, поведала о бале-маскараде с привидениями, о Матушке и о настоящей личности Хранителя.

На протяжении всего рассказа Азалия испытывала легкое покалывание, совсем не походившее на удушающие спазмы. Каким-то образом клятва определила, что мистер Брэдфорд знал тайну.

К концу повествования огонь в камине почти затух. Азалия мечтала прижаться щекой к сильному плечу своего спасителя, но ей оставалось только рассматривать его благородные пальцы, сидя рядом. Мистер Брэдфорд, приставив для удобства колени к груди, пребывал в глубоком раздумье.

— Отец говорил мне о Его Королевском Величестве, — молвил он. — Я никогда не верил до конца, что он был способен в прямом смысле захватывать души. Всегда полагал, что это беспочвенные слухи. Души. Это, верно, очень глубинная магия. Вы уверены, что это в самом деле была ваша мама?

Азалия все еще чувствовала на подушечках пальцев прикосновение губ Матушки. И плетение нити тоже. Девушка отвернулась.

— Это было... ужасно, — произнесла она.

В теплом свете почти угасшего камина мистер Брэдфорд взял руки девушки и, слабо улыбнувшись одной половинкой рта, сказал:

— Принцесса. Я клятвы не давал. Нам нужно кому-нибудь рассказать о случившемся.

— Королю! — воскликнула Азалия.

— Именно! — мистер Брэдфорд сжал ее руки. — Необходимо избавиться от этого негодяя Хранителя. Очень сомневаюсь, что ваш отец потерпит соседство с Повелителем Д'Исом! Мы соберем войска и заставим подлеца предстать перед лицом закона. Если предстоит его освободить, то это будет сделано на наших условиях. А не на его.

В запале кровь прилила к щекам Азалии, но внезапная мысль остудила пыл.

— Не уверена, что Хранителя можно убить. Клятва на крови...

— Пустяки, — перебил мистер Брэдфорд, тем самым заставив Азалию улыбнуться. — Король определенно знает, что делать. О магии он знает много больше любого из нас.

Нас. Это слово, а также крепкие руки мистера Брэдфордра, сжимавшие руки Азалии, придали ей решительности. Она больше не одна. Ей захотелось и петь, и плакать, и плясать разом. Она вскочила, но пошатнулась от головокружения, напомнившего ей о пропущенных трапезах.

— Ох, мистер Брэдфорд! Вы просто чудо... ах... я готова вас расцеловать!

В ту же секунду Азалия подалась назад, краснея до корней волос.

— Ммм. Хорошо.

Даже при тусклом освещении легко проглядывался румянец смущения мистера Брэдфорда.

— Я... я так понимаю, что надо идти и... будить Короля, да? — сбивчиво произнесла Азалия.

— А... да. О... нет. Не стоит. Скоро рассвет, а вы едва стоите на ногах. А завтра знаете, что мы сделаем первым делом? Мы пойдем к Королю.

— Ах...да. Разумеется... первым делом. Конечно.

— Разумеется.

— Конечно.

— Пойдите-ка.

Мистер Брэдфорд выудил из кармана маленький сверток и, развернув его, предложил раскрошенный кексик. Сегодня на праздничном ужине к чаю шли яичные кексы с кардамоном. Азалия не смогла заставить себя проглотить хоть кусочек и отдала свою порцию Айви. Та, в свою очередь, отдала кекс мистеру Брэдфорду, что прозрачно намекало на безграничную симпатию Айви к гостю. До этого она никогда добровольно с едой не расставалась. Теперь же мистер Брэдфорд в сложенных лодочкой ладонях протягивал угощение Азалии.

Она приняла его, смаргивая навернувшиеся слезы. Глядя на добрые карие глаза, на статную фигуру молодого человека, она ясно представляла себе, как становится на носочки и целует его в ухо или в щеку. И заливаясь краской, она почти решилась... но, памятуя об утренних событиях пятидневной давности, поспешно отпрянула.

Тем не менее, под влиянием минуты она все-таки пригласила мистеру Брэдфорду взъерошенные волосы, отчего тот просиял.

Следующим утром Азалия проснулась поздно, но в приподнятом настроении, пронизанном духом Рождества. Она напевала, одеваясь в пустой комнате, напевала, когда закалывала волосы, а когда шла по коридору и спускалась по лестнице даже пританцовывала с присущим ей изяществом. Каждый раз сворачивая за угол, она кружилась, шурша юбками об обои.

Наскоро позавтракав коричневым хлебом и сливками (праздничный завтрак в честь Сочельника), Азалия узнала от миссис Грейби, что девочки проводят экскурсию по саду, пока снова не пошел снег. Азалия ухмыльнулась, представляя, какую они ему зададут прогулочку. Наверняка поведут его через замерзший пруд и заставят пройти по перилам моста, просто из любопытства, получится у него или нет.

Еще миссис Грейби сообщила, что Король также в саду — обсуждает Д.К.В. с неким джентльменом. Сгорая от нетерпения найти отца и мистера Брэдфорда, дабы скорее покончить с неприятным вопросом, Азалия накинула плащ и отправилась прочесывать тропинки залитого солнцем сада.

Когда Азалия отыскала Короля, тот седлал Диккенса в пахнущей соломой конюшне. Приближалось время чаепития. Ветер усилился, предвещая бурю. На спине коня в кожанном чехле покоился меч. Азалия припомнила, что Король обещал его сегодня починить.

Рядом с Диккенсом стояла незнакомая гнедая лошадь. Однако, наездника Азалия узнала. Это был тот самый джентльмен, напоминающий грозное облако — мистер Гасперсон. Азалия задумалась о деле, которое привело его к Королю в Сочельник. Мужчины говорили очень тихо, но на сложенном письме Азалия уловила блеск серебряной сургучной печати. Королевский штамп.

— ...как только мисс Брэмбл изъявит желание, конечно же, — произнес гость низким голосом, а затем взобрался на лошадь.

— Как скажете.

Оторвав взгляд от Диккенса, Король заметил стоящую у двери конюшни Азалию.

— Приветствую, мисс Азалия.

— Я вас повсюду искала. Мне надо с вами поговорить. Я не помешаю?

— Вовсе нет, говорите.

Заинтригованная, Азалия дождалась пока джентльмен, кивнувший ей на прощание, отъедет подальше и закрыла скрипучую дверь. Король все еще затягивал ремни на спине Диккенса.

— А что с Брэмбл? — спросила Азалия. — Что она должна пожелать? Что вы ему дали?

— Скоро снег пойдет, — заметил Король, подтягивая подпругу. — Тебе следует вернуться в дом.

— Миссис Грейби сказала, что вы с ним с раннего утра разговариваете, — не желала сдаваться Азалия. Ей очень не нравилось, когда Король игнорировал ее вопросы.

— Азалия, о чем ты хотела со мной поговорить?

— Ах, да, — Азалия задумалась. — Но сначала расскажите мне о Брэмбл. Пожалуйста. Ведь я же обязана присматривать за девочками.

На бородатом лице Короля застыло странное выражение. Не говоря не слова, он некоторое время внимательно рассматривал Азалию.

— Ну что же, — начал он.

— И что же?

Король кивнул. Затем достал из камзола зеленый конверт со сломанной печатью и протянул его Азалии.

— Всю неделю он заваливал меня письмами, присылая не меньше трех штук в день, — пояснил Король. — Он даже приобрел особняк на Главной улице. Это самое последнее письмо. Скажи, что ты думаешь по этому поводу.

Поспешно развернув весьма помятое письмо, Азалия принялась читать текст, написанный витиеватым почерком и явно в спешке.

"Ваше Наибогороднейшее Величество, Ваша Светлость... и тд и тп... Ума не приложу, что еще я могу предложить. Вам ни фи́га не нужны мои земли, или мои деньги, и вообще ничего ценного, как я сообразил. Не сомневаюсь, Вы — заботливый отец, но это только затрудняет мое проклятое положение. У меня остается только искреннее сердце, томящееся по Брэмбл, по ее боевому духу, столь желанному моим сердцем, по ее безупречному ротуку, способному на острое словцо, по ее сердцу и по ее нежное ручке..."
— Ручке? — обомлела Азалия.

"...Я в полной растерянности, и надеюсь, мой мажордом уговорит Вас. А если нет, то я разобью все окна и утоплюсь в ведре.

Ваше самое искреннее и преданное сердце — Лорд Эдвард Альберт Хемли Хафтенравеншер, Эсквайр."

Азалия в растерянности уставилась на письмо.

— Брак! Лорд Тедди хочет жениться! Жениться на Брэмбл!

Король усмехнулся и забрал письмо.

— Именно. В письмах он называет ее воротцами в крокете, малиновым джемом на тосте и красным кадмием в палитре красок.

— Вот это он напридумывал. Да еще и стекла разбить собирается. Он сумашедший.

— Вовсе нет, — возразил Король. — Сумашедший тот, кто совершает подобные поступки на самом деле. А если человек просто хочет выбить все стекла в доме и после — утопиться в ведре, но этого не делает, то это любовь.

— Вы ведь отказали ему, правда? — спросила Азалия в тревоге.

Король ответил не сразу. И во время это гнетущего молчания в голове у Азалии пронеслось: "О, нет..."

— Азалия, — Король положил руку на плечо дочери. — Я дал положительный ответ.

— Что?

— Только что я передал его мажордому брачный контракт. Определенно, мне следовало больше общаться с ним самим. Но... — свободную руку Король положил на второе плечо Азалии. — Он ее любит. Ему ни фи́га не нужно ее приданое; он любит ее такой, какая она есть.

Азалия что-то беззвучно промолвила в адрес Короля, пока слова, наконец, не пробились наружу.

— Но... но... так нельзя. Вы не можете вот так запросто устроить брак Брэмбл, даже не спросив ее! В наши дни так не делается!

— Я прекрасно осведомлен, что и как делается в наши дни, — решительно заявил Король.

— Я не настолько стар. Ты сама говорил, что лорд Тедди проявил себя как серьезный....

— Нет! Не так же! — перебила Азалия.

— Кроме того, — еще решительнее и громче произнес Король, — с каких это пор мои предложения не отвергаются вами из упрямства? Ты и в самом деле думаешь, что если не организовать все подобным образом, Брэмбл снизойдет до размышлений?

"Мы присматриваем друг за другом... — недавно пообещала Азалия сестре. — Король не посмеет решать за кого тебе выходить замуж... я не позволю ему, никогда..."

Азалия с силой сжала кулаки, вонзив ногти под кожу. Разбрасывая за собой солому, она возбужденно ходила взад и вперед по проходу между стойлами. При каждом повороте юбки грозно шелкали. Щеки девушки горели огнем. Диккенс занервничал.

— Как вы смеете! — вспыхнула она, тряся кулачками. — Мои сестры будут решать за себя сами! Сударь, вы должны немедленно отозвать брачный контракт!

— Я не буду...

— Матушка никогда бы вам не позволила!

— Не рассказывай мне, что твоя мать делала бы, а что нет. — Король дернул Диккенса к подставке для посадки. — Я уже знаю, что я не она. А тебе следует принимать меня и мои решения, как бы болезненно ты это не воспринимала!

Азалия обезумела от гнева.

Саднящими ладонями она молниеносно вырвала поводья из рук Короля. Затем скользящим прыжком запрыгнула с подставки на спикку Диккенса. Черные юбки накрыли круп и хвост коня.

— Я сама отвезу меч среброделу! Я же его повредила, да?

— Успокойся немедленно, Азалия, и смени тон, — произнес Король, протягивая руки.

Азалия ногой отмахнулась от руки Короля, и впилась пятками в бока Диккенса. Конь рванул вперед. От резкого скачка, она едва не упала. Однако, через мгновение Диккенс уносил ее все дальше от стойла.

— Ты не одела пальто! — закричал Король. — Ты же свалишься!

Король в мгновение ока оседлал Теккери и помчался вдогонку, но Азалия уже направляла Диккенса обледенелым улочкам. На покрытых снегом дорогах толпились продавцы и покупатели праздничной ярмарки, грохотали кареты — все хотели управиться до бури. Азалия исступленно выискивала гнедую, на которой ускакал мажордом. Она должна найти его и все объяснить.

Холодный ветер усилился, толпа постепенно редела и в какой-то момент Азалия заметила гнедую и изумрудно-зеленый плащ мажордома. Обрадованная, она пустила Диккенса галопом, крепко вцепившись в его гриву, чтобы ее не трясло.

И вот уже снежные хлопья закружили в порывах ветра, улицы в миг опустели. А когда девушка добралась до моста на Дворцовой дороге, оказалось, что снег уже засыпал колею. На скользкой мостовой Диккенс испугался.

— Пожалуйста, Диккенс. Просто перейди через мостик! — взмолилась Азалия.

Диккенс снова шарахнулся. Сжимая поводья онемевшими пальцами, Азалия что было мочи ударила его по бокам. Конь рванул с места.

И в это роковое мгновение послышались звук копыт, царапающих лед, и громкий лязг. Азалия падала.

Сначала происходящее осознал ее желудок. Диккенс подскользнулся, Азалия запуталась в поводьях — и вместе они рухнули на грязную набережную. Рука высвободилась, и девушка упала с лошади, взмахивая юбками и кринолинами.

Азалия плюхнулась в реку. Студеная вода окружила ее. Вырвавшись на поверхность, она хрипло заглывала воздух и боролась с течением, пока пробивалась к берегу. Одежда ледяными глыбами липла к коже.

Разбрызгивая капли, Диккенс выбрался самостоятельно. С его ухоженной шкуры стекала грязь. Откашливаясь, Азалия ухватилась за поводья, чтобы подняться.

Что она делает? Ледяная вода заметно охладила пыл девушки. Может, она спятила? Она что ли мчалась в разгар бурана? Она едва не угробила и себя и коня.

Дом. Азалия должна вернуться или она рискует замерзнуть насмерть. Ветер бушевал меж ее начинающего застывать платья. Она должна переодеться и обогреться у камина. Содрогаясь от холода, Азалия попыталась взяться за седло Диккенса, но промахнулась. Онемевшие руки не слушались и по инерции ударились о кожаный футляр.

Меч! Азалия нащупала металлическое кольцо и ей показалось, что она вновь упала в ледяную реку. Только на этот раз, вода обжигала ее внутри.

Меч исчез.

ГЛАВА 25

Дрожа всем телом, Азалия из последних сил всматривалась в ледяную воду, надеясь уловить серебряный отблеск. Она ходила вдоль набережной, а вокруг завывала снежная буря, но девушка даже не чувствовала обжигающе холодного ветра.

Меч исчез. Она так и знала. Знала с той секунды как услышала громкий лязг во время падения и ощутила ту же удушающую пустоту, как и тогда в своей комнате, когда Король обесчарил сахарные зубы. Только на этот раз было в тысячу раз хуже. Азалия навалилась на Диккенса. Ей необходимо найти Короля.

Азалия не помнила, как ей удалось сесть верхом, и как Диккенс выбрался по камням с грязной набережной и поскакал ко дворцу через плотную снежную завесу. Азалия оставила заботу об обратном пути Диккенсу. Когда он рысью вбежал в конюшню, Азалия уже не могла больше держаться, и она упала.

Но не успела бедняжка коснуться грязного пола, как кто-то ее подхватил.

— Ну надо же, мисс! Вы до нитки замерзли!

— Мистер П-п-пудинг, — стуча зубами, прошептала она. Пришлось проморгаться, чтобы разглядеть дворецкого и не до конца оседланного Милтона.

— Где же вас носило, мисс? Домочадцы невесть как беспокоятся о вас, а Король-то уехал, вас, мисс, искать отправился! Да вы насквозь промокли... пойдете скорее, мы вас стало быть отогреем, а я пошлю за сэром Джоном. Да у вас жар!

— К-к-король...

Мистер Пудинг говорил в свойственной ему грубоватой, успокаивающей манере, но до Азалии доходили только неразборчивое бу-бу-бу, а слова пролетали мимо ушей. Она едва сообразила, что ее внесли в ее спальню, где миссис Грейби и девочки переодели пострадавшую, уложили в постель и накрыли ворохом одеял. Горячие кирпичи из камина обернули тряпками и воткнули меж простыней Азалии. Подоспел сэр Джон, но из-за слабости Азалия даже не распознала его ощупываний и постукиваний.

— Взгляните сюда, — раздался голос Евы, и прежде, чем Азалия провалилась в черноту, она догадалась, что присутствующие разглядывали ее красные шрамы, ожоги от поводьев и саднившие ладони.

Азалия проснулась от боли. В голове громко пульсировало, а правое ухо отдавало болезненным покалыванием в горле. Пальцы жгло. Глаза горели. Казалось, от нее исходил ореол горячки. Взор помутнел, когда девушка, откинув одеяла, прихрамывая шла к столу, на котором стояли лампа и остывший чайник. Рядом с грудой чашечек лежала записка. Азалия сморгнула круги перед глазами и прочла.

"Аз, дорогуша, ТЫ, кстати, спровоцировала переполох. Где ты, будь ты неладна, шарилась? Короля не было целый день, и из-за его отсутствия миссис Грейби травила нас супом на ужин вместо пудинга к Сочельнику. Спасибо тебе за это огромное. Как бы то ни было, мы уходим без тебя. Не дуйся, это последняя ночь, да к тому же нас заранее официально пригласили. Сэр Джон сказал, что, вроде как, тебе лучше поваляться в постельке пару дней, но если ты все-таки проснешься, спускайся к нам. (А ты знала, что у Кловии есть серебряные часы? Где она такую цацу раздобыла?!) Если не спустишься, то знай, нам тебя не хватает, но не настолько, чтобы торчать тут.

До зззвидания.

Б."

Азалия кинулась к камину.

Она промчалась через переход на лестницу с быстротой молнии, разбрасывая горячие угли, и оставляя на ступеньках следы сажи. Не сбавляя скорость, она достигла земли и от неожиданности упала на колени.

Лестница оказалась короче, чем раньше. В висках у Азалии застучало, когда она судорожно осмотрела обстановку.

Она попала в большую комнату, по размеру и планировке напоминающую спальню сестер, только стены выложены кирпичом, а не обшиты деревянными панелями. Здесь пахло плесенью и все кричало о подлинной действительности. Вдоль стены стояли сундуки и коробки с лентами и елочными игрушками из олова и стекла. Это же украшения на Святки! Азалия запустила руку в шляпную коробку и достала крошечную беседку, внутри которой кружилась блестящая статуэтка балерины. Внутри звякнули детальки музыкального механизма.

— Это наша кладовая комната, — прошептала Азалия, перебирая пальцами игрушку.

Магия испарилась.

За спиной послышалось шуршание ткани. Азалия обернулась.

Из маленького окошка возле потолка просачивался бледно-голубой свет, освещая безвольную фигуру. Распушенные волнистые волосы застилали деревянный пол и поношенное платье женщины. Азалия выронила игрушку.

— Матушка?

Женщина не шелохнулась.

Отказываясь верить своим глазами, Азалия подбежала к ней и перевернула к себе. Голубоватый свет падал на лицо Матушки, делая ее похожей на карандашный набросок или, казалось даже, что черты ее лица сотканы из тумана. Азалия подавила крик. Рот Матушки был все еще зашит.

— Матушка, — шептала Азалия. — Матушка, это правда ты? Просыпайся.

Азалия потянулась к карману за ножничками, но они остались в другом платье. Веки Матушки задрожали, и в душе девушки затеплилась надежда.

— Всё будет хорошо, мы разрежем швы. — Азалия нежно коснулась губ Матушки. Лёд. Кожа ее казалась полупрозрачной, а там, где Азалия прикасалась, оживали круги,

подобные тем, которые образуются на воде, если кинуть камушек. — Всё будет хорошо. Не пытайся улыбнуться, не надо. Мы сейчас найдем теплое местечко и тебя согреем.

Несмотря на осязаемость Матушки, она оказалась легче, чем ожидала Азалия, намного легче любого человека. Поддерживая за талию, Азалия вела Матушку по ступенькам вверх, но ноги женщины совсем обмякли. Азалия испугалась и покрепче схватила холодную руку Матушки, опасаясь, что она просто растворится в воздухе.

Азалия доволокла Матушку до верхней ступеньки и заботливо усадила ее у стены. Сердце девушки бешено колотилось. Азалия достала платок и терла метку Д'Иса, пока та не накалилась. Серебряная вспышка — и перед ними предстала переливающаяся завеса.

Азалия повернулась к Матушке и увидела, что из закрытых глаз по щекам текут слезы, заливая швы на губах.

— Всё будет хорошо. Не плачь... — пытаясь не разрыдаться, Азалия протянула платок к щеке Матушки.

Едва ткань коснулась кожи, как полупрозрачные круги на ней вспыхнули и начали таять. Кожа стекала словно расплавленный воск. Азалия взвизгнула и быстро отбросила платок. Постепенно к Матушке возвращался прежний облик.

— Всё будет хорошо. Прости меня... Эта магия... она...

Сгоряча Азалия кинулась к горячим углям, которые несколько минут назад раскидала на лестнице. Один из них еще тлел. Не долго думая, она положила на него платок.

Он загорелся и скрутился, наполняя помещение едким дымом. Еще мгновение и Азалия почувствовала, что платок обесчарен. Огонь погас, оставляя пепел и частички серебра. Прокашлявшись, Азалия оторвала взгляд от горстки золы и кинулась к Матушке, все еще не открывшей глаз. Женщина была легче бумаги.

— Нам он больше не понадобится, — уверяла Азалия. — Я не знала, что магия будет... сюда... — Азалия взяла безжизненную руку Матушки. — Пойдем скорее, пока не закрылось.

И тут щелчок — это Матушка открыла глаза. Азалия вздрогнула и с изумлением наблюдала, как нить на губах Матушки растворилась, обнажая гладкую, без шрамов, кожу.

— Не оступись, — произнесла Матушка и...

...и толкнула Азалию.

Девушка кубарем покатила по лестнице. Раздался скрип и треск замерзшего льда. Азалия ударилась о деревянный пол и, едва переведя дух, увидела, как из коробок вылетели игрушки. Они звенели друг о друга и, искрясь, парили над Азалией словно белые лепестки в шторм.

Внезапно они замерли в воздухе, напоминая застывший град из украшений. Азалия, потрясенная до глубины души, перевела взгляд на шаткую лестницу, а потом на Матушку.

Она стояла наверху. Призрачная размытость ее кожи сменилась угловатой мертвенной бледностью. Алели губы. Она уперла локоть в бок, демонстрируя свисающий с указательного пальца шар.

— Что это значит, Матушка?

Матушка смахнула шар, щелкнула пальцами, и он остановился на пол пути к земле. Далее женщина сделала едва заметные жест руками, и все подвешенные в воздухе игрушки закружились завертелись вокруг Азалии. Отовсюду раздался звон.

Матушка энергично дернула рукой, все игрушки вдребезги разбились о пол и...

И снова взмыли в высь словно духи, серебряные осколки распустились пышными юбками, раскroшившееся стекло обернулось камзолами, а из матированного стекла явились

напудренные лица леди и джентльменов. Вместо глаз у них зияли дыры. Зловещие образы нависли над Азалией, девушка съежилась.

С развивающимся за спиной голубым платьем, Матушка изящно преодолела лесничный пролет. Улыбнулась Азалии, и глаза ее сверкнули черным. Такой же могильно-черный цвет Азалия уже где-то видела, кажется, когда ее пытался поцеловать Хранитель...

— Хранитель! — со злостью прошипела Азалия, подавшись вперед. Но танцоры с черепами вместо лиц схватили ее за руки, за плечи, за талию и, крепко держа, оттащили ее назад.

Хранитель весело расхохотался.

— Какая досада, — произнес он голосом Матушки. — Ты что, правда, думала, что я — это она. Неужели ты настолько отчаялась, что поверив в существование души, готова была поверить во что угодно? Как глупо, право же. Премного благодарен за избавление от платка. Он оставался последним оплотом магии, удерживающим меня взаперти. Ты сослужила мне верную службу.

— Где девочки? Что ты с ними сделал?

Хранитель сделал шаг. Азалии невыносимо было смотреть на ямочки на щеках и мерцающие глаза на одном лице. Злодей коснулся броши, приколотой к заштопанному голубому воротнику.

— Они живы, — ответил он равнодушно. — Пока что.

Азалия попыталась вырваться, но тонкие и крепкие пальцы, словно крючки, прочно ее удерживали.

— А ведь это очаровательный сюжет для волшебной сказки, — вновь демонстрируя ямочки на щеках, усмехнулся Хранитель. — Очень похожей на те, что так любила рассказывать ваша мамочка. Если хочешь, можешь вообразить, что я — это она. Давай попробуем... С чего начать? Ах, ну конечно... В некотором царстве...

К медово-сладкому голосу Матушки примешивалась шоколадная текучесть тембра Хранителя. Матушкиной холодной рукой он погладил Азалию по щеке.

— Жили-были двенадцать танцующих принцесс, — прошептал он. — И не было им счастья. Но в один прекрасный день они нашли заколдованную страну из серебра и музыки, где они, наконец, могли вдоволь танцевать и позабыть вне невзгоды.

— Но, увы! Ничто не вечно. Всё имеет свою цену; и когда пришла пора отдать должок, милые маленькие принцессы не оправдали надежд. А потому, как только они явились на бал в канун Рождества, были волшебным образом заперты в зеркалах во дворце...

Азалия завопила, но жилистые руки зажали ей рот, не давая свободно дышать. Тогда сердце девушки перестало биться и стало безмолвно кричать.

— ...и через несколько часов, тщетно пытаясь согреться, они умерли. Знаешь ли, есть у зеркал такая особенность. Вроде, причина тому взаимодействие неподвижного вещества с подвижным. Магия и в самом деле основывается на науке. А что до самой старшей принцессы, то она оказалась заперта в этой самой комнате, и несколько недель спустя ее нашли возле волшебного перехода, но к тому времени от нее осталось лишь бездыханное тело. Что не может не огорчать, ведь она так хорошо танцевала.

Хранитель наклонился, близко, еще ближе, Азалия уже могла разглядеть в поверхности броши свое испуганное отражение. Призрачные руки потянули ее немного назад, откидывая ей голову. Потом Хранитель ледяными губами коснулся шеи девушки.

Азалия вырвалась. На этот раз руки не успели вовремя схватить свою жертву, и девушка вцепилась Хранителю в глотку, отрывая попутно брошь от воротника голубого платья Матушки. Руки, схватив Азалию за запястья, отдернули ее назад. Азалия взвыла.

Брошь отлетела в сторону и со звоном упала на деревянный настил. Тотчас Матушка, словно пламя задутой свечи, рассеялась и на ее месте возник темный благодородный

силуэт Хранителя. Он не шелохнулся, но продолжал ухмыляться с присущей ему подчеркнутой ленностью.

— Ах, да, — произнес он. — И теперь ты знаешь, почему я собираю чужие вещи. По той же причине, что и твой папуля, заперший на замок все барахло мамули и заставивший вас соблюдать траур. Потому что любой личный предмет человека, пусть самый незначительный, содержит частичку его самого.

— Король никогда не потерпит такого! — зарычала Азалия. — Тебе никогда не покорить королевство! Войска...

Хранитель зажал ей рукой рот, растопыренными пальцами сжимая девушке щеки, и мягко произнес:

— Тише. Ты, правда, думаешь, что меня заботит ваше убогое беспомощное королевство? Нет, принцесса. Меня волнует совсем другое.

Заглушая голос Азалии, он сильнее прижал ладонь к ее губам.

— Ах, да. Я же так и не поведал мою историю целиком. Как обычно надо заканчивать? Ах, конечно. И дворец вновь был зачарован его полноправным хозяином, который в конце концов убил генерал-капитана, и все было хорошо. Конец. И жили они долго и счастливо.

Хранитель наклонился очень близко, почти касаясь своей руки на лице девушки, и прошептал:

— А теперь, мне надо исполнить кое-какую клятву на крови. Прощайте, сударыня.

И он отпихнул ее в клубок кишющих рук.

Всё вокруг замелькало белым, серебрянным и серым. Танцующая свита теснила Азалию со всех сторон. Загробная тишина заглушила все звуки — музыку, шаги, не шуршали юбки. Марионетки Хранителя бесшумно танцевали шотландку.

Азалия пробиралась через толпу, пытаясь высвободиться. Всеми силами отбиваясь от цепких рук, она улучила момент и, вырвавшись, бросилась вверх по шаткой лестнице.

Но сердце бедняжки едва не разорвалось, когда она оказалась на пустой площадке. Переход в кирпичной стене закрылся. Девушка схватила метку. Она не сможет выбраться без серебра.

Костлявые руки схватили ее за лодыжки и потянули вниз по ступенькам. Азалия упиралась, но все-таки вновь оказалась внутри свиты. Танцующие сменили партнеров и толкнули ее на уготовленное место. Упав она в обморок в такой тесноте, ее безвольное тело продолжило бы танец.

В чем же трюк? Разумеется, все эти фокусы с душами — обман. А теперь Хранитель, свободный от ограничивающей магии серебра, запросто может наложить чары на дворец. И на девочек...

Запертых в зеркалах...

И на Короля!

Азалия изо всех сил бросилась к лестнице, но пустоглазые танцоры поспешили за ней и настигли уже на третьей ступеньке. Бедняжка пиналась и извивалась, отбиваясь от париков и платьев. Они тянули ее обратно, тянули настойчиво, и она упала...

Упала...

Ба...

И ни звука больше, сознание заволочла темнота.

Придя в себя, Азалия осознала, что стоит и на ней бальное платье.

Некоторое время она не отводила взгляд от платья. Потерев прозрачные гофры на юбке, она почувствовала плетение ткани. В голове не стучало. Девушка огляделась.

Комната Матушки. Азалия находится между креслом и буфетом. Тепло и пахнет яичным кексом, розами и детской мазью. На буфете лежат заклеенные игральные карты, от яркого камина исходит свет.

Сон! Хотя в этот раз, запахи, действия, удары сердца — всё собрано в четкую живую картинку. Даже можно было разглядеть частички пыли, парившие в воздухе.

Поглаживая округлый живот, Матушка сидела в расшитом цветочками кресле. Она улыбнулась Азалии, на щеках заиграли ямочки. Но если раньше Азалию успокаивала улыбка матери, то сейчас ей стало еще тяжелее. Ведь это всего лишь глупый сон. Навернулись жгучие слезы.

— Это не взаправду, — плакала она. — Всё невзаправду. Ты всегда рассказывала о согревающей мерцающей частичке внутри. Но теперь я знаю, что ее нет. И никогда не было.

— Азалия, глупышка, что ты такое говоришь? — спросила Матушка. — С тобой все в порядке?

Азалия прислонилась к буфету, за спиной сжимая ручку выдвижного ящика.

— Нет, Матушка. Нет. Со мной не все в порядке. Всё плохо. И уже никогда не будет хорошо.

Матушка поманила Азалию и взяла ее за руку, заставляя сесть на колени. Глаза женщины светились огоньком. Тонкие зеленые юбки Азалии взбились вокруг нее облаком. Удерживая пальцы Азалии в своей теплой руке, Матушка рассматривала ладонь дочери.

К старым шрамам-полумесяцам, незаживающим из-за того, что ее ногти так часто туда впивались, добавились свежие красные отметины после недавнего приступа гнева. А еще, когда Азалия падала с лошади, остались рубцы от поводьев. Раны саднили. Трогая ласково ладонку, Матушка задумалась.

— Ты так раньше делала, когда была маленькой. Ты часто злилась, — Матушка улыбнулась. — Я думала ты это переросла.

Азалия отдернула руку.

— Мне есть из-за чего расстраиваться.

Наклонившись, Матушка смахнула непослушную прядку с лица дочери, а затем вытерла ей слезы большим пальцем. Азалия сморгнула и повернулась к ней, слегка удивленная, что еще не проснулась. Этот сон еще никогда не длился так долго.

— Ты прекрасно справляешься, Азалия. Ты постоянно заботишься о сестрах. Я очень горжусь тобой.

— Точно. Я ведь старалась, да? — и, подумав о замерзающих в зеркалах сестрах, Азалия ждалась от страха.

— Но, — продолжила Матушка. — Ты не очень хорошо поступала с отцом

Азалия резко обернулась. И нахмурившись, вглядывалась в лицо Матушки. В глазах Матушки мерцала искорка, она едва заметно улыбалась, как обычно, а еще она с таким же усердием всматривалась в лицо дочери.

— Прости, я не понимаю, о чем ты, — сказала Азалия.

Матушка взяла руки Азалии в свои и вложила в них вспыхнувший серебром платок. Нежные и такие теплые руки Матушки уняли дрожь в пальцах Азалии, и теплота разлилась от рук девушки по телу. Что-то шевельнулось в сердце. Азалия закусил губу.

— Мы попробуем снова, — Матушка улыбнулась, озаряя комнату улыбкой. — Ты же позаботишься о сестрах и об отце? О всей семье? Азалия, ты обещаешь?

К горлу Азалии подкатил ком, в глазах жгло. Ладони пульсировали в местах соприкосновения с платком.

— Ему... никто не нужен, — промямлила она. — Он сказал... он сказал, что не может выносить...

— Значит тогда он нуждался в тебе как никогда ранее, — объяснила Матушка. — И ты нужна ему сейчас. Ему нужны все вы. Прошу тебя, Азалия. Пожалуйста, пообещай мне.

Азалия посмотрела в блестящие от слез глаза Матушки. Что-то кольнуло в сердце девушки. Она припомнила как всякий раз накидывалась на Короля с едкими замечаниями. И как дала клятву, преисполненная ненависти, и как танцевала исключительно из-за упрямства. А теперь она виновата в том, что Хранитель...

Стиснув зубы, Азалия крепче сжала платок. Глаза горели, но следов гнева в них не было.

— Обещаю. Я позабочусь. О всей семье. Я все исправлю. Я обещаю.

Волна мурашек заструилась по телу Азалии, распываясь от груди до кончиков пальцев. Год назад ощущение было гораздо слабее. Азалия поддалась ему, впуская в себя жизнь. На ресницах девушки дрожали слезинки.

Матушка улыбалась, легко, без болезненной скованности. Глаза сияли. Наклонившись, она поцевала руки Азалии. Теплыми полными жизни губами.

Сейчас Азалия, даже не глядя на Матушку, знала, что губы ее сочно-розовые, как и год назад. Зажмурившись, девушка прижала пальцы к платку и вдохнула аромат яичного кекса и мази; и чувствуя как тепло Матушки разливается по ее телу, она позволила ему наполнить и душу.

А потом она проснулась.

...-бах!

И больно грохнулась головой о деревянный настил.

Азалия лежала распростертая на полу. Глаза и щеки — в слезах. Действительность навалилась мертвым грузом — Хранитель, сестры, клятва на крови. Девушка вскочила.

Тощие сильные пальцы уже не пытались заставить ее танцевать. Фантомы столпились подальше от нее, тараща пустые глазницы.

И...

Азалия стиснула что-то в кулаке. Что бы это ни было, она не помнила, как оно туда попало. Азалия раскрыла ладонь и зажмурилась.

В тусклом свете заблестело серебро.

Платок Матушки.

Все, как Азалия помнила: вышитые инициалы, кайма серебрянного кружева. Азалия могла поклясться, что чует запах яичного кекса. В голове прозвучало эхо слов Короля, сказанных несколько дней назад:

"Много странного произошло по воле безымянной магии..."

— Не может быть! — воскликнула Азалия и подняла платок повыше.

Танцующие отшатнулись. Они замерцали и стали прозрачными, как стекло, а за миг до полного исчезновения на их лицах появились глаза и стерся толстый слой пудры, а затем на пол хрустальным водопадом посыпались крошечные осколки игрушек.

Черный туман возле стен рассеялся, обнажив кирпичную кладку. Кладовая вновь оказалась пуста, и лишь стекляшки под ногами хрустели.

Неистовая радость охватила Азалию. Боль и пульсирование в ушах больше не беспокоили девушку. Перепрыгивая через ступеньки, она, с новыми силами, в мгновение ока преодолела лестницу. Самое время спасти семью.

Дворец было не узнать.

Выбежав из камина, Азалия обнаружила, что вместо круглого стола и кровати с залатанными простынями и комковатыми подушками в некогда девичей спальне стоит хрустальная мебель в барочном стиле; с куполообразного потолка взирают нарисованные купидоны, в центре комнаты висит люстра, а царящую вокруг черную мглу, казалось, даже можно потрогать. Еще недавно задрапированные окна плотной стеной покрывают уродливые колючие ветки, выламывающие рамы и подавляющие свет.

— Всё как в исторических книгах, — охнула Азалия. — Дворец обступили шипастые...

ШШШШШссст!

Рядом воткнулась миниатюрная стрела, в длину не больше ладони девушки, с крохотным железным наконечником в форме сердечка. Азалия вырвала ее из стены и посмотрела на потолок. Наверху парили расписные купидоны.

— Ой, об этом в исторических книгах не упоминали! — Азалия запустила стрелу в негодников. Те бросились врассыпную, и Азалия юркнула к двери.

ШШШШШстстстстст!

Дюжина крошечных стрел впиалась в дверь, едва Азалия ее за собой захлопнула. Девушка, теряясь в догадках, осталось ли что-нибудь от прежнего дома, взглянула на платок. Если он хотя бы отчасти силен как меч — а Азалия знала, что он стал сильнее, — тогда, не исключено, что Хранитель не сможет больше зачаровывать. Также возможно, что он теперь заперт во дворце, как раньше томился в переходе. У Азалии затеплилась надежда. Первым делом — сестры и Король. А потом она Хранителя из под земли достанет.

Азалия неслась по лабиринту ярких незнакомых коридоров, тщетно пытаясь отыскать лестницу или иной путь в библиотеку или в бальный зал — единственное помещение, в котором больше одного зеркала. С зачарованных потретов залитыми кровью глазами взирали бывшие члены парламента и двоюродные тетушки. Слышалось бормотание и шепот их голосов — такое было выше понимания Азалии.

В закрученном золотом холле, и в то же время — портретной галерее, Азалия уловила приближающийся маячок света.

— Эй! — позвала она, делая шаг назад. — Кто там?

Тихо бряцнуло — дзинь-дзинь-дзинь, и свеча, почти на уровне пола, подплыла поближе. Она двигалась сама по себе. Небольшое медное блюдо треснуло по бокам, и выпустило подобие ножек. Схожее с начинающим ходить ребенком, как по сути и свеча, оно неуклюже циркулировало по комнате.

— Ох... надо же, — промолвила Азалия и, вспоминая сахарные зубы, наклонилась к оживленному. — Вы знаете как пройти в бальный зал?

Свеча фыркнула.

— Ах! — Азалия затушила пламя юбкой, наполняя помещение запахом горелой ткани. Свеча пустилась наутек на своих нескладных латунных ножках. Азалия сначала погналась за ней, чтобы пнуть как следует, но внезапно передумала. Гораздо более громкое дзинь-дзинь-дзинь прозвучало из конца холла. По правде сказать, это было скорее БУМ-БУМ-БУМ.

Свечка от страха нырнула под софу. Вдалеке что-то засветилось, а затем явилось громадным клубком железок с тающими свечами по периметру. Азалия узнала в этой посудине старую люстру с северного чердака.

Люстра прыгнула на Азалию, едва успевшую отскочить к камину. Повалив подставку для кочерги, девушка схватила каминную щетку. Разгораясь, люстра снова бросилась в атаку. Превозмогая стук в висках и внутренний ужас, Азалия отпрыгнула и нанесла удар щеткой. Две свечи потухли, но почти сразу разгорелись снова.

Люстра встала на дыбы. Азалия побежала прочь.

Враг, громыхая, погнался следом, ступая по длинной плотной малиновой ковровой дорожке...

Чпок!

Ковер, незаметно обернувшись вокруг люстры, плавным, но быстрым движением поглотил свою жертву и с противным скрипом принялся ее пережевывать. У Азалии сперло дыхание, когда внутри ковра потух последний огонек.

— Так, надо запомнить: не касаться этой штуковины, — с облегчением вздохнула Азалия, радуясь, что, убегая, перепрыгнула через малиновую дорожку.

Робко звеня, прибрела крохотная свечка. Пламя едва горело, словно извиняясь.

— Ты видела Короля? Или девочек? Или, может, бальную залу? — спросила Азалия.

Пламя разгорелось снова и крошечные ножки, указывая путь, засемили как обезумевшие. Азалия, обретя надежду, бежала следом.

И вот, промчавшись по запутанным золотым коридорам с кричаще-ярким убранством, по лестницам с шушукающимися картинами, Азалия пронеслась через главный холл прямо в бальный зал. К счастью, эта сторона дворца не изменилась совсем — те же скучные, обшитые деревянными панелями комнаты с белыми потолками.

Подлетев к ближайшему зеркалу, Азалия едва подавила вопль.

Вместо отражения, на нее смотрела Дельфиния. По щекам бедняжки текли слезы. Ее била дрожь и, в тщетной попытке согреться, она обхватила себя руками. На ресницах белел иней. Возле уха на ее красивом заостренном личике кровоточили три глубокие царапины.

Негодяй! Азалия негодовала. Она прижала к стеклу руку, а с той стороны Дельфиния в ответ прижала свою.

— Делфи, держись. Я вытащу тебя оттуда. А где остальные?

Дельфиния что-то ответила, но зеркало не пропустило ни звука. Тогда она потрясла головой и указала на соседнее трюмо.

Там, внутри, тряслась Ева. Очки ее заиндевели, но в глазах засветился лучик надежды, когда она увидела Азалию. Азалия подбодрила сестру, и побежала к другому зеркалу с Айви. Малышка, пожевывая прядку волос, свернулась клубочком на отражаемом полу, лицо заплакано. Пытаясь хоть как-то ее утешить, Азалия приложила к стеклу ладонь.

В следующем, спрятав руки в рукава, скрутилась калачиком Холли. Дальше, стараясь не дрожать, Флора и Злата обнимали друг дружку. Кловия, Кейл и Лили ютились в другом зеркале. Кловия закутала обеих крошек в свою шаль и обхватила их руками. При виде Азалии у них, как и всех остальных, загорелись глаза.

Больше всех опасения внушала Жасмин. Скрюченная, неподвижная, она даже не дрожала. Даже не шелохнулась, когда Азалия заговорила с ней. Азалия заколотила по стеклу, и лишь тогда веки Жасмин дрогнули. Совсем еще малютка — всего четыре годика, — она замерзала быстро.

Из последнего, восьмого, зеркала раздался стук, и Азалия обнаружила там Брэмбл — руки прижаты к стеклу, длинные рыжие волосы разбросаны непослушными локонами. Несмотря на фиолетовый цвет губ, она была полна решимости. Исступленно жестикулируя Азалии, она еще плотнее сжимала и без того тонкие губы. Вытянув руку к плоской перегородке, она сделала вид, что пишет на ней.

— Писать... Написать письмо? — предположила Азалия.

Брэмбл кивнула. Потом она притворилась, что прячет руки в воображаемые карманы, и начало дерганно перекачиваться с носков на пятки, что-то оживленно рассказывая.

— Лорду Тедди?

Брэмбл, поежившись, кивнула.

— Хорошо, а о чем ему написать?

Нервно сглотнув, Брэмбл открыла рот, но почти сразу закрыла, и снова сглотнула. Не отрывая желто-зеленых глаз от пола, она вся дрожала.

Одними губами она произнесла "Прости меня" и пожала плечами. По щекам катились слезинки.

Непроизвольно, Азалия выхватила для сестры платок. В зеркале отразился серебрянный лучик. Брэмбл подняла взгляд и поднесла ладонь к свету — от него лилось тепло.

— Магия? — беззвучно двигая губами, спросила Брэмбл.

Не теряя надежды, Азалия принялась неистово тереть стекло. Вдруг, таким способом получится вызвать сестер из зазеркалья...

Но ничего не произошло. Брэмбл содрогнулась и замотала головой.

— Этого не достаточно, — беззвучно вымолвила она.

Тем не менее, Азалия подбежала к Жасмин и прислонила платок к зеркальной преграде. Жасмин вздрогнула и слегка приоткрыла глаза. За ее спиной в отражении зеркала маленькая свечка пустилась наутек. Затем приблизился мрачный благородный силуэт. Не отрывая платка от зеркала, Азалия вмиг развернулась. Хранитель!

Он подошел не к Азалии, а к зеркалу с Кловией и с силой ударил по нему кулаком. Запертые там девочки съежились от страха.

— Бросайте его, мисс Азалия.

Азалия замешкала. Хранитель изо всех сил ударил зеркало, и оно треснуло. Кейл беззвучно закричала.

— Бросайте!

Азалия, презирая себя в этот момент, выронила платок. В тот же миг, голова ее стукнулась о мраморную стену, а длинные пальцы Хранителя обвили ее шею.

— Где ваш папочка? — зарычал он.

Он еще не нашел Короля! Хорошо! Азалия попыталась проморгать застилающие взор темные пятна.

— Говори! — взревел Хранитель, сжимая пальцы.

— Не знаю, — просипела Азалия.

Хранитель снова шарахнул ее о мрамор, отчего у девушки искры из глаз посыпались. Кладбище.

Совершенно отчетливо это слово само пришло к ней на ум.

— На кладбище, — прохрипела Азалия. — Он на кладбище.

Хранитель напряженно всматривался в нее, сощутив черные глаза.

— Матушка... — казалось, горло Азалии скоро ползет из ушей. — Матушка умерла ровно год назад.

Хранитель вперился в нее глазами-щелочками, но слегка ослабил хватку. Азалия сделала глоток свежего, такого желанного воздуха.

— На кладбище. Ну конечно, кладбище.

После этих слов Хранитель, держась подальше от платка, метнулся к зеркалу Жасмин. Девчушка тряслась от холода, свернувшись клубочком, темные кудряшки ее растрепались. Увидев нависающего над ней Хранителя, она бесшумно завывала.

Он вытянул пальцы и с натугой погладил зеркало, как любимого питомца. Потом, приложив ладонь к стеклу, закрыл глаза.

Лицо его побледнело, стало почти прозрачным, и зеркало изменилось тоже. Словно вспышку света за темным окном, Азалия увидела собственное смутное отражение. Оно всё уплотнялось и уплотнялось, пока не вырисовывалось совершенно четко. А отражение Жасмин в тот же миг громко закричало...

... и Азалия поняла, что это уже не отражение, а настоящая Жасмин сидит на полу.

Азалия — в голове застучало — поспешила к ней, обогреть ее дрожащее тельце. Но Хранитель отпихнул девушку, схватил Жасмин и широкими шагами вышел из бального зала. Азалия нетвердой походкой отправилась за ним, осмысление произошедшего вселяло в сердце надежду. Она была права насчет платка! Хранитель не может покинуть дворец!

— Ты знаешь, где кладбище, мисс Жасмин? — спросил он, неся ее под мышкой, точно овцу, и распахнул настежь входные двери. Спутанные канаты черных веток, извиваясь как змеи, преграждали путь.

Хранитель, закрыв глаза, дотронулся до спутанного клубка ветвей, и лицо его окрасилось мертвенно-бледным, как в тот раз, когда много месяцев назад он поднимал воду. Дыхание его затруднилось. Ветви дернулись и расплелись, выпуская поток солнечного света.

— Ты не сможешь вернуться, пока не приведешь Короля, — жадно глотая воздух, сказал Хранитель. — Кусты не пропустят тебе одну, только с ним. Поняла? И не задерживайся, дорогуша.

Азалия сняла шаль с вешалки для пальто и плотно закутала ее Жасмин.

— Не возвращайся, — прошептала старшая сестра. — Найди Короля. Но не приводи его домой. Не приходите сюда!

Жасмин в недоумении уставилась на Азалию ярко-голубыми глазками. Хранитель за руку рванул Жасмин, выдворяя через освободившийся проход под ветками. Она споткнулась и вприпрыжку побежала по длинной каменной лестнице.

— Давай, найди Короля. И передай, что я убиваю старшую принцессу... медленно, — произнес он и захлопнул дверь.

Азалия бросилась за платком, но Хранитель успел поймать ее и поволок в бальную залу, там он швырнул бедняжку в пути оконных штор. Канаты с кисточкой, действуя по собственному желанию, обвили и без того саднившие запястья Азалии. Она еле сдержала крик боли, когда канаты затянулись покрепче.

— Предлагаю растянуть удовольствие, — произнес Хранитель.

С величайшей утонченностью своих длинных пальцев Хранитель вытягивал шпильки из прически Азалии и бросал на пол — те падали, тихо позвякивая. Азалия изгибалась, пыталась увильнуть, но шнуры прочно ее удерживали. Завитки каштановых локонов спустились до талии. У девочек в зазеркалье глаза на лоб полезли. Азалия страдала от унижения.

— Так лучше, — прошептал Хранитель, когда последняя шпилька зазвенела на полу. — Ну разве ты не красавица.

Он приблизился. Азалия почувствовала затхлый запах пустого металлического чайника, от Хранителя все время так пахло. Теперь Азалия не верила, что однажды действительно хотела его поцеловать.

— Расскажи мне, — произнес он тихо. — Расскажи, как ты вернула платок? Я просто сгораю от любопытства...

Услышав за спиной сопение, он резко замолчал и развернулся. В дверях бального зала стуча зубами от холода, невзирая на шаль, стояла малышка Жасмин. С ее черных, раскиданных на плечах, кудряшек стекали капли растаявшего снега. Она была одна. Хранитель сузил глаза.

— И как же так произошло, — негодовал Хранитель, щелкая плащом по пути к Жасмин, — что ты смогла сюда попасть? Одна? А? Отвечай!

Яркие глазки Жасмин наполнились страхом, но она не шелохнулась. Она смотрела на него с вызовом.

— Мой отец говорит, — прошептала она, вздергивая подбородок. — М-мой отец говорит... Он говорит... что если ты нас обидишь... он тебе уши надерет.

Хранитель посмотрел вниз на трясущуюся фигурку. На его лице заиграла ухмылка.

— Правда? Так и сказал? Я дрожу как осиновый лист, так страшно.

Он сел на колени перед Жасмин и взял ее маленькую ручонку.

— Давай поиграем. Я слышал, некоторые дети играют в эту игру со сверчками, но гораздо веселее играть с людьми. Я очень надеялся сыграть в нее с твоим отцом, но, увы, — Хранитель вздохнул. — Его здесь нет. Как думаешь, начнем с твоего большого пальца?

Затянутой в черную перчатку рукой он обхватил пальчик девочки и...

...И получил смачный удар в глаз.

Удар пришел из ниоткуда и эхом пронесся по комнате. Хранитель упал на пол. Послышался приятный стук его головы о мрамор.

Ему не только уши надирали, но еще и как следует мутузили!

ГЛАВА 27

Хранитель вскочил на ноги, растирая красные щеки. Глаза его сузились в поисках проитвника.

— Кажется, у нас гость, — усмехнулся Хранитель половиной правой половиной губ, но в глазах пылал огонь. — Добро по...

Бух.

Хранитель снова повалился наземь.

— Ну это мы еще посмотрим! — огрызнулся он и с кошачьей ловкостью бросился в пустоту. Руками он ухватился за что-то невидимое и, сопротивляясь, придавил к полу. Поворот — и что-то невидимое снова оказалось сверху.

Призрачный плащ!

Мистер Брэдфорд! Сердце Азалии подпрыгнуло.

Но... но движения невидимки были... были жестче. Тверже. Сильнее.

— Сударь! — позвала Азалия.

Хранитель вцепился в пустоту и дернул рукой, обнажая голову с запачканной кровью щекой. Еще рывок, и Хранитель сорвал с Короля старый, изношенный плащ.

Король успел еще раз смачно врезать Хранителю до того, как Хранитель, с невероятными усилиями, оттолкнул Короля к шторам. Золотые тросы тотчас впились в его камзол, не давая пошевелиться. Король молча терпел пытку, взирая на Хранителя с таким презрением, которого Азалия еще никогда не видела.

— Так, так, так. — Хранитель тяжело дышал. — Какой изумительный сюрприз — Ваша светлость. Да еще и призрачный плащ! Сердечно вас обоих приветствую.

Хранитель издевательски расшаркался перед Королем и принялся его тщательно изучать. Злодей ухмылялся, сверкая белыми зубами.

— Такая честь наконец-то лицезреть вас. Мы с вашими дочерьми провели поистине занимательные минуты в этом году. И вот что я вам скажу, не стоило воспитывать дочерей такими доверчивыми.

Хранитель замер в нескольких дюймах от лица Короля и с придыханием прошипел:

— На протяжении веков я ждал, я размышлял о всевозможных истязаниях и том, какие из них наиболее невыносимые. Теперь пришла пора развлечься.

Король промолчал. На его напряженном лице проступили вены и мышцы.

Хранитель высвободил из пут Азалию и приволок ее к Королю. Крепко держа ее за талию, он заломил ей руки за спиной, чтобы она не смогла увернуться. Однако, ей удалось как следует пнуть обидчика.

— От самой старшей к самой младшей. Если, конечно, никто не скончается в зеркале раньше своей очереди. Такой уж досадный побочный эффект зеркального заклинания. Оставишь там кого-нибудь надолго, и часы их сочтены. А жаль, очень жаль. Я тут вспомнил прелестнейший реверанс, который как-то делала мисс Азалия. Как же он назывался? Ах, да... реверанс из глубин души...

Он грубо развернул Азалию к себе. Она подавила крик. Дрожащие ладони девушки железной хваткой стиснули длинные пальцы Хранителя, на лице запутались волосы. Хранитель выгнул ей пальцы в обратную сторону, посылая мучительный болевой импульс в суставы. Колени Азалии подкосились, и она рухнула на пол, сдерживая рыдания.

— Как весе...

Треск... лязг... и сильный грохот оглушили дворец.

Со стены полетели занавески, прутики, позолоченные металлические детали, увесистые штифты, тяжелый бархат. Хранитель выпустил Азалию, она упала на пол, наблюдая, как Король хватается Хранителя за шиворот и бросает на мрамор.

Бам!!!

Пистолетный выстрел разрезал воздух из-за вьющихся кустов.

Мир взорвался.

Резкий звук разбивающегося стекла рассек пространство. Со всех сторон взмыли вверх бархатные портьеры. По мраморному полу зацокали копыта, размалывая осколки зеркал, а занавески пытались пробиться сквозь черные ветки и спутанные канаты.

Откуда-то справа ворвался не кто иной, как министр Фейрвеллер верхом на ЛедиФейр. Одновременно через окно возле двери влетел мистер Пудинг, обламывая прут со стены, дабы отогнать шипастые щупальца, обвившие ноги Теккери.

Вот пробился и сэр Джон, а рядом с ним ветки выплюнули еще одного джентльмена. Мистера Гасперсона, мажордома лорда Тедди! Как только Азалия узнала его, через ближайшее окно верхом в седле вломился и сам лорд Тедди с расцарапанным лицом, волоча за собой отчаянно цепляющиеся кусты. Решимости ему было не занимать. Он отшвырнул ногой преследователей, отчего те распались на щепки и смешались с осколками на полу.

А потом, совсем близко, прорвался Диккенс с мистером Брэдфордом на спине. Азалия успела уловить каменное выражение его лица, отблеск пистолета в руке и водоворот снежинок. Бальный зал усеяли кричаще-яркие блики разбитого стекла. Под копытами лошадей хрустели осколки, да и самим животным и их наездникам, судя по окровавленным ранам, немало досталось.

Азалия кое-как встала. Чья-то рука схватила ее за запястье, которое сразу заныло, даже от столь легкого прикосновения. Азалия чуть не заплакала, когда увидела, что это была рука Короля. По всему его лицу разошлись рваные царапины, из них сочилась кровь.

— Он еще у тебя? — последовал вопрос.

Азалия безошибочно угадала, что нужно Королю. Превозмогая боль, она пересекла зал, чтобы поднять платок, и кинулась к зеркалам.

В первом трюмо зябла Дельфиния. Губы девочки посинели. Король вытянул из подставки кочергу и на самый ее кончик намотал платок. Азалия взялась с другого конца, а Король могучими руками обхватил руки дочери. И управляемая силой Короля, с молчаливого согласия Азалии, конечно, кочерга врезалась в зеркало, разбивая его вдребезги.

Посыпались осколки, обличая потускневшую подложку. Страх обуял Азалию. Но как только кусочки с отражениями Дельфинии рухнули на мрамор, из них выпорхнула эссенция, и целая и невредимая Дельфиния предстала перед взором присутствующих, словно все время там и стояла.

Король молниеносно накинул камзол на плечи бывшей пленницы зазеркалья и потянул Азалию к Еве. Ева на всякий случай отскочила назад, пока по зеркалу мототили кочергой. Вновь на пол полетели осколки.

Поплыли неясные очертания, но спустя мгновенье Ева, стуча зубами, искала очки среди битого стекла. Мистер Пудинг укутал ее в собственный поношенный камзол и отвел к камину, в котором уже успели развести огонь. Посыпалось очередное зеркало и лорд Тедди, обернув Айви в свою одежду, понес ее к огню, бедняжка околела и не могла идти сама. Холли тоже пришлось нести. Близняшки, получив свободу, расплакались, то и дело всхлипывая. Настал черед Кловии, Кейл и Лили, им, как оказалось, повезло больше всех.

Возле последнего зеркала Азалия и Король заметно ослабели. Лишь с пятой попытки разбили зеркало и кусочки пленницы слились воедино. Белая как смерть Брэмбл откашливалась, сильно наклонившись вперед. Однако, и в такую минуту она не изменила себе и выдала:

— Аз, видок у тебя прескверный.

Все девочки сгрудились возле камина, приходя в себя от пережитых испытаний. Азалия бессильно привалилась к стене, ощущая как колючий морозный ветер обдувает ее из разбитого окна.

Рука Короля кровоточила, а лицо стало землисто-зеленого цвета. Тем не менее, он не теряя самообладания, размотал платок и осмотрел помещение.

— Будь оно проклято! — прорычал он.

Оглядевшись, все догадались, что именно проклинал Король. Хранитель исчез. И еще раз обежав глазами освещенную серо-белую комнату, акцентируя внимание на копытах и осколках, Азалия поняла, что плащ тоже исчез.

— Он не может выйти за пределы дворца, — пояснила Азалия, когда импровизированная кавалерия собралась вокруг Короля. — Его удерживает платок. И еще — он практически не может использовать магию.

Король кивнул.

— Тогда, организуем поиски во дворце. Сэр Джон... — Король отмахнулся от врача, который хотел заняться его рукой. — Сначала дамы. Их необходимо отвести в теплое место.

Развязалась напряженная дискуссия. Поступило предложение отправить девочек в городской особняк лорда Тедди или в кафетерий на Серебрянной улице, но Король, обведя взглядом дрожащих, с посиневшими губами, дочерей, отказался.

— Слишком холодно. Лошадей мало. К тому же я хочу держать девочек под своим присмотром. Лорд Хафтенравеншер, мистер Гасперсон, разведайте, где осталась нетронутая комната.

Лорд Тедди неуклюже отдал честь и заторопился на выход. Мистер Гасперсон последовал за ним.

Впитывая жар огня, Азалия ощутила, насколько она устала. Ее тело напоминало пульсирующий оголенный нерв. Она прислонилась к стене, но сил не хватило устоять на ногах, и девушка начала медленно падать.

Подхватил ее мистер Брэдфорд.

— Вам нехорошо? — обеспокоенно спросил он.

Не в силах вымолвить ни слова, Азалия кивнула головой и слабо улыбнулась. Облокачиваясь на крепкое плечо молодого человека, она немного позабыла о страхе и боли. Он усадил ее в бархатное кресло у камина и, убедившись, что девушке не станет хуже, потянулся к пистолету. Она наблюдала, как он перезаряжает оружие — очень сосредоточенно, со знанием дела. Таким — несложно представить его капитаном, командующим военными отрядами.

Азалия мысленно воссоздала события вечера. Она представила, как мистер Брэдфорд помогает Королю с ее поисками, попутно рассказывая о Хранителе, затем, увидев заполонившие дворец колючие ветки, призывают на помощь наскоро собранный отряд всадников. Азалия поджала пальчики в ботинках (даже это больно) и улыбнулась мистеру Брэдфорду. Он заметил и криво улыбнулся в ответ.

Лорд Тедди неестественно широкими шагами вприпрыжку влетел в бальный зал. За ним тяжело ступал мистер Гасперсон.

— Библиотека, сударь! — задыхаясь, сообщил лорд. — Через холл! Она не тронута магией, и там еще тлеют угли!

Король коротко кивнул и, не обращая внимания на кровотечение, одной рукой подхватил и Кейл и Лили. Другие стали помогать девочкам встать на ноги. Лорд Тедди обе руки протянул к Брэмбл. Его льняная рубашка была заляпана кровью, но он все равно светился от счастья.

— Вы-то что здесь забыли? — Брэмбл отшатнулась от его испачканных в крови ладоней.

— Помогаю вам подняться.

— Уходите отсюда, — она почти плакала. — Оставались бы в своем дурацком государстве, и не пришлось бы... не пришлось бы торчать здесь и геройствовать...

Она попыталась подняться сама, но холод пробрал ее до костей — конечности не слушались. Лорд Тедди тут же подскочил на подмогу.

— Ааааах!

Это завопили двойняшки. Глаза их в ужасе полезли на лоб, ладони зажимали губы. Азалия проследила за их взглядом.

А там, слабо освещенный бликами поцарапанный Фейрвеллер держал в объятиях рыдающую Кловию, приютившую головку ему на плечо, и что-то шептал ей на ушко.

Вскрикнула Дельфиния, а Ева воскликнула:

— Ах, Кловия, как ты могла?

— А он хорошо целуется? — поинтересовалась Холли.

Король, не проронив ни слова, подошел к воркующей парочке и рывком отбросил Фейрвеллера от дочери, затем размахнулся и врезал ему кулаком в глаз.

Фейрвеллер пошатнулся и упал, спрессовывая под собой осколки.

— Можете подождать с заявлением об отставке до завтра, бывший премьер-министр Фейрвеллер!

Процессия растепанных девочек и их сопровождающих поковыляла к библиотеке. Азалия плелась в конце, молясь, чтобы все поскорее закончилось и она, свернувшись калачиком на мягких подушках под пушистым одеялом, могла забыться глубоким, просто глубочайшим сном. Она потерла саднившую губу, оказалось, та снова кровоточит. По привычке девушка полезла за платком, и в панике поняла, что его нет.

Пошатываясь, она прибежала обратно в бальную залу, вспоминая отвязал ли Король платок от кочерги. Шаркая ногами по осколкам, она высматривала заветную вещицу среди рухнувших занавесок.

Едва она заметила голую кочергу возле кучки того, что осталось от последним разбитого зеркала — теперь она припомнила, что Король все-таки отвязал платок, — как рука шлепнула ее по губам и потащила назад.

По крайней мере, по ощущения это походило на руку. Девушка не видела, что это было. Другая невидимая рука схватила ее за талию и потянула вверх. Азалия отчаянно сопротивлялась невидимой угрозе. Хранитель!

— Да, давай кричи, — прошептал в ухо шоколадный голос. — Он придет тебе на помощь. Милосердие проявит, или как там это у вас называется? А когда он объявится...

Рука, залепившая девушке рот, дрожала, что придало Азалии храбрости. Он совсем ослаб, наверняка и магических способностей почти не осталось! Она крутанулась на одной ноге, всей мощью налетев на невидимого врага, и нащупав ткань грубого плетения, что было сил вцепилась в нее, прыгая и кружась. Чтобы ненароком не вскрикнуть, она закусила губу.

Уже появилась голова Хранителя, но он успел ухватиться за полу плаща и дернуть на себя. Азалия заскользила по мрамору, но призрачный плащ не выпустила и даже намотала его на запястья для прочности. Руки девушки пронзила невыносимая боль.

— Вот как! — произнес Хранитель. — Хочешь потанцевать сплетение! Довольно необычная танцевальная позиция для начала.

Он потянул на себя, Азалия отклонилась. Хранитель слегка расслабил натяжение плаща. Азалия, зыбко балансируя, увиливала от его резких выпадов. Вскоре они переместились через весь зал к окнам.

— А знаешь, — выпалил он. — Ведь я и в самом деле придумал этот танец. Еще ни разу ни одна леди меня не обыгрывала. Как бы они ни старались. Изволю подметить, ты была ближе всех к победе.

Хранитель подтянул плащ и шлепнул Азалию по лицу. Искры из глаз не брызнули в отличии от прошлого раза, однако, в смятении хватку она ослабила. Отпрянув, она чуть не выпала из разбитого окна. Ветерок вплелся в ее распущенные волосы, прихватив с собой снежинки. Хранитель дернул изо всех сил...

...и подскользнулся.

На полу зазвенели шпильки. Ноги Хранителя выехали вперед, описали дугу, и сам он грохнулся на мрамор. Азалия, прихватив плащ, вывалилась из окна на утыканные шипами порубленные ветки.

Не сразу рассеились перед ее взором темные пятна. Азалия терпеливо выровняла дыхание и немножечко успокоилась. Каждую клеточку ее тела жгла невыносимая боль.

Трясущимися руками девушка, ветка за веткой, выпутывалась из кустов. За отважной битвой Азалии с колючими лозами наблюдали с привычным лошадиным равнодушием выбежавшие на главный двор лошади. ЛедиФейр, фыркающая огромными ноздрями, даже сподобилась подойти к кустам и уткнуться в шевелюру Азалии.

Девушка оттолкнула морду ЛедиФейр с тем же усердием, что и тернистые ветки. По руке Азалии струилась кровь. Кое-как она перемахнула через окно обратно во дворец, вовремя вспомнив про призрачный плащ, дабы избежать новой атаки Хранителя.

Живо набросив изодранные лохмотья на плечи, она почувствовала вибрацию в теле. Юбки исчезли из поля зрения, а мир вокруг расплылся, словно просматривался через мутное стекло.

Ожидая нападения Хранителя, Азалия сжалась в комочек, но нападения не последовало. Азалия огляделась по сторонам.

В бальной зале никого не было.

Клятва! Он знает, что все отправились в библиотеку и намерен последними крохами силы одолеть Короля. Как следует запахнув плащ на шею, Азалия подобрала юбки и побежала.

ГЛАВА 28

Невидимкой Азалия миновала покинутого всеми Фейрвеллера и вбежала в дверь библиотеки. Жар библиотеки захлестнул ее, опалив нос и щеки. Она застала всех у накрытого фортепиано и книжных полок. Диванчики придвинули ближе к огню, и теперь на них мостились девочки в помятых черных платьях. С их плечиков свисали мужские камзолы и пальто. Бедняжки все еще стучали зубами от переохлаждения, но уже первые признаки румянца окрасили их лица.

И с ними Король! Азалия протяжно выдохнула. Он цел и невредим. Он стоял возле стола и что-то тихо говорил присутствующим джентльменам. Несмотря на раны и царапины, он жив. Хранителя не наблюдалось.

Азалия облегченно вздохнула. Она уже порывалась сбросить плащ, но тут увидела Матушку.

Она держалась в кругу девочек, негромко бросая отрывистые фразы. Рядом с ней находился мистер Брэдфорд, выглядел он довольно растерянно и также негромко отвечал ей. Азалия скользнула поближе, и она едва не завопила, когда поняла, что упрямый подбородок и растрепанные волосы принадлежали вовсе и не Матушке...

Это же я! завопило все существо Азалии.

Хранитель!

Азалия бросилась на свою копию, но вдруг резко отпрянула, да так, что юбка хлестнула девушку по икрам. Легкий поток ветра взъерошил ей волосы. В руке подражателя сверкнула сталь — пистолет мистера Брэдфорда!

Стиснув зубы, она стала пробираться более осторожно. Капюшон все еще мешал ей ясно различать предметы, она шаг за шагом подбиралась к Хранителю. Чудно было идти и не видеть колыхающихся юбок впереди. Вот она уже по-кошачьи прокрадась к мистеру Брэдфорду, а вот и диванчик с близняшками. Те оживленно шептались с широко открытыми глазами.

— ...думаете, мне не под силу? — и Хранитель прижал пистолет к ее... или правильнее выразиться к его, но выглядевшей сейчас точь-в-точь как у Азалии, груди, пряча его от протянутой руки мистера Брэдфорда. Азалия задумалась, правда ли она сейчас такая бледная как мертвец, а если правда, то она сейчас определенно не смахивает на красотку с многочисленными синяками и ссадинами.

— Нет, разумеется я не имел в виду ничего такого, — пролепетал мистер Брэдфорд. — Я просто и не подозревал, что вы умеете обращаться с оружием.

— А она и не умеет, — вставила Брэмбл, сидя на софе позади него.

Азалия-Хранитель крутанула пистолет на пальце, и тот закрутился с такой скоростью, что в свете лампы мелькал только отблеск металла. Не замедляя вращения, она подбросила пистолет в воздух и искусно поймала другой рукой, после этого с щелчком остановила оружие дулом вверх.

У девочек отвисли челюсти. Мистер Брэдфорд оглядел Хранителя с подола юбки до кончиков спутанных волос с выражением легкого замешательства, а после с подозрением.

— Только один выстрел? — Хранитель играл с пистолетом, а голос его зазвучал как у Матушки. — До сих пор что ли не изобрели пистолеты, скажем, с тринадцатью выстрелами? Ха! Хватит и одного!

— По-моему, вы перенервничали. — Мистер Брэдфорд приближался к Хранителю, намереваясь забрать пистолет. — Мисс Азалия, войска придут самое позднее через двадцать минут, вам не нужно оружие...

— Нет, нужно! — огрызнулся Хранитель, пятась к накрытому фортепиано и рыская зелеными глазами по библиотеке. Не давая мистеру Брэдфорду выхватить у него пистолет, злодей поднял его высоко над головой.

Чья-то твердая рука неожиданно стиснула запястье Хранителя. Лицо его (а точнее Азалии) побелело, отчего ссадины на нем стали еще заметнее. Азалия видела, как Хранитель пытается вырваться из хватки Короля, но либо Хранитель слишком ослаб, либо Король оказался не на шутку силен. А может, и то и другое.

Тем не менее, пистолет Хранитель не выпустил. Костяшки его изящных пальцев побелели от усилия, с которым он сжимал оружие. Король вздохнул и попытался вырвать пистолет у врага. Но Хранитель не уступал, и Король, свинув брови, раздраженно бросил:

— Мисс Азалия. Все напуганы, но держите себя в руках. Отдайте пистолет.

— Нет.

— Азалия, выпусти пистолет.

— Нет.

— Азалия...

— И не подумай! — извивался Хранитель в железных тисках Короля, целясь пятками в ноги Короля и пиная его, но Король словно не замечал тычков. Азалия не знала никого сильнее Короля. Азалия скользнула ближе.

С диванчиков, будто зачарованные, наблюдали девочки, глаза их были прикованы к точке над спинками кресел. Если пистолет сейчас выстрелит, то пуля пробьет потолок.

— Мисс Азалия. Отпустите. Если бы ваша мать была здесь...

— Не рассказывай мне, что Матушка сделала бы, а что нет! — зарычал Хранитель. — Она с покойниками!

Азалия вздрогнула. На мгновение Король немного ослабил держащую Хранителя руку. Но почти сразу вновь стиснул железные пальцы.

— Азалия...

— Она мертва! — воскликнул Хранитель, пылая зелеными глазами. — Мертва, мертва...

Азалия вцепилась в ворот плаща. Ощущение было как от порки.

На диванчиках возле камина Кейл и Жасмин, свернулись маленькими шариками и заревели. Жасмин издавала аккуратные хрустальные вопли, а Кейл исходила рыданиями. Лилия, лежавшая на руках Кловии, почувствовала разлад и тоже заплакала.

— Лия, перестань, — произнесла Кловия.

— Мисс Азалия, — сказал Король, крепко сжимая дочери запястье. — Думаю, все мы и без вас хорошо осведомлены. Нам остается только смириться...

— Да какого черта? — громогласно заявил Хранитель. — Уже никогда не будет как раньше. Не с тобой.

Рука Короля дрогнула. Последовал необъяснимый неловкий миг, мимолетная заминка, словно воздух в комнате вывернули наизнанку. Новые морщины пересекли лицо Короля, а когда Азалия приблизилась к нему, то заметила, каким старым он стал вдруг казаться. Азалия припомнила тревожный случай прошлого лета, тогда его внутренний стержень заметно погнулся, а сейчас он словно непослушно извивается, заставляя черты лица Короля искажаться в страдании.

— Мы должны делать то, что можем, мисс Азалия, — выдавил он из себя. — В этой семье мы...

— Ты, — со злостью прошипел Хранитель, — не часть этой семьи.

Король резко отпустил запястье Хранителя, и Азалия осознала — память словно отпустила ей пощечину, — что это ее собственные слова.

— Да как ты смеешь! — закричала Азалия и бросилась на себя, оставляя призрачный плащ на полу. Она сбила Хранителя с ног и прижала к земле, лишая его возможности воспользоваться оружием. Пистолет стукнулся о пол и отлетел в сторону. — Как ты смеешь! Я вырву тебе глаза!

— Ой... ой... — завопил Хранитель. — Ой...ох!

Азалия иступленно колотила его по исцарапанному лицу.

В одно мгновение джентельмены разняли дерущихся, скручивая им руки за спиной, при этом испытывая шок и недоумение. Что к Азалии, что к Хранителю не требовалось применять грубой силы — и теперь они тряслись от изможденности и гнева.

Всё еще сохранивший следы внутренней борьбы Король выступил вперед.

— Это еще что такое?

Обе Азалии разразились воплями: Азалия — гневными, а Азалия-Хранитель — оборонительными, и вместе они морщились из-за ссаднивших запястий, за которые их удерживали молодые люди. Наблюдавшие девочки разревелись. Король поднял руку, призывая к тишине и сказал:

— Мисс Азалия.

Обе Азалии снова перешли на крик.

— Сударь, разве вы не видите, я — настоящая Азалия, а это — Хранитель! Он использует магию!

— Ах ты подлец! — воскликнула Азалия. — Ты омерзительный... Он хочет убить вас!

— Ты даже говоришь не так как я!

— Хватит! — приказал Король.

— Ой, сударь! — вскочил лорд Тедди. — Сударь, я однажды читал о чем-то подобном, сударь! Единственное верное решение — это убить обеих. Так сказано в Библии!

Грянуло молчание. Под взглядом Короля лорд Тедди присел на место со словами:

— А, забудьте.

— Сударь, улики на лицо, — произнес Хранитель, тщетно ерзая в руках мистера Брэдфорда. — Хранитель взял призрачный плащ, и в нем сейчас явился сюда.

— Сударь, факты говорят об обратном, — разум Азалии выискивал что-нибудь используемое Хранителем принадлежащее ей. Как вдруг девушку осенило, и она вздернула подбородок:

— Платок. Вам известна его магия.

Король повернулся к ней, словно только заметил. Брови его поползли на лоб.

— Да, — согласился он. — Точно.

И из кармана камзола он вытянул скомканный серебрянный платок. Теперь Азалия вспомнила, как Король снял его с кончика кочерги. Серебро заблестело в свете лампы с матовым стеклом. Зеленые глаза Хранителя вспыхнули.

— Сложи его для меня, давай, — твердо обратился Король к Хранителю.

Азалия с необъяснимым восторгом смотрела, как краски полностью отхлынули от и без того бледного лица злодея. Его взгляд метнулся к двери, затем на пистолет, лежащий перед ним на полу, а затем снова на платок.

— Сначала он, — указывая подбородком в сторону Азалии, произнес Хранитель голосом Азалии.

Король, не отводя глаз от Хранителя, передал платок Азалии. Она его аккуратно сложила, приглаживая швы, и подняла повыше, чтобы увидел Король. Голос Короля прозвучал жестко:

— Капитан Брэдфорд.

Выкручиваясь из рук мистера Брэдфорда, Хранитель подался назад. В резком глассе он высвободился и перед тем как шлепнуться о землю зацепил фортепиано. Не успел мистер Брэдфорд помочь Азалии-Хранителю подняться, как тот неловко поднялся сам и вздернул подбородок.

— Надо же было так сглупить, — сказал он, протягивая руку к Азалии. — Давай сюда платок.

Ладонь лже-Азалии дрожала. А в другой ладони, спрятанной в складках юбки, Азалия уловила отблеск стали.

Пистолет!

Азалия даже не успела поразмыслить как следует. Она кинулась на Хранителя, пока тот не стал вновь угрожать оружием. Они повалились на ковер, и пистолет отлетел под фортепиано вне зоны досягаемости. Азалия вцепилась в черные юбки Азалии-Хранителя и потянула назад.

Хранитель извивался и хлестал Азалию по руке. Капельки крови потекли по ее щекам и она разжала пальцы. Он с трудом поднялся и прыгнул к двери.

— За ним! — скомандовал Король. Он схватил с пола пистолет и устремился за Хранителем. — Нет — джентльмены! А леди остаются на месте!

— Черта-с два мы останемся! — воскликнула Брэмбл.

И они ринулись следом в вихре юбок, Азалия тоже побежала, зажимая плечо. Вообще говоря, в ее состоянии ноги никак не могли нести ее вверх по лестнице легкими практически танцевальными движениями. Однако, девушка вся горела гневом, и жар, растекающийся по венам, пересилил боль. Она обогнала девочек, джентльменов и даже Короля, оставив их далеко позади. Она неслась по неведомому дворцу вдоль позолоченных белых стен и испуганных портретов.

Добежав до конца коридора, она остановилась перевести дыхание. Под белым шелковым диванчиком щелкнул малюсенький язычок пламени и тоненькая коротенькая ножка указала на ступеньки. "Премного благодарна!" — сказала Азалия, продолжив преследование. Хранитель направился в башню.

Через несколько минут в венах вспенилась кровь, и Азалия, жадно глотая воздух, запрыгнула на шаткую площадку башни. Обстановка удушала, словно башня затаила дыхание. Сероватая голубизна метели отбрасывала на пол тени цифр с циферблата. Возле них кружили тени поменьше.

Раздался пронзительный звон, сопровождаемый неприятным ииИииИхИИИИухх. Спящий гигант часового механизма со скрипом возвращался к жизни. Азалия как раз вовремя осознала, что истек срок, на который мистер Брэдфорд остановил куранты, как за спиной послышался шелест юбок; Азалия пригнулась. Каминный совочек просвистел над ее головой и врезался в циферблат.

Стеклянный водопад накрыл Азалию и, звякая, рассыпался по деревянному настилу. На платформу с воем влетела снежная буря. Азалия отскочила в тот момент, Хранитель из кучи осколков выхватил совочек и швырнул его в Азалию. Она отскочила и побежала вверх по неустойчивым ступеням боковой колокольной платформы, намереваясь спрятаться в шестернях размером с колесо кареты. Хранитель гнался за ней грациозными скачками с совочком наизготове.

Придерживая юбки, чтобы не споткнуться, Азалия пробиралась среди шестерней и подвесных противовесов, втискиваясь между пыльными колоколами, отдающими металлом. Что-то щелкнуло, и девушка поняла, сейчас часы пробьют четверть. Азалия припала к усыпанному песком полу, как можно ниже приглубив юбки, пока колокола со скрипом качались над ней в облаке пыли. Казалось, что столь громкий звон вот-вот просверлит мозг.

Вскочив на ноги, Азалия, покрытая слоем пыли, едва успела увернуться от размашистого удара Хранителя, пятась в скопление опасно вращающихся шестеренок.

Куранты со скрипом затихли. Азалия попыталась подняться, но ноги ее не слушались. Вытянув шею, она разглядела, что юбка застряла между зубцами. Стараясь ухватиться поудобнее, Азалия потянула пойманную в ловушку ткань. Над ее головой навис Хранитель со сладкой улыбкой Азалии на устах. В тусклом свете ярко блестели его белые зубы. Он замахивался совочком.

— Азалия...

Обе Азалии устремили взор на нижнюю платформу, проглядываемую через зубчатые колеса. Король!

Хранитель сверкнул глазами. Выронив каминный совок, он стал протискиваться обратно сквозь часовой механизм.

— Сударь! — закричала Азалия. — Осторожно!

Король встрепенулся, поднимая пистолет. Тут он увидел бежащего на встречу Хранителя, шелестящего юбками.

— Сударь! — едва дыша, позвал он. — Застрелите его! Застрелите его! Скорее!

И изящной дрожащей рукой он указал на Азалию. Король вгляделся через детали механизма и разглядел застрявшую в шестернях Азалию. Их взгляды встретили. Король помрачнел.

Азалия держала платок.

Плюх!

Король распластал Азалию-Хранителя на земле, тыча пистолетом в его хорошенькую головку. Его каштановые локоны рассыпались по пыльному полу. В разбитый циферблат залетали снежные хлопья и кружили у них над головами.

— Наверх! — громко позвал Король, не пошевелив ни одним мускулом. — Наверх!

Хранитель тщетно сопротивлялся натиску Короля, сдавленно постанывая. А потом начал хныкать.

— Пожалуйста. Прошу вас не делайте мне больно.

Король дрогнул.

Хранитель корчился от боли, и на миг даже Азалия пожалела его, будто мяукающего котенка с милыми влажными от слез щечками и спутанными каштановыми волосиками.

— Пожалуйста, — молил он голосом Азалии, задыхаясь от всхлипываний. — Пожалуйста, Папа...

Король отбросил пистолет. Оружие загремело на деревянном настиле. Король подался назад.

— Нет, — произнес он. — Азалия...

— Это не я! — закричала Азалия.

Хранитель сверкнул глазами.

— Боже, храни Короля, — сказал он и приставил к груди Короля пистолет.

Бам!

Медленно, как в ночном кошмаре, так медленно, что снежинки повисли в воздухе, Король падал вперед.

Хранитель поймал его, уперев носок ботинка ему в грудь и отпихнул его назад, со всей силы. Король упал на пол. По башне покатилося глухое эхо.

Нет... нет...

— Нет! — заорала Азалия и дернула за юбку, навалившись всем весом своего тела. Послышался звук разрываемой ткани.

Часы, потрескивая, ожвились. Зашумели, затикали колесики. Азалия карабкалась через блок механизма, почти не чувствуя, как все тело обжигает острой болью.

Измощенный Хранитель без малейшего усилия вернул себе прежний облик. Он отбросил пистолет в сторону и в попытке подняться привстал на карачки, заливаясь сухим кашлем. При виде новой метаморфозы Хранителя Азалия в ужасе отпрянула.

Волосы окрасились серебристо-белым и повисли спутанными кочьями, которые раздувал штормовой ветер. Кожа на лице прилипла к костям черепа. Азалия поперхнулась, распознав в нем престарелого Хранителя, того самого — со спрятанного на чердаке портрета.

Клятва на крови. Азалия покачнулась от потрясения, следя, как годы прожитой жизни обрушиваются на Хранителя. Его скрутило и обезобразило, а кожа таяла, словно воск догоравшей свечи. В слабом свечении его ввалившиеся черные глаза задержались на обмякшей фигуре Короля, а затем метнулись к Азалии. Глаза горели триумфом. Голосом, напоминающим жухлые страницы старой иссохшей книги, он произнес:

— Я победил.

Азалия опрометью бросилась на него, но не успела — налетевший ветра раскрошил его на пыльные струи, развеяв в пустоте руки и голову. Последний порыв ветра подхватил платок из руки девушки, и сквозь циферблат увлек его в снежную бурю.

Напоследок платок блеснул серебром и исчез.

Дон! Зазвонили куранты.

Азалия сглотнула, попятившись от выступа, и взобралась на платформу с Королем.

— Сударь, — позвала Азалия. — Сударь!

Она коснулась его щеки — холодная. Король не шевелился.

Мистер Брэдфорд, едва дыша, вбежал на верхнюю ступеньку лестницы.

— Позовите сэра Джона! — закричала Азалия. — Скорее!

Мистер Брэдфорд в ту же секунду скрылся из виду. Азалия попыталась собраться с мыслями. Приложить зеркало к губам, и оно запотеет — нет, у нее нет с собой зеркальца... остановить кровь — платка у нее тоже нет, да и как много крови... слишком много. Она начала прощупывать пульс на запястье, но ее руки сильно тряслись, и она ничего не почувствовала.

На платформу башни ворвались сестры и, увидев Короля, вытаращили глаза.

Они не проронили ни звука. Ни вдоха, ни крика, ни плача. Вокруг кружились снежинки, а девочки все стояли как вкопанные. Флора зажимала ладонями рот, Кейл и Лили держались за юбку Кловии. Кловию трясло. А рядом с бледностью Брэмбл снег отдавал серостью.

И из глубины воспоминаний, таких далеких и смутных, что почти не различить ни звуков ни красок, трехлетняя Азалия завывала тоненьким голоском: "Папа".

— Папа, — позвала Азалия бездыханное тело Короля. Столь инородное слово застревало в горле. — Папа... ты не можешь оставить нас, Папа... это будет совсем... совсем не по правилам...

Брэмбл встала рядом с ней на колени, хватая Короля за перевязанную руку.

— Она... она права, Папа, — неуверенно бормотала Брэмбл. — У нас же есть... правила...

Кловия рухнула на колени и прижала платок к его груди. Он быстро пропитался кровью.

— Папа, — прошептала она.

Девочки опустили на колени вокруг Короля, сглатывая и шепча единственное слово. Юбки несчастными соцветиями раскрылись на полу.

— Папа.

— Папа.

— Папа.

Шепот заглушил порывы ветра, свист снежной бури и скрипучее тиканье часов, казавшееся теперь таким незнакомым и далеким. Азалия сжала безжизненную ладонь Короля.

— Папочка, — позвала она.

Через разбитый циферблат с новой силой хлынул шквалистый ветер, как вдруг...

...потеплело.

Снег, который только что ледяными укусами садился на лицо и плечи, теперь обжигал. Разразилась буря, с ослепляющими вспышками, и Азалия догадалась, что дело вовсе не в буре, дело — в ней самой.

Что-то согревающее вспыхнуло в груди и растеклось к кончикам пальцев на руках и ногах, сияя как бриллиант в лучах солнца. Это не напоминало бурлящий приступ ярости и совсем не походило на холодное покалывание Клятвы на серебре. Это было гораздо глубже. Оно не просто пронизывало ее тело, оно проникало в душу.

Дыхание Азалии участилось.

Ощущение постепенно затихало, пока не осталось лишь теплое мерцание в груди, озаряющее сердце ласковым светом. Завывал ветер, вновь ставший студеным, холодные снежные хлопья падали на щеки, но обретенное тепло не покидало девушку.

Затаив дыхание, Азалия посмотрела на сестер.

Кловия, поверхностно и часто дыша, прижала ладонь к сердцу. Тонкие брови Брэмбл взмыли так высоко на лоб, что почти соприкасались с линией роста волос. Близняшки держались за руки, а Холли вытирала лицо юбкой. Даже самые младшенькие, Кейл, Жасмин и Лили, больше не плакали, а изумленно перемигивались друг с другом. Дельфиния была настолько бледная, что упади она в обморок — ей бы даже поверили. Все сестры выглядели ошеломленными не меньше Азалии.

— Святые камзолы, — откашливаясь, пробормотала Брэмбл. — Что это вообще было?

В ладонях Азалии, столь крепко сжимавших руку Короля, что свело пальцы, что-то дернулось.

Азалия в испуге хлопнула себя по губам.

Его рука — теплая. И не просто едва теплая, а такая, что могла бы поспорить с огоньком в ее груди.

Слабый голос Короля был под стать его вялым попыткам подняться.

— Ох...

— Сударь! — воскликнула Азалия, бросаясь его обнимать. — О... сударь! Папа!

— Ох...

— Папа! — подхватили остальные девочки.

И они обрушились на Короля, обнимая его со всех сторон. Азалия попыталась удержать сестер, но слишком обессилела. Возбужденные радостные крики и слезы счастья эхом пронеслись по башне, а вокруг падал снег — белый, чистый и свежий.

ГЛАВА 29

Непривычное явление разбудило Азалию — солнечный свет.

А еще она проснулась среди бесчисленных взбитых подушек. Она приняла бы это за сон, если бы не ломота и боль во всем теле. Она лежала не в своей спальне, да и вовсе не во дворце, а в фешенебельных апартаментах какого-то поместья с полосатыми обоями на стенах и делчестрийскими створчатыми окнами.

Азалия припомнила эйфорическое счастье, появление джентльменов на лестнице башни, снегопад, а потом... тьма. Ах, она упала в обморок. Снова.

Ждавшие у изножья кровати Флора и Злата, радостно подпрыгнули, когда Азалия шелохнулась и потянули ее за руки в разные стороны, как любимую тряпичную куклу, при этом не умолкая ни на секунду.

— Ты проснулась!

— Ты проспала почти два дня!

— Сэр Джон сказал, что ты поправишься, тебе только надо как следует отдохнуть.

— Ой! — Флора шлепнула себя по губам. — Они заставили нас пообещать, что мы их сразу позовем!

Двойняшки убежали, а через несколько минут комната наполнилась сестрами Азалии. До сих пор одетые в черное, немного потрепанные и бледные — они пребывали в прекрасном расположении духа. Даже Дельфиния, чье хорошенькое личико пересекал неровный порез, улыбалась. Девочки не помнили себя от радости, увидев старшую сестру бодрствующей. Азалия тоже сияла от счастья.

— Добро пожаловать в особняк Фейрвеллера, — сказала Брэмбл, скалясь и подсовывая под нос Азалии чашечку мятного чая. — Очень модный и очень опрятный. К безумному восторгу слуг мы уже успели заляпать ковер в столовой.

— В настоящее время, мистер Фейрвеллер расположился в своем городском доме. — Кловия подала сестре красивую печенюшку с цветочком на верхушке.

— Ага, до той поры, пока Король не отыщет меч, чтобы обесчарить дворец, — подтвердила Брэмбл. — Или пока Король не прикончит Фейрвеллера.

— Пока Папа не прикончит Фейрвеллера, — пискнула Холли.

— Ага. Папа. Именно он, — ухмыльнулась Брэмбл. — Папа, Папа. Нам надо уже привыкнуть к этому.

Азалия улыбнулась забитым печеньем ртом. Значит, с Королем все в порядке.

Девочки попросили слуг наполнить для сестры ванну и без умолку тараторили, помогая ей раздеться. Азалия никогда не видела такой ванны — по сути это была целая комната, а от воды в ванной шел пар. Погрузившись по шею в мыльную пену, она аккуратно сняла повязки с предплечий и ладоний и смыла засохшую кровь. Младшенькие играли с пузырьками, а старшие рассказывали о произошедшем.

— Нам следовало тебя послушать, — сказала Ева. От влажности и высокой температуры очки ее запотели. — Когда ты не пускала нас в павильон. Ты была права.

Азалия отмахнулась.

— А что случилось, когда вы прошли через переход?

Лица всех девочек помрачнели.

— Павильон... уже не был таким как раньше, — вот и все, что ответила Брэмбл.

Азалия представила темный шатер, забитый танцующими получудовищами полулюдьми, вспомнила костлявые руки, хватающие за лодыжки. Она подумала, каково им было попасть в такое пекло, а потом оказаться заточенными в зеркалах. Она поежилась.

— Уже неважно, — произнесла она. — Давайте не вспоминать об этом.

Тем не менее, девочки заставили Азалию поведать ее историю, и она начала с самого начала — про бал с привидениями, про Матушку, про то, как узнала правду о Хранителе и закончила призрачным плащом и магией броши. К окончанию рассказа вода в ванной совсем остыла, а девочки сидели, прижав колени к груди, и не мигали.

— Вот это история, — ахнула Брэмбл. — За такую "Геральд" удавился бы!

Слуги принесли еще горячей воды, а вместе с ними показалась и Дельфиния с охапкой шелковых и бархатных тканей. Привыкшая к черному Азалия жадно уставилась на ярко-розовые, фиолетовые и голубые оттенки. Едва слуги скрылись за дверью, все поспешили к Дельфинии, и расправив разноцветные свертки, выяснили, что это — платья всех размеров.

В результате суетливого распределения пышных юбок и блузок каждый наряд попал в нужные руки. Дельфиния, зардевшись от волнения, отложила для Азалии юбку и кружевную блузку на стул возле ванны и широким жестом добавила подходящий бант на воротничок.

— Портниха говорит, что она уже давно их закончила и надеется, что они нам впору! О, Ева, оно выгодно подчеркивает твои глаза! А лавандовый до нельзя подходит близняшкам, вам так не кажется?

— Но откуда они взялись? — спросила Азалия.

— Король! — ответила Флора. — Он их прислал.

— П-папа, — поправила Злата, расстегивая пуговицы на черном платье Флоры.

— Да, Папа. Он сказал, что это был наш подарок на Рождество!

— Правда? — Азалия нахмурилась. Король ведь хотел продлить траур. — Этот точно он?

— Мы же не хотим больше напоминать порождения Фейрвеллера, — оскалилась Брэмбл. Однако, ухмылка сползла с ее лица, когда она увидела выражение Азалии. — То есть... ты же рада, да?

Азалия зачерпнула ладонями пузырьки, а затем в задумчивости погрузила их в воду.

— Да, просто... просто не так давно он сказал мне, что еще не готов снять траур.

— А теперь готов, — просияла Дельфиния. Но и ее улыбка растаяла перед лицом Азалии; Дельфиния прижала к груди свое новое розовое платье.

— Он никогда не помнил про наши дни рождения.

— А мы помнили про его?

Дельфиния покраснела.

— Ну... это совсем не одно и то же.

Азалия потерлась подбородком о прохладный фарфор.

— Я просто подумала, что он всегда дарит нам подарки на Рождество, но... мы никогда и ничего ему не дарим.

Брэмбл пожала плечами: — Он никогда ничего и не просил.

— Просил. Только, по-своему. Он же наш папа, правильно? — Азалия подняла брови, и легкая улыбка коснулась ее губ. — Что ж, давайте теперь и вести себя соответственно.

Азалия гордилась своими сестрами. Она не могла им ничем помочь, и оставалось только гордиться. Все без исключения, даже Дельфиния, согласились опять облачиться в черное. Ни одна из них и не предполагала, как долго Король пожелает пребывать в трауре, но никто не жаловался. Они носились по особняку Фейрвеллера, в котором пахло перечной

мятой, полы были натерты парафином и повсюду встречались кружевные салфетки и коробки с шоколадными конфетами, — и задергивали шторы. Даже слуги вызвались помочь, когда Кловия объяснила им суть происходящего.

— Прощай, солнечный свет, — вздохнула Дельфиния, задвигая занавеси в галерее. На портреты родственников Фейрвеллера, всех одетых в черное, упала тень. — Прощай, день.

— Солнечный свет, день, — причитала Брэмбл. — Вздор! — и она демонстративно передвинула портьеры соседнего окна.

— Брэмбл, — вдруг обратилась к ней Азалия. — А ты уже писала лорду Тедди?

— Кому?

— Лорду Тедди. Ты просила меня написать ему. Разве не помнишь?

— Что за чепуху ты несешь? — и Брэмбл улыбнулась ей, сдвигая брови.

Азалия взглянула на руки сестры, сжимавшей занавески. Костяшки пальцев Брэмбл побелели.

— Что тут творится?

От звука этого голоса Азалия, невзирая на всеохватывающую ломоту, едва не подпрыгнула от радости. Король стоял на другой стороне галереи, тяжело опираясь на прогулочную трость, на плече висела военная сумка.

— Папа! — воскликнула Азалия, когда сестры налетели на него словно воробушки на хлебные крошки. — Ох, присаживайся скорее. Ты сейчас упадешь.

— Вовсе я не падаю. — Но девочки уже усаживали Короля в ближайшее кресло. Поморщившись, он устроился поудобнее на золотом бархате. Был он помятым, бледным, запыхавшимся, но! — с ровной бородкой. Хороший знак. Уж если он в состоянии бриться, несмотря на многочисленные бинты, то с ним определенно всё в порядке.

— Вы наконец-то проснулись, мисс Азалия, — заключил Король после тщательного осмотра хлопотавшей вокруг него дочери. — Выглядите значительно лучше.

— Ты выглядишь значительно лучше, а ведь в тебя стреляли! — воскликнула Азалия, когда девочки расселись вокруг него на деревянном полу.

— Пуля попала в пуговицу камзола, — сообщила Ева. — Так сэр Джон сказал.

— И... поранила кожу. — Не похоже, что Брэмбл сама верила своим словам.

— Чего-чего? — изумилась Азалия. — В пуговицу камзола? Вы что не видели кровь?

— Азалия, — произнес Король.

— Вы все видели! Она растекалась по всему полу! Пинтами!

— Азалия, — снова произнес Король, и что-то в его тоне заставило ее замолчать. Она взглянула ему в глаза. Они сияли неведомым светом, и девушка вспомнила обжигающий снег.

— Ты как? — спросила она.

— Неплохо. — Король слабо улыбнулся.

— Какая тяжелая у тебя сумка, — пропищала Холли, которая уже возилась с застежками.

— А что в ней? Покажи.

Король улыбнулся и, стянув сумку с плеча, достал из нее сверток. Он развернул материю и на древесину ценной породы со звоном упал длинный тяжелый кусок серебра. Он еще раз встряхнул тканью и на пол вывалилась рукоять.

— Мы обыскали всю реку, — пояснил Король.

— Меч! — Азалия подобрала выпавшие предметы. — Я его уронила!

— Как сказать. И да и нет. Он бы и так сломался рано или поздно. Конечно, обстоятельства могли сложиться и благоприятнее, но... — Король улыбнулся, и Азалия увидела, что улыбается он с перекосом, почти как Брэмбл. — Починить его можно. А теперь объясните, что происходит? Окна завешены. И что с платьями? Разве вам не принесли новые?

Девочки прижали ладошки к коленкам и смущенно опустили глаза. Заговорила Азалия:

— Это наш подарок. Тебе. Мы знаем, как важен для тебя траур. И... мы действительно пришли к единому мнению. Мы обойдемся без танцев и прочего еще какое-то время.

— Особенно учитывая наш Знатный туфельный переполох, пробудивший мертвеца и едва не разрушивший дворец, — подметила Брэмбл. — За такое можно и наказать запретом на танцы, как минимум на час. Как бы то ни было. С Рождеством... П-папа.

— С Рождеством, — прочирикала Холли.

— Счастливого Рождества, — хором вторили девочки.

На лице Короля застыло непроницаемое выражение. Он открыл было рот, но вскоре закрыл, положив руку на темные кудряшки Лилии. Малышка обсасывала его штанину, оставляя мокрый след. Он усадил ее на колено.

— Мы никогда не думали о твоих чувствах. — Азалия сжала кулачки, чтобы не видеть красные рубцы на ладонях. — Мы исправимся. Я исправлюсь.

Король опустил могучую руку на плечо Азалии. Она посмотрела ему в глаза и увидела, что свет, исходивший из них, почти такой же как у Матушки.

— И я, — сказал он. — Ты станешь хорошей королевой, Азалия.

Азалия залилась краской от неожиданной похвалы, но лучилась счастьем, когда сестры хихикали и подталкивали ее локтями. Король встал, Лилия обвила его за шею.

— Траур окончен, — заявил он. — Я серьезно. Раздвиньте шторы. Ваша матушка не хотела бы, чтобы он так затягивался.

Ликуя и пританцовывая, девочки оттягивали Короля за пиджак, когда тот собирался помогать им с портьерами.

Меч починили и в парламенте на нем дали клятву. Несмотря на хромоту и повязки Король, при участии мистера Пудинга и военных, взялся за восстановление дворца. Что не удалось обесчарить посредством ослабшего меча — сожгли или перенесли в безопасное место. Вооруженные топорами солдаты вырубали колючие кустарники, зажимавшие дворец и сады. Люстры-пауки уничтожили, а зеркала и окна заменили. Потолок тоже обновили, а купидоны жались по углам, пока их не покрасили белым. Удивительно, говорил Король, сколько успел заколдовать Хранитель за столь краткое время.

Каждый день Король возвращался намного позже заката солнца и переступал порог особняка Фейрвеллера, тяжело опираясь на прогулочную трость. Ожидавшие его девочки обступали отца и вели в столовую, где подавали на стол горячего фазана и прочие фейрвеллеровские явства, и они ужинали как семья.

— Все эти строительные работы и ремонт, разве мы можем себе такое позволить? — спросила как-то вечером Азалия, когда на столе стояли артишоки и жареный перепел.

— Парламент выделил средства, — ответил Король, — а мы милостиво их приняли. Время от времени дворцу необходима реконструкция.

— А мы можем пойти завтра с тобой? Ну, пожалуйста, — пропищала нараспев Флора.

— Нет.

— Ох, но мы так по нему соскучились! — добавила Злата.

— Пожалуйста, возьми нас!

— Пожалуйста, ну, пожалуйста!

Девочки повскакивали с мест и столпились вокруг Короля, дергая его за пиджак.

— Пожалуйста, Папа! Папа! — заголосили они разом. — Ну, Папочка, пожалуйста!

И они пошли.

Дворец изменился. И дело было не в толкотне сновавших туда-сюда подъемных кранах и рабочих, и не в стекольщиках, которые ремонтировали фасады, башню и окна и кланялись, когда девочки заглядывались на их работу. Да и не в рьяном корреспонденте "Геральда", который осаждал ворота дворца с чернилами наизготове и умолял впустить его, но в ответ от Короля получил только захлопнувшуюся дверь. И дело было даже не в том, что солнце теперь светило во дворце как раньше.

В прошлом году над ним нависла туча, окутывая своей темнотой. Но теперь она сгнула вместе с плотными портъерами. С тех пор, как Матушку сразил недуг, дворец еще никогда не казался таким радужным.

— Большую часть дворца обесчарили, — пояснял Король, направляя их к галерее в восточном крыле. — Однако, вы у меня очень наблюдательные. Если увидите, что я что-то пропустил — кричите. И не наступайте на ковер, он немного... голодный.

Предусмотрительно избегая ковровую дорожку, Азалия осматривала знакомую галерею и хотела обнять каждый, пусть даже самый незначительный, запачканный и поверженный, предмет мебели и расцеловать все портреты. К облегчению Азалии, лица на них немигающе смотрели перед собой. Взглянув на портрет двоюродной тетушки Хризантемы во второй раз, Азалия уловила какую-то перемену. Косоглазие?

— А, — среагировал Король, проследив за взглядом дочери. — Я обесчарил ее в неподходящий момент, к сожалению.

— Пап? — позвала Флора, когда девочки собрались возле нового портрета, прислоненного к стенной панели. Это была изумительная работа — плотные мазки и насыщенные цвета. Азалия, разинув рот, смотрела на картину: непослушные каштановые волосы, сладкая улыбка и свет в глазах, который без малого не искрился на холсте.

— Святые камзолы, — промолвила Азалия, желая заключить портрет в объятия. — Как похоже на нее!

— Знаю, — сказал Король с болью в голосе.

— А это за какие шиши нам досталось? — Брэмбл провела пальцами вдоль шедевра, словно касаясь. — Как пить дать, нарисовано в Делчестре.

— Мисс Брэмбл!

Оклик прокатился по галерее. Тотчас все обернулись. Брэмбл побелела.

В дверном проеме стоял лорд Тедди. Он побежал навстречу, перепрыгивая через ковер, и притормозил в нескольких шагах от Брэмбл. Девушка крепко вцепилась в юбки, руки дрожали.

— Лорд Хафтенравеншер, — произнесла она, не улыбнувшись.

Лорд Тедди сник. Он засунул руки в карманы, потом вынул их и снова засунул. Кивнув на портрет, он сказал:

— Я... только привез его. Я... надеялся застать вас здесь. Вам нравится? Я видел вашу маму много лет назад, и когда я узнал, что она... ну вы поняли... она... короче, я подумал, что будет зашибенно собрать всевозможные ее изображения и поручить Карривегу, Карривег — наш семейный художник, ее нарисовать. И тем самым сделать для вас всех сюрприз. Потому что, так вышло. И у вас теперь нет мамы.

Брэмбл сжала губы. Кулачки ее все еще тряслись.

— Заберите его обратно. — Она смотрела на пол, но слова ее больно жалили. — Нам не нужна ваша картинка. Мы не нуждаемся в вашей благотворительности. Заберите его обратно!

Тедди выпрямился в полный, неуклюже возвышающийся над всеми, рост и воскликнул:

— Н... к черту...О! Это не благотворительность и я не заберу его обратно! Это подарок! Подарок, к черту всё! Потому что мне нравилась ваша мама! И мне нравятся ваши сестры! И вы, Брэмбл! Я вас люблю!

Слова отдавались эхом. Все пялились на лорда Тедди, прикрыв рты руками, а он задыхался от волнения, но держался уверенно. Брэмбл все еще сжимала губы. Белые губы.

— Молодой человек, — деликатно произнес Король. — Ваш корабль скоро отходит?

Азалия подумала, что теперь уж Король аннулирует любые договоренности между Брэмбл и лордом Тедди, который потерпел полнейшее фиаско. Ирископодобная фигура лорда Тедди сгорбилась. Он развернулся и пошел прочь; от его оживленности не осталось и намека.

— Это правда?

Лорд Тедди вмиг развернулся. Губы Брэмбл все еще напоминали тонкую линию, но она смотрела перед собой, сверкая желтыми глазами.

— Господи, да. Я люблю вас так сильно, что у меня сводит суставы!

— Ох! — Брэмбл закрыла рот ладонями и согнулась пополам. — Ох, ой-ёй-ей! — Её лихорадило. Сложно было определить то ли она плакала, то ли кашляла, то ли ей вообще не здоровилось. — Ох!

Брэмбл подпрыгнула, хлопая юбками. Она исполнила гран жете, достойное прима-балерины Делчестра. Приземлилась она прямо на лорда Тедди, которому оставалось лишь поймать ее, и Брэмбл обвила руками шею джентльмена. Затем, к всеобщему потрясению, она прижалась губами к его губам.

— Вот это... да, — прошептала Кловия.

Но больше всех удивился лорд Тедди, который попятился под натиском Брэмбл. Нетвердой походкой он прошествовал по зачарованному ковру. Взметнулось расплывчатое красное пятно, и ковер вмиг поглотил парочку, словно красный львиный зев.

Такая конструкция, потеряв равновесие, глухо повалилось на пол.

Внутри ковра движения не наблюдалось. Зрители некоторое время стояли молча.

— Прошу прощения, — нарушила тишину Ева. — А что сейчас было?

Из коврового свертка донеслись сдавленное ммм ммм мммфф.

— Нам бы надо их оттуда достать, — предложила Азалия. — Пока их не переварили.

Азалия и Кловия раскручивали коврик, пока не показалась Брэмбл; она прижалась к лорду Тедди и уткнула нос в его ярко-зеленый галстук, едва не плача.

— ...окна бальной залы, и когда я увидела вас, то подумала, что разревусь, вы так храбро себя вели...

— Ну и ну! — недоумевал лорд Тедди. — Вот тебе на!

Король подхватил Брэмбл за талию и вырвал из объятий лорда Тедди. Конец ковра выскользнул из рук Азалии и снова обмотался вокруг лорда.

— Брэмбл, как это понимать! — воскликнул Король.

На лице Брэмбл красовалась самая большая улыбка, которую Азалия когда-либо замечала у сестры.

Король не знал, что сказать. В растерянности он водил пальцами по волосам. Азалия, понимая, что Матушка нашла бы выход из сложившейся ситуации, подалась вперед.

— Лорд Тедди. Не желаете присоединиться к нам за чаепитием?

— Еще бы! — ответил ковер.

До отъезда лорду Тедди позволили целый час погулять с Брэмбл по саду в сопровождении мистера Пудинга. Девочки из окон видели, как лорд Тедди и Брэмбл с жаром что-то обсуждали, а затем убежали, оставив мистера Пудинга блуждать по заснеженным тропинкам. Девочки тщательно их разыскивали и в конце концов через час сладкую парочку обнаружили в лесу бабочек — Брэмбл сидела на перевернутом ведре и хихикала, а лорд Тедди целовал ей пальчики. Мистер Гасперсон на пару с Королем оттягивали пылкого влюбленного, дабы тот не опоздал на корабль, а Брэмбл, прислонившись к балясине перил, беззаботно улыбалась.

Бесперывная болтовня сестры о лорде Тедди только усугубляла состояние Кловии. И пусть Азалии не нравился Фейрвеллер, но сердце ее сжималось, когда по ночам она слышала рыдания Кловии. Appetit у Кловии тоже пропал — нехотя ковыряя вилкой в тарелке, она почти все отдавала Айви. Азалия не на шутку беспокоилась.

— Честное слово, Кловия, я никак не пойму, чем он вообще тебе нравится, — сказала Дельфиния в один из последних дней января. Они уже переехали во дворец, в котором стояли новые окна, и радовались возвращению в свою обыденную обесчаренную спальню. И пока девочки одевались, повсюду играли золотые лучи яркого солнца.

Кловия сидела на краю кровати, укутавшись в шаль, и молчала.

— Давай посмотрим фактам в лицо, — предложила Брэмбл, завязывая на воротнике зеленую ленту. — Мы с Рождества о нем ничего не слышали. А это было целую вечность назад! Он о тебе забыл.

Кловия крепче закуталась в шаль.

— Ой, стойте, — пискнула Айви, которая смотрела на главный двор через западное окно. — А вот и не забыл... Фейрвеллер здесь!

Кловия бросилась к окну. Остальные толпились рядом. Внизу по гравийной дороге прогуливались джентльмены, а ЛедиФейр стояла привязанная к балюстраде.

— И дворецкий его здесь.

— Ой, смотрите, Король вышел поздороваться.

— Ага, с оружием.

Сестры подались вперед.

— Пистолеты! — воскликнула Кловия и выбежала из комнаты.

— Кловия... дуэли не... постой, — позвала Брэмбл. — Она точно сейчас что-нибудь учудит. Хм, по крайней мере, отсюда мы все увидим.

Через две секунды Кловия мчалась вниз по мраморной лестнице главного входа, за ее спиной развивались юбки. Джентльмены только приступили к выяснению отношений, как рыдающая Кловия с разбега кинулась Королю на шею.

Через окно голоса доносились приглушенные. Девочки приникли еще ближе к стеклу.

Кловия упала на колени и поцеловала полу плаща Короля.

— Ох, ну не надо перегибать палку, — пробормотала Брэмбл.

Фейрвеллер снял свой плащ и накинул на плечи Кловии; Король скинул плащ Фейрвеллера и укрыл дочь своим плащом. После чего жестом показал Фейрвеллеру следовать за ним.

Девочки расхаживали перед библиотекой, ожидая, когда Фейрвеллер, Кловия и Король закончат переговоры. Иногда из-за двери доносился голос Короля — преимущественно разгневанный. Долетал и сладкий голосочек Кловии — уверенный и без заикания. Однако, сестры не разобрали ни единого слова.

Еще через какое-то время дверь открылась, и показался Фейрвеллер с таким выражением, будто его только что спас ангельский хор. Оцепеневший, с растрепанными волосами, он озирался по сторонам невидящим взором. Кловия сияла от счастья.

— И ни днем раньше... — прорычал Король.

— Конечно, разумеется, — ответил Фейрвеллер. — Как скажете, Ваша светлость.

— И ты уедешь...

— Да... прямо сейчас. Как скажете.

Он низко поклонился Королю. И к глубочайшему удивлению Азалии, он поклонился ей и другим девочкам. Затем он нежно заключил руки Кловии в свои ладони и коснулся их губами. Уходил он, не чуя под собой ног от радости.

— Ах, Папочка! — Кловия обняла Короля, едва закрылась входная дверь. — Спасибо тебе!

— Не... не... не надо! Я очень сержусь на вас, молодая леди! Азалия!

Когда Кловия разжала объятия и принялась танцевать и кружить младшеньких, Король склонился к Азалии.

— Ты будешь представлять Кловию джентльменам на балах и суаре, да и вообще везде, — тихо сказал он. — И так, пока ей не стукнет семнадцать. Ты должна ее познакомить с другими джентльменами. Предпочтительно с теми, кого сама одобряешь.

— Хорошо. — Азалия посмотрела на счастливых девочек рядом с Кловией. Через небольшое оконце над дверью проникал солнечный свет, озаряя золотыми бликами головку улыбающейся Кловии — такой красивой Азалия ее еще не видела. — Только... знаете. Он ведь и в самом деле ее любит.

— Предатель, — пробурчал Король.

ГЛАВА 30

— На что похож поцелуй? — спросила как-то Дельфиния ранним февральским днем. Король уехал по Д.К.В., и сестры завтракали в комнатке за кухней; от горячей кукурузной каши шел пар, но девочкам нужна была пища иного рода.

Последние дни Брэмбл и Кловия вели себя абсолютно несносно. Они писали длинные письма своим возлюбленным, Брэмбл разглагольствовала о том, какой потрясный лорд Тедди, а Кловия рассуждала о том, какой добрый и здравомыслящий Фейрвеллер. Здравомыслящий. Да, именно так она и говорила.

— Ммм... очень напоминает танцы. — Брэмбл подвинула свою тарелку к Айви и оскалилась. — Помнишь то состояние после вращения, когда вокруг тебя кружатся стены. Что скажешь, Кловия?

Кловия потрясла золотистой головкой.

— Думаю, скорее... это когда партнер ловит тебя, и от этого приятного чувства слегка немеют пальчики на ногах.

Брэмбл скорчила мину.

— Нет... не совсем так. А, ладно, вот если бы мы знали больше танцев...

— Афалия фнает много танфев! — заметила Айви с полным ртом каши.

— Да, точно! — Но тут Флора заметила выражение лица Азалии и осадилась себя. — Хотя... нет, думаю, что нет.

Азалия так резко встала, что ее стул стукнулся об изгородь с розовыми кустами.

— Нет, однозначно нет! — Она швырнула помятую салфетку в Брэмбл, — которая из соображений порядочности приняла раскаивающийся вид, — и ушла.

Прийдя в свою комнату, она не заплакала. Она слишком злилась, чтобы плакать. Вместо этого она прибралась, разложила подушки, бросила несвежие платья в корзину для грязного белья и заштопала чулки. Невыносимо слушать Кловию и Брэмбл, ведь сама она не получила никаких новостей о мистере Брэдфорда. Она очень волновалась, и волнение отдавалось тянущей болью в животе, что он и правда ее любит, но не достаточно сильно.

Азалия только собралась распороть швы на чулках, чтобы потом заштопать их снова, как вошел Король.

— Девочки сказали, что ты здесь. — Стоя в дверном проеме, он наблюдал за ее шитьем.

— Азалия.

— Да, я здесь уже давно, — отозвалась Азалия нарочито веселым голосом. — А где еще мне быть? Надо столько всего сделать, а поскольку Кловии и Брэмбл не до этого, то кому как не мне штопать чулки? Ведь у меня полно свободного времени, да?

В глазах у нее зашипало. Король барабанил пальцами по дверной коробке.

— Пойдем со мной. Я хочу дать тебе кое-что.

Король достал из кармана серебряный гарольд и подошел к камину.

— О, нет... нет, нет. — отпрянула Азалия. — Я не спущусь туда снова.

— Пойдем, взбодрись. — Взяв ее за руку, Король легонечко подтолкнул дочь к серебряной завесе и потом помог ей спуститься по заплесневелым деревянным ступенькам. Азалия осматривалась по сторонам, подавляя неприятные воспоминания.

Через окно на крыше в кладовую проникал яркий свет. Сломанные игрушки лежали кучкой в углу. Король сунул руку в одну из коробок и извлек маленькое украшение.

Это была брошь. Король подошел к Азалии и положил брошь ей в ладонь.

— Что? Нет! — Азалия пощупала вещицу. — Я не могу... она Матушкина!

— Теперь она твоя и твоих сестер. — Король накрыл ладонями руки дочери. — Сама знаешь, это только стекляшка. Драгоценного в ней нет. Ваша Матушка знала об этом, когда принимала ее вместе с моим предложением руки. И она знала, что я танцую как медведь. Она знала о политике и об обязательствах в браке с королевской особой. Она знала обо всех этих... неприятных минусах. А некоторые даже могут назвать их жуткими.

Азалия быстро взглянула на Короля. Он улыбался одним уголком губ.

— Но! Сложись все иначе, было бы очень печально, согласна?

От слез жгло в глазах. Азалия сжала брошь. Она представила ее отца, молодого короля, интересно, крутились вокруг него разряженные барышни, фальшивые и льстивые, осыпающие его комплиментами... не потому что он им нравился, а потому что они хотели быть королевами. Впервые в жизни Азалия осознала, что хотя Король и не умеет танцевать, он ее понимает — целиком и полностью.

Азалия с чувством благодарности обняла его.

Он был крепким и сильным. И она любила его за это.

— Итак. — Король выглядел одновременно и польщенным и обескураженным. — Поторопитесь, барышня. Молодой капитан Брэдфорд ожидает в бальной зале. Он потратил много часов на заполнение парламентских бумаг и долго ждал, пока парламент одобрит его кандидатуру, чтобы я разрешил ему с вами встретиться.

Осознав весь смысл сказанного, Азалия, выписывая па, вскочила на лестницу. Она нетерпеливо делала наклоны в разные стороны, когда Король подошел к ней, доставая серебряную монетку. Уголком глаза Азалия уловила поблескивание.

Рядом с ее ногой лежала маленькая кучка пепла.

Позабыв о спешке, Азалия присела и потрогала пепел. Прилипшие к пальцам серебряные пылинки переливались в полумраке.

— Сударь. Папа!

— Да?

Слова застряли у Азалии в горле.

— Впрочем, не важно. — Азалия вытерла ладонь о юбку, оставляя на ткани серебристо-серые пятна; она вспомнила омывшее ее теплое сияние, вспомнила потеплевшую руку Короля и мерцающий свет, который до сих пор пребывал с нею. И она поняла. Только теперь поняла, почему этой разновидности магии — самой сильной магии — не дали названия. Ведь иногда просто невозможно наклеить на что-то ярлык.

Азалия помогла Королю спуститься по ступенькам к бальной зале, и чем ближе она подходила, тем сильнее нервничала. Король отчего-то волновался тоже, нервно перебирая карманные часы, и уже возле дверей замедлил ход.

— Азалия... послушай.

— Что? — Азалия беспокойно вставала на носочки, а потом снова на пяточки.

— Я забыл упомянуть кое-что.

Ой-ёй, пронеслось в голове у девушки.

— Видишь ли, тебе, как бы, предстоит предложение.

От счастья Азалия едва не выпрыгнула из ботинок. И она закружилась вокруг Короля на быстрых изящных ножках.

— Если честно... я догадывалась, — засмеялась она, подпрыгивая. — Если еще честнее, то я на это наделась. Ведь теперь он баллотируется в парламент и все такое и... Брэмбл с Кловией уже помолвлены, и...

Она застыла на полуобороте, заметив выражение Короля.

— Азалия, предложение будет делать вовсе не он.

Невидимые пружинки в ногах Азалии вмиг лопнули.

— Как это?

— Понимаешь, ты выше его по рангу. — Король нервно переступил с ноги на ногу. — Для него в высшей степени неприлично делать тебе предложение. Делчестрийской королеве пришлось самой...

— Ничего подобного я не сделаю! — воскликнула Азалия.

— Азалия! — тон Короля стал решительнее. — Не глупи и следуй правилам. Кроме того, благодаря таким правилам последнее слово остается за тобой.

— Последнее слово итак всегда было за мной! Как же это убивает всю романтику!

— Ну, если хочешь, я могу отослать его.

— Нет! Не надо!

— Иди, дочка, — сказал Король и втолкнул ее в бальную залу. Он так хотел поскорее закрыть дверь, что едва не прищемил ей юбки. Азалия отпрянула от двери и, стукнув по ней ботинком, пробормотала:

— Вот уж спасибо!

Позади раздалось вежливое покашливание. Азалия крутанулась на мраморном полу и увидела солнечные лучи, озарившие новые позолоченные зеркала и самого мистера Брэдфорда. Одетый в элегантный костюм, он выглядел как нельзя более стандартно — воротник тщательно приглажен, галстук старательно приколот. Однако, его русые волосы неисправимо торчали. Он мял руками край шляпы и радостно смотрел на Азалию.

— Принцесса.

— Капитан! — Азалия вцепилась в дверную ручку за спиной. Она ответила ему лучезарной улыбкой; от головокружения слегка немели конечности. Лишь бы не захихикать, лучше и дальше только улыбаться.

— Вы прекрасны, как всегда, — сказал он.

Азалия улыбнулась пошире, зачем напоминать, что обычно он видел ее промокшей, замерзшей, без сознания или в сопровождении восставшего мертвеца.

— Вы баллотируетесь в парламент? — спросила Азалия.

— Да... давно пора было это сделать. Думаю, я просто трусил.

— Вздор! Будь вы трусом, разве прыгнули бы в окно этой комнаты?

Памятуя о поставленной задаче, Азалия помрачнела и сглотнула. Дверную ручку она не выпустила, а на прижатой к дверям спине отпечатались задвижки.

— Мистер Брэдфорд, я не собираюсь делать вам предложение.

Огонек в глазах мистера Брэдфорда погас. Как и его улыбка. Он попытался снова улыбнуться. Мучительное зрелище.

— О...

— Мистер Брэдфорд.

— Да?

— Вам не будет сильно трудно если... если вы... предложение сделаете вы?

Искорка в глазах мистера Брэдфорда заиграла снова. А его улыбка в своей необъятности почти не была кривой.

— Если вы не против, — сказал он.

Он подошел к Азалии, вложил ее ладонь в свою и повел девушку к центру залы. Ботинки Азалии зацокали по мрамору.

— Прежде всего, — сказал он, глядя ей в лицо. — Я хочу дать вам это.

Порывшись в карманах пиджака, он достал маленький легкий сверток коричневой бумаги, перевязанный веревочкой, и протянул его Азалии. Сгорая от любопытства, она потянула за концы веревочки. Бантик развязался, бумага развернулась.

Это был серебряный платок. Мягкий и эластичный — совсем как у Матушки. А в уголке переливались вышитые инициалы "А.К.В."

Азалия рассмеялась и в то же время слезы брызнули из ее глаз. Она обхватила мистера Брэдфорда за шею, желая обнять его сильно-сильно, чтобы коснуться его души.

— Да! — воскликнула она. — Да! Да, да, да!

— Ну... я же... еще вообще ничего не сказал.

И всё же он притянул Азалию к себе еще сильнее. Девушка уткнулась щекой в его доселе разглаженный воротник и вдохнула его запах. Запах свежего белья. Она почувствовала, как мистер Брэдфорд прижался щекой к ее макушке, а его губы коснулись ее волос.

Они оба вздрогнули, услышав приглушенный голос:

— Да когда же он ее наконец поцелует?

Застигнутые врасплох отпрянули друг от друга. В окнах бальной залы, прижав носы и руки к стеклу со стороны улицы, толпились девочки. Они стояли среди зарослей колючих розовых кустов, а на их лицах играли озорные улыбочки. Дельфиния и Ева, хихикая, перешептывались; Брэмбл расплылась в широченной улыбке, а ее желто-зеленые глаза искрились.

Среди прочего проглядывался и другой силуэт. Его обладатель скрестил на груди руки и — непоколебимый и деловой — возвышался над всеми.

И надо сказать, недовольства за ним не наблюдалось.

— Вот же маленькие испорченные шпионы! — воскликнула Азалия.

Мистер Брэдфорд рассмеялся и, отбросив свою шляпу в другой конец зала, одной рукой закружил Азалию. Юбки ее взметнулись и зашуршали по брюкам джентльмена. От той легкости, с которой мистер Брэдфорд кружил ее, ловко перебирая пальцами, Азалия поплыла, от счастья. Он снова привлек ее к себе, а потом раскрутил.

На этот раз Азалия не вернулась к партнеру. Вместо этого, она нырнула в глубокий реверанс. Этому реверансу она отдала всю себя — каждый мускул, каждая клеточка устремились в глубокий безупречный поклон. Подогнув ноги, она потонула в облаке юбок. Практически упираясь носом в пол, правую руку она вытянула в сторону мистера Брэдфорда, а левую завела за спину. Азалия не сомневалась, что даже Матушке не исполнила бы реверанс из глубины души изящнее.

Азалия несмело глянула на мистера Брэдфорда, нижняя челюсть которого слегка отвисла. Она захихикала, и он тоже засмеялся, а затем упал перед ней на колени. Он подтолкнул ее легонько. Хрупкая, тоненькая нить равновесия лопнула. Азалия упала прямо в его объятия и удивленно сморгнула. Он улыбнулся, теперь уже более серьезно и сосредоточенно, своей большой нежной ладонью привлекая ее лицо для поцелуя; Азалия интуитивно закрыла глаза.

Это было похоже на танец — как одновременно кружиться и парить, — но при этом с мягким, почти воздушным касанием. Сердце трепетало и бешено билось в груди.

Двери бального зала распахнулись, впуская поток морозного воздуха и оживленную болтовню. Мистер Брэдфорд помог Азалии подняться и сразу подбежали взволнованные сестры.

Азалия, задыхаясь и смеясь, поставила всех в позицию для кадрили. Взявшись за руки, девочки приготовились для семейной приветственной кадрили, такой, которой они приветствовали Лилию год назад. Такой ритуал предстоял также лорду Тедди, и Фервеллеру. Азалия уже не сомневалась, что так и будет.

— Молодец, Айви, — похвалила Азалия. — Отлично стоишь! Жас, возьми за руки. Будем делать медленно, чтобы и малышка Лилия успела, ведь она уже ходит. Великолепно, Делфи. Все готовы? Прекрасно! Пойдите...

Круг был не полный.

Азалия повернулась к Королю, который, скрестив руки с довольной улыбкой, стоял в нескольких шагах от круга. Азалия протянула ему ладонь.

— Потанцуешь с нами?

Король вмиг принял суровое выражение.

— Определенно, нет, — сказал он. — Тебе известно, какой из меня танцор.

Но Азалию уже это не волновало. Она, а следом за ней и остальные девочки, крепко схватили его за руки и втянули в круг. Они танцевали медленно, и он повторял за ними все движения. И даже при таких условиях Азалия почувствовала внутри согревающее мерцание. И это был самый лучший танец из всех, что ей доводилось танцевать.

Конец.